

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:
Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Т.І. Якавук
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2015

У адпаведнасці з Загадам Старшыні Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь № 81 ад 20.03.2015 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

От редколлегии. Ученый, педагог и организатор высшей школы (к юбилею профессора Василия Алексеевича Степановича).....	5
Лепешко Б.М. Гносеологические параметры философско-исторического процесса	7
Онуприенко С.П. Великая Отечественная война в сознании детей и молодежи Беларуси (философско-методологические аспекты).....	14
Михайлова Н.В. Философские импликации результатов Гёделя о неполноте математики.....	21
Беляева Е.В. Механизмы образования модерно-традиционных систем нравственности.....	30
Бродецкая Ю.Ю. Культурное потребление как перспектива решения проблемы социальной целостности.....	36
Финслер О.В. Гипотезы и теории происхождения музыки: философско-антропологический анализ	42
Иванчина О.Н. Семантика современного мультфильма	49
Лагуновская Е.А. Духовные ценности христианства в формировании нравственных основ старобелорусского общества X–XVI вв. (часть I).....	57
Дробная Е.В. Мортальность и её преодоление: философско-культурологический аспект	63

ПАЛІТАЛОГІЯ

Храмцова Ф.И. Социальный иммунитет молодежи как объект политики государства: теоретико-методологические аспекты	69
Бондарь Ю.П. Цивилизационный код Беларуси	76
Галстян Х.С. Проблема политического диалога в постмодернистском дискурсе современности	82
Мельников А.П. Политическая культура Египта.....	88
Северин Э.Н. Институализация теории прав человека в политической науке	95

САЦЫЯЛОГІЯ

Яковук Т.И. Реализация мотиваций современных путешествий как способ изменения субъективного ощущения качества жизни	106
Смирнова Р.А. Инновационный потенциал руководителей и специалистов предприятий сельского хозяйства	111
Варич В.Н., Климович А.В. Желаемый образ семьи в ценностном сознании современных белорусов и россиян.....	118
Кузьменко Т.В. Стереотипы «город – село», «центр – периферия» в структуре идентичности жителей Беларуси.....	125
Кавецкий С.Т. Структурирование аномии в трудах Р. Мертона, Т. Парсонса, Р. Дарендорфа	130
Герасименко А.В. Современные демографические вызовы как предпосылки «негативного» человеческого развития	136
Шебанова И.А. Эффективность семейной политики в России и Беларуси (по материалам социологического исследования).....	142
Наумова В.И. Особенности реализации основных функций семьи в современной Беларуси	149

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S.A. Marzan

International Board:

M.M. Gromov (Russia)

A.N. Kryglashov (Ukraine)

Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:

G.I. Zaimist

(managing editor)

P.A. Vadapyanav

V.M. Vatyl

A.N. Grigorovich

C.S. Kirvel

P.P. Krus

B.M. Lyapeshka

S.V. Reshetnikov

D.G. Rotman

E.Y. Skakun

V.A. Stepanovich

T.I. Yakavuk

Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:

224665, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2015

According to the order of Chairman of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 81 from March 20, 2015, the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical political and social sciences

CONTENTS

PHILOSOPHY

From Editorial Board. Scientist, Educator and Organizer Higher Educational Institution (to the jubilee of Professor Vasilii Alekseevitch Stepanovich).....	5
Lepeshko B.M. Epistemological Parameters of Philosophical and Historical Process.....	7
Onuprienko S.P. The Great Patriotic War in the Minds of Belarusian Children and Youth (Philosophical and Methodological Aspects).....	14
Michailova N.V. Philosophical Implications of Gödel's Results of Incompleteness of Mathematics.....	21
Belyaeva E.V. Mechanisms of Formation of Modern-traditional Morality Systems.....	30
Brodetskaya I.I. Cultural Consumption as the Perspective for Integrity Problem Solving.....	36
Finsler O.V. Hypotheses and Theories of the Origin of Music: Philosophical and Anthropological Analysis.....	42
Ivanchina O.N. Semantics of Modern Cartoon.....	49
Lahunouskaya A.A. Spiritual values of Christianity in the Formation of the Moral Foundations of the old Belarusian society X–XVI centuries.....	57
Drobnaya E.V. Mortally and its Overcoming: Philosophical-cultural Aspect.....	63

POLITOLOGY

Hramtsova F.I. Social Immunity of the Youth as the Object of Government Policy: Theoretical-methodological Aspects.....	69
Bondar Y.P. Civilizational Code of Belarus.....	76
Galstyan H.S. The Problem of Political Dialogue in Post-modernist Discourse of Modernity.....	82
Melnikov A.P. Political Culture of Egypt.....	88
Severin E.N. Institutionalization of Human Rights Theory in Political Science.....	95

SOCIOLOGY

Yakovuk T.I. Realization of Motivations of Modern Journeys as a Means of Changing the Subjective Perception of the Quality of Life.....	106
Smirnova R.A. The Innovative Potential of Managers and Specialists of Agricultural Enterprises.....	111
Varich V.N., Klimovich A.V. Family Desired Image in the Value Consciousness of Modern Belarusians and Russians.....	118
Kuzmenko T.V. Stereotypes City – Village, Center – Periphery in the Structure of the Identity of Belarusian Citizens.....	125
Kavetski S.T. Structuring Anomy in R. Merton, T. Parsons, and R. Dahrendorf's Sociology.....	130
Gerasymenko G.V. Modern Demographic Challenges as Determinants of «Negative» Human Development....	136
Shebanova I.A. Effectiveness of Family Policy in Russia and Belarus (on the materials of sociological survey)....	142
Naumova V.I. Features of Realization of the main Functions of the Family in Modern Belarus.....	149

ФІЛАСОФІЯ

От редколлегии: В июне 2015 г. Василий Алексеевич Степанович, кандидат философских наук, профессор, ректор нашего университета в 1989–1999 гг., отмечает свой 70-летний юбилей. Василий Алексеевич был инициатором и учредителем нашего журнала, и до настоящего времени является активным членом его редколлегии. Этот юбилей Василий Алексеевич встречает многими успехами и достижениями. Редколлегия поздравляет Василия Алексеевича с юбилеем, желает ему крепкого здоровья, дальнейших творческих поисков и находок.

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ И ОРГАНИЗАТОР ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (к юбилею профессора Василия Алексеевича Степановича)

Василий Алексеевич родился 16 июня 1945 г. в деревне Первомайская (Блудень) Березовского района Брестской области в семье рабочего. В 1962 г. Василий Алексеевич успешно окончил среднюю школу и поступил на физико-математический факультет Брестского педагогического института имени А.С. Пушкина, который закончил с отличием. За достижения в научно-исследовательской деятельности Василию Алексеевичу было предложено работать ассистентом кафедры философии и политэкономии. После окончания аспирантуры по специальности «Философские вопросы естествознания» Белорусского государственного университета с 1974 г. Василий Алексеевич работал в Брестском педагогическом институте имени А.С. Пушкина (с 1995 г. Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина) на должностях старшего преподавателя, доцента, проректора по учебной работе (1983–1989 гг.), ректора (1989–1999 гг.), профессора кафедры философии до 2013 г. Он кандидат философских наук (1981 г.), а в 1991 г. ему было присвоено звание профессора.

Трудовые заслуги Василия Алексеевича отмечены нагрудными знаками «Выдатнік народнай асветы БССР» (1982 г.), «Отличник просвещения СССР» (1986 г.), Грамотой Верховного Совета Республики Беларусь и нагрудным знаком «Выдатнік адукацыі Рэспублікі Беларусь» (1995 г.), нагрудным Почетным знаком «За ўклад у развіццё Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна» (2010 г.), грамотами республиканских и местных органов государственного управления и самоуправления.

За заслуги в педагогической и воспитательной работе, организации учебно-производственного процесса и его научно-методическом обеспечении Указом Президента Республики Беларусь В.А. Степановичу присвоено Почетное звание «Заслужаны работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь» (2001 г.).

В творческой и трудовой биографии Василия Алексеевича четко обозначаются три направления: научная, педагогическая и организаторская деятельность, и в каждом из них он достиг значительных успехов.

В кругу научных интересов профессора В.А. Степановича – проблемы истории философии, философии образования, методологии научного познания, философские аспекты экологии и безопасности человека и др. Он автор более 200 научных, научно-педагогических и учебно-методических работ, в том числе 8 учебных пособий по философии для студентов и магистрантов. Многие его работы опубликованы за рубежом: в России, Украине, Болгарии, Румынии, Литве, Польше. В своих работах Василий Алексеевич предстает талантливым и вдумчивым исследователем научных проблем.

Василий Алексеевич трепетно относится к педагогической деятельности, особо дорожит статусом и стилем работы университетского профессора. Он неоднократно выступал на пленарных заседаниях международных, республиканских и вузовских конференций по концептуальным проблемам педагогики высшей школы. Его лекции служат примером педагогического мастерства, построены на основе современных педагогических технологий, учат студентов и магистрантов диалогическому и эвристическому, критическому и контекстуальному мышлению – важнейшим качествам современного специалиста. Высокий профессионализм, творческая педагогическая индивидуальность и научная методология преподавания Василия Алексеевича сформировались и на основе изучения им международного опыта в качестве эксперта от Беларуси на Европейском региональном семинаре ЮНЕСКО, который был посвящен проблемам педагогической подготовки преподавателей вузов, ответственных за подготовку будущих учителей, а затем в течение пяти лет корреспондента ЮНЕСКО по этим проблемам (1990-е гг.); организатора сотрудничества Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина с Высшей педагогической школой г. Вайнгартен (Германия). Своим богатым педагогическим опытом профессор В.А. Степанович щедро делится с коллегами, студентами и магистрантами.

На постах проректора, а затем и ректора нашего учебного заведения Василий Алексеевич проявил себя как демократичный и продуктивный руководитель и организатор высшей школы. В перечне его заслуг за этот период особо выделяются две. Перед Брестским педагогическим институтом имени А.С. Пушкина тогда стояли две важнейшие стратегические задачи: оптимизация кадровой политики с целью увеличения удельного веса в структуре профессорско-преподавательского состава кандидатов и докторов наук и реформирование и совершенствование структуры учебного заведения (открытие новых специальностей, факультетов и кафедр) с целью обретения институтом статуса классического университета. В решении этих и многих других задач Василий Алексеевич в высшей степени проявил свой организаторский талант.

Василий Алексеевич Степанович как ученый, педагог и организатор высшей школы имеет особый статус и высокую позицию внутри нашего университетского сообщества и за его пределами.

Поздравляем В.А. Степановича с юбилеем, желаем крепкого здоровья, благополучия, творческих поисков и философских «Встреч», которые Василий Алексеевич рассматривает как особые формы диалога философской жизни и высоко их ценит.

*Рэдкалегія і Міжнародны савет
часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта»*

УДК 930.1

Б.М. Ленешко*д-р. ист. наук, проф., проф. кафедры философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ
ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

В статье рассматриваются некоторые проблемы теории знания в процессе исследования философско-исторического процесса. Анализируются гносеологические крайности в подходах, обозначенные условными терминами «субъективизм» и «объективизм». Приводятся аргументы в пользу как конвергенции методологических подходов, так и их дивергенции. В этом контексте анализируются идеи Н. Смоленского, А. Мегилла, Е. Доманской, Р. Арона. Сформулированы выводы относительно гносеологических параметров философско-исторического процесса.

Осмысление истории в категориях философии всегда сопровождалось спором относительно специфики гносеологического процесса. Однако любые дискуссии сопровождались общепринятой аксиомой: гносеологический процесс носил и носит непредсказуемый характер, в нём имплицитно заложены те «смыслы», которые можно интерпретировать самым различным способом, и все попытки построить некий универсальный алгоритм познания, который позволит получить удовлетворяющее большинство специалистов знание, возможны исключительно в эвристическом, поисковом плане. Видимо, именно поэтому при обращении к истории, философско-исторической проблематике мы постоянно наталкиваемся на признание «возможной (априорной) недостоверности» в ходе осмысления философско-исторического процесса, различные интерпретации одного и того же исторического факта; более того, признаётся, что такого рода интерпретация сама может выступать как особый метод познания, но об этом ниже.

Именно в контексте исследования философско-исторического процесса признаётся, что гносеологически ценным может быть не только привычное, классическое знание, постнеклассическая рациональность, но и то, что обычно выносилось за скобки науки и признавалось гносеологически ценным лишь в аспекте заблуждений. Речь идёт о магии, мифе, астрологии, архаическом знании и т.д. «Но если согласиться с этим, – отмечают исследователи, – то тогда свойства того или иного знания будут выводиться не из догматических стандартов рациональности, а из свойств познающего субъекта и практических контекстов его деятельности и общения» [1, с. 12]. Эти слова были сказаны в 1990 г. и тогда воспринимались как нечто революционное для отечественного обществознания. Тогда саму мысль о том, что в основу типологии знания могут лечь познавательные способности индивида и соответствующая типология практик, надо было защищать и подтверждать. Сегодня ситуация изменилась. Достаточно широко и обоснованно говорится о метатеоретических основаниях науки, в число которых включаются не только привычные общенаучные методологические регулятивы и научная картина мира, но и «чисто человеческий» сегмент: стиль научного мышления, концепты здравого смысла, идеалы научного исследования и т.д. [2, с. 432–449]. Но и эти новации воспринимаются как паллиативное решение: так, например, представители неклассической философии утверждают, что рациональный опыт нуждается в своей противоположности, в частности, разуму противопоставляется не-разумие. Здесь налицо «новая» диалектика: «иное разума – это иной разум». Причём такого рода разделение коренится в эпохе Просвещения, которая и породила субъект в истории. Необходимо отказаться от мистической веры в то, что мир имеет свой предел (известные первоначала и первопричины), смысл (замысел, логику в аристотелевском контексте), суще-

ность [3, с. 233]. Размышляя о диалектике прошлого, настоящего и будущего, Жиль Делез замечает, что «только настоящее существует во времени, собирая и устраняя прошлое и будущее; но только прошлое и будущее упорствуют во времени и бесконечно делят каждое настоящее. Нет трёх последовательных изменений, есть лишь два одновременных прочтения времени» [4, с. 14]. О чём говорят эти примеры? В частности, о том, что применительно к философско-исторической проблематике существуют различные типы (формы, критерии) истинности, причём речь идёт именно о формах истинности, а не о самой истине. Большинство специалистов молча соглашаются с тем, что к философско-исторической проблематике достаточно сложно применить «фальсификационный критерий», о котором говорил К. Поппер. То есть утверждения науки эмпирически проверяемы и в принципе могут быть опровергнуты (подтверждены) в процессе практического воплощения (реализации). Действительно, доказать или опровергнуть тот факт, что в основе материалистического понимания истории лежит приоритет экономических факторов над духовными (идеальными) достаточно сложно: здесь может быть только условный опыт и такая же практика. Да и апелляция к самому термину «материалистическое понимание истории» может вызвать непонимание с точки зрения его верификации.

Точно так же может вызвать споры и тот критерий, который предложил в своей известной «парадигмальной» теории Т. Кун. Понятие «парадигмы» чрезвычайно произвольно, произвольны и толкования признаков, которые приписываются данному понятию. Ведь по сути любая «парадигма» – это согласие группы учёных (большей или меньшей группы) относительно общепризнанных фактов и характеристик того или иного философско-исторического (в данном контексте рассуждений) явления. Ведь о какой парадигме (господствующей или находящейся на периферии внимания) мы можем сегодня говорить применительно к предмету нашего разговора? Очевидно, речь может идти о двух вариантах. Первый – связанный с господствующими философскими течениями, учениями. Отсюда парадигмы «марксистские», «позитивистские» и т.д. Второй – опирающийся на генезис знания в целом, и здесь рождаются и обретают сторонников парадигмы «предфилософские» (античные и средневековые воззрения на историю и исторический процесс), классическая философия истории (XVIII в.), «критическая» философия истории, некритическое, постнеклассическое философско-историческое знание. Есть общая черта у философско-исторических «парадигм» разного рода: все они основаны на идее плюрализма. В частности, представители различных школ согласны (чаще молчаливо) с тем, что каждый самостоятельно мыслящий исследователь вправе претендовать не только на своё оригинальное «учение», но и свою «парадигму».

Здесь, правда, возникает сложный вопрос такого порядка: а может ли иметь место исследование вне той или иной парадигмы и на чём вообще основана принадлежность к ней? В советские времена всё решалось относительно просто: существовала «официальная парадигма», с которой, желаешь ты того или нет, надо было согласиться (хотя бы в предисловии к исследованию). (Причём надо специально оговориться, что это признание (согласие) вовсе не означало, что царило единомыслие и выводы писались под копирку. Далеко не так и те же: скажем, понятия «прогресса», понимания объективности исторического знания, характеристики роли личности в истории и т.д. в рамках единой марксистской «парадигмы» вызвали ожесточённые споры). Как обстоит дело сегодня? В основном звучит призыв отказываться от крайностей «исторического объективизма» и «исторического субъективизма», как к этому призывают, например, авторы учебного пособия «Философия и методология науки» [2, с. 216]. Справедливо призывают, это бесспорно. Но вопрос остаётся прежним, и мы ни на шаг не продвинемся в понимании специфики философско-исторической эпистемологии, даже если положительно будем реагировать на этот призыв. Отказ от крайностей, видимо, предполага-

ет получение некоего «усреднённого» познавательного продукта, связанного с заимствованием положительных качеств как «субъективизма», так и «объективизма». Но нам плохо известны позитивные попытки подобного решения вопроса. Да и в целом попытки методологической конвергенции такого рода всегда наталкиваются на противодействие представителей дивергенции, т.е. тех учёных, которые утверждают приоритет «разбегания» методологий (в частности). Скорее, выход многим видится в обосновании одного из названных постулатов («объективизма» либо «субъективизма», если прибегнуть к терминологии гродненских учёных). И такие попытки широко известны, более того, многие из них привлекают пристальное внимание специалистов. В качестве первого примера такого подхода обратимся к попыткам ряда исследователей вернуться к классическим рационалистическим образцам мышления, причём они считают возможным соединить в одной «парадигме» (пусть виртуальной) идеи Рене Декарта, формальной логики Аристотеля и того теоретического наследия, которое оставили нам, например, О. Конт и К. Маркс. Это, если позволено будет так выразиться, «объективистские» подходы. Чтобы было яснее, о чём идёт речь, обратимся к такой спорной категории, как понятие «истина» в исследованиях философско-исторического характера.

Один из первых вопросов связан с тем, может ли быть применён критерий истинности в отношении философско-исторических процессов и категорий? Истина всё же должна быть безличной, бессубъектной и читателю должно быть глубоко всё равно, пришёл автор к своим выводам в Беларуси или иной стране, в нынешнем веке или в прошлом. Он, читатель, желал бы согласиться или нет с высказываемыми утверждениями на основе как собственного опыта и знаний, так и той аргументации, которая приводится в тексте. Применительно к истории, философско-исторической проблематике это может иметь следующий вид. Философско-историческое познание должно быть объективным; это требование первое: без объективности нет науки. На чём может основываться объективность такого рода? На понимании первичности объекта и вторичности познающего субъекта, но никак не на признании тождественности объекта и субъекта в историческом познании. Как только мы отказываемся от принципа, связанного с первичностью объекта познания, – мы тут же «теряем» и истину, и науку. Российский учёный Н.И. Смоленский, защищающий данную точку зрения, полагает, что «согласие по поводу истины может иметь только один источник – меру адекватности познавательного образа изучаемому объекту» [5, с. 160]. Но добиться этой адекватности можно не путём отождествления объекта познания и познающего субъекта, а в ходе ясного и недвусмысленного разделения этих категорий (сущностей) и обозначения соответствующих приоритетов (объект первичен, субъект вторичен).

Второе требование связано с выбором историографического, философско-исторического материала. Здесь следует сделать небольшое отступление. Достаточно часто можно услышать (при рассуждении относительно тех или иных дискуссионных проблем), что автор «просто» обратился к фактам и что его личная точка зрения при их осмыслении отсутствует. Это явное лукавство. Хотя бы потому, что это твой личный выбор: и фактов, и характера их интерпретации, даже той или иной иерархии предпочтений, как формальной, так и сущностной. Но разговор глубже такого рода оперирования с фактами. Суть в том, где искать те же объективные критерии отбора историографического материала. Один из ответов связан с пониманием «степени полноты отражения в нём логики развития исторического познания» [5, с. 161]. Т.е. исходить надо из того, что материал неравнозначен с точки зрения полноты проявления в нём логики исторического развития. Так, например, говоря о фактах начала Великой Отечественной войны в Бресте, один из местных журналистов посчитал возможным в своей статье акцентировать внимание на том, что 21 июня многие, в частности, лётчики, пьянствовали, кто-то безобразничал и сидел на гауптвахте и т.д. Могли такого рода факты иметь ме-

сто? Очевидно, могли. Являются ли они приоритетными с точки зрения логики развития исторических событий, скажем, данного исторического периода? Об этом можно и нужно спорить. Это не значит, что не надо говорить о пьянстве, хулиганстве «предвоенных» солдат и офицеров. Это означает, что рассматриваемая проблема должна изучаться на основе логики развития исторического знания и исторического познания. А она (в конкретном примере) вряд ли может быть сведена к дебошам и бузотёрству.

Третье требование может быть связано с пониманием специфики законов исторического развития – темой дискуссионной по сей день. Полемизируя с точкой зрения авторов, утверждающих релятивность исторического знания, основанной на отрицании каких бы то ни было законов исторического развития, Н.И. Смоленский полагает возможным сформулировать целый ряд таких законов. Учёный утверждает, что таким законом может быть, в частности, открытый Л.Г. Морганом закон эволюции брака и семьи, закон стоимости шотландского экономиста и философа А. Смита, закон классовой борьбы в двух вариантах (первый связан с открытиями французских историков О. Тьерри, О. Минье, Ф. Гизо и второй, разработанный К. Марксом). Кроме этого, можно и нужно говорить о законах диалектики (Г.-Ф. Гегель), законе прибавочной стоимости, открытом К. Марксом и т.д. [5, с. 69–71].

Но можно и нужно говорить и о конкретизации требований эвристического характера в рамках «субъективистского» подхода к пониманию истории, философско-исторического процесса. Вот как, например, рассуждает о проблемах истины в истории профессор Университета Вирджинии (США) А. Мегилл. «Мы должны быть очень осторожны, дискутируя об “исторической истине”», – пишет учёный, причём показательно, что понятие «истина» сразу же берёт в кавычки. «В отличие от естественных дисциплин заявления об истине в исторической дисциплине не поддаются проверке и как результат содержат в себе спекулятивные утверждения» [6, с. 118]. Но как же быть без истины? Выход есть, полагает А. Мегилл. Этот выход заключается в том, что критерий истинности вовсе не единственный, причём вовсе не основной, который мы можем и должны применить к корпусу философско-исторических исследований. Например, таким критерием может быть «методологическая оригинальность», которая имеет место, оригинальность в самой сущности подхода к истории. Правда, примера такого рода «оригинальности» автор не приводит (кроме разговора о методологии Фуко). Но он же справедливо говорит об «эпистемологической ответственности», о важности понимания не только прагматических, сиюминутных задач, которые стоят перед учёным, но и более глубоких процессов, понять которые вне эпистемологии невозможно. История может конструироваться различными способами. Ныне этот тезис фактически стал априорным, но это вовсе не означает, что любая конструкция прошлого является обоснованной. Базовые принципы эпистемологии не должны быть игнорированы даже тогда, когда мы говорим о разном понимании истины. Более того, применение эпистемологических принципов исследования, обращение к ним как раз и отделяет работу профессионального историка, философа от тех репрезентаций прошлого, которые представлены художниками, писателями, мастерами развлекательных жанров. Следует упомянуть и ещё один важный аспект проблемы, о которой рассуждает американский учёный. «Объект истории воображаем», с его точки зрения, но это «воображение» особого порядка: оно должно корениться не в индивидуальном сознании, а в сознании массовом. Это «воображение» должно существовать в голове не только одного человека (скажем, автора нарратива), но и в сознании многих иных людей. Эти «воображаемые» объекты существуют на основе памяти, исторической памяти. Правда, здесь возникает непростой вопрос: а насколько репрезентации прошлого, основанные на памяти, эпистемологически безупречны? Ведь прошлое конструируется таким образом, что фактически отвечает на потребности настоящего, основывается на настоящем. А. Мегилл

рассуждает об этом так: если возникают сложные проблемы, то решать их надо в рамках контекста (политического, экономического, иного) и этики [7, с. 127–128]. Но это как раз та форма «субъективизма» (очень условная категория, как мы отмечали), которая постоянно «подпитывается» всё новыми формами аргументации.

Ущё пример такого рода аргументации – работы польской исследовательницы Э. Доманской, работающей на основе постмодернистской методологии. Она полагает, что наступил «перформативный переворот» в современном гуманитарном знании, и суть этого «переворота» – в попытке «подорвать авторитет канонического академического знания» [7, с. 226]. В данном случае не будем говорить о способах и целесообразности этого «подрыва», обратим внимание на его эпистемологическую составляющую. Э. Доманска отмечает, что на основе «перформативного переворота» создаётся новый вид эпистемологии – эмпатическая эпистемология. Её суть (если очень кратко и условно) можно обозначить так: исследователи должны не «изобретать традицию», не апеллировать к памяти, а «вклиниваться» в традицию и память; должна присутствовать «эпистемологическая интервенция», т.е. активное вмешательство учёного в познавательный процесс. Необходимо «сознательно и активно участвовать в создании миров Другого и позволять собственным мирам быть созданным совместно с Другими» [7, с. 235]. Известная позиция авторов, разделяющих постмодернистскую методологию.

Раймон Арон в популярной работе «Критическая философия истории» крайности «субъективизма» и «объективизма» «снимает» с помощью категории самопознание. «Историческое познание есть часть, есть способ самопознания. Я открываю в самом себе частично прошлое моей общности, я стараюсь узнать, как моя общность стала тем, чем она является сейчас, как она сделала меня тем, кем сейчас являюсь я» [8, с. 282]. Но, с другой стороны, «я являюсь таковым постольку, поскольку меня сформировала окружающая среда». Я вторичен по отношению к этой среде и между «субъективным» и «объективным» здесь существует достаточно сложная диалектика. Французский учёный далее ставит и решает несколько проблем, которые необходимо кратко обозначить. Первая такая проблема – характеристика систем интерпретации. В рамках исследования философско-исторических проблем не избежать интерпретационного многообразия, причём здесь мало указать на то, что любая интерпретация есть реконструкция. Апелляция к человеку в процессе философско-исторического исследования закономерно выводит на первый план вопрос о том, каким образом можно интерпретировать (реконструировать) сознание ушедших людей. Р. Арон считает вполне возможным восстановление такого рода связей через «посредство интеллигибельных связей». Таким образом, появляются целые системы интерпретаций, т.е. «психологические концепции и оригинальные логики». Но этого не надо опасаться, поскольку «теория предшествует истории, если под теорией подразумевать сразу детерминацию определённой системы и ценность, которую придают определённому типу интерпретации» [8, с. 289]. Признаемся: звучит туманно; собственно, сам Р. Арон говорит о «туманности терминов», к которым он прибегает. Но основной смысл этого замечания очевиден: теория предшествует историческому исследованию, и она же, теория, позволяет фиксировать эвристическую ценность, присущую каждой интерпретации. Тем самым сужается возможность «безграничной интерпретации», возможность такого рода интерпретации ограничивается внешним объяснением, природой истинного понимания. Далее Р. Арон высказывает мысль, которая важна в контексте эпистемологических исканий. Суть её в том, что «истина не зависит от первопричин», в частности, истина философско-историческая. Достаточно «туманным» языком это парадоксальное утверждение аргументируется следующим образом. Объективные закономерности в философии истории всегда включены в некие совокупности, которые связаны с желаниями, и это субъективный контекст

проблемы. Но эта субъективность «будет иметь большее значение, чем универсальность суждений, которые выражают факты и казуальные связи» [8, с. 292].

Выводы, которые можно сформулировать в результате проведённого анализа, могут иметь следующий вид. Представить понимание гносеологических границ философско-исторического исследования в рамках классического дуализма «объективного» и «субъективного» вряд ли возможно. Эти две крайние позиции сохраняют своё значение и теоретический авторитет, однако всё большее распространение имеют точки зрения, основанные на попытках либо обратиться к междисциплинарному знанию, выйти за пределы категорий традиционной философии истории, либо привлечь внимание к знанию, ещё вчера априори считавшемуся вненаучным (магия, алхимия, астрология и т.д.). Последний аспект требует более подробного разговора, но заметим, что признание его «вненаучным» сочетается ныне с осторожным признанием «некоторых эвристических возможностей» названных и иных отраслей знания. К слову, сама возможность такого рода во многом связана с более чем вековыми попытками найти признанный научным сообществом достоверный ответ на вопрос о характере и сути исторической эпистемологии. Такого ответа до сих пор нет. Претензии представителей постмодернистской парадигмы на новый уровень и характер эпистемологического знания сегодня воспринимаются как очередной «этап» в процессе поиска приемлемой для научного сообщества позиции, но не более того.

Некоторые теоретические надежды связаны с возможностью появления новых наук о природе, с новыми теориями, в частности, теорией коммуникации, которая, например, в праве получила фундаментальное выражение в концепции Санкт-Петербургского юриста профессора А.В. Полякова. Сегодня широко распространены размышления о характере и сути «эпистемологического поворота», в частности, в исторической науке, поворота, имеющего прямое отношение к пониманию эпистемологических границ философско-исторического познания. В узком смысле этот поворот соотнесён с лингвистическим поворотом, связанным с именами таких известных теоретиков, как Х. Уайт и Ф. Анкерсмит. В более широком контексте это проблема исторического понимания, интерпретации, репрезентации, влияние дискурса, текста и контекста на понимание познавательного статуса исторической, философской науки. Предлагается ввести в оборот и термин «историология», разрабатываемый Н.И. Кареевым – выдающимся российским учёным. «Историология, – пишет, например, М.А. Кукарцева, – это историческая эпистемология, вмещающая в себя все имеющиеся на данный момент «рабочие» версии теории и методологии истории» [9, с. 14]. Причём философия истории в этом контексте является концептуальным способом исследования, а история – преимущественно эмпирическим, основывающемся на опыте.

Исследователями актуализируется и собственно «эпистемологическая» философия истории, основными разновидностями которой является теория исторического объяснения, теория действия в истории и аналитическая герменевтика. Однако фактически повсеместно признаётся, что обоснованных и не вызывающих критики концепций философско-исторической эпистемологии в настоящее время не существует.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Касавин, И. Т. Постигая многообразие разума // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / Отв. ред. и сост. И. Т. Касавин. – М. : Политиздат, 1990. – С. 5–29.
2. Философия и методология науки : учеб. пособие / Ч. С. Кирвель [и др]. – Минск : Высш. шк., 2012. – 639 с.

3. Гаспарян, Д. Э. Введение в неклассическую философию / Д. Э. Гаспарян. – М. : РОССПЭН, 2011. – 398 с.
4. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Акад. проект, 2011. – 472 с.
5. Смоленский, Н. И. Теория и методология истории / Н. И. Смоленский. – М. : Академия, 2007. – 272 с.
6. Мегилл, А. Некоторые соображения о проблеме ценностной оценки репрезентации прошлого / А. Мегилл // Способы постижения прошлого: методология и теория исторической науки. – М. : Канон+, 2011. – С. 117–128.
7. Доманска, Э. Перфомативный переворот в современном гуманитарном знании / Э. Доманска // Способы постижения прошлого: методология и теория исторической науки. – М. : Канон+, 2011. – С. 226–235.
8. Арон, Р. Избранное: введение в философию истории / Р. Арон. – М. ; СПб. : Университет. книга, 2000. – 543 с.
9. Кукарцева, М. А. Трансформация эпистем: познание истории в ускользающем мире / М. А. Кукарцева // Способы постижения прошлого: методология и теория исторической науки. – М. : Канон+. – 2011. – С. 3–49.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.02.2015

Lepeshko B.M. Epistemological Parameters of Philosophical and Historical Process

This article discusses some of the problems of the theory of knowledge in the process of studying of philosophical and historical process. Epistemological extremes in approaches designated by terms «subjectivism» and «objectivism» are analyzed. Arguments in favor of convergence of methodological approaches and their divergence are adduced. In this context ideas of N. Smolenskiy, A. Megill, E. Domanskoya, R. Aron are examined. Conclusions about the epistemological parameters of philosophical-historical process are formulated.

УДК 165.12-053.6(476):94(47+57)“1941/1945”

С.П. Онуприенко

*д-р филос. наук, доц., ведущий научный сотрудник
Института философии НАН Беларуси*

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СОЗНАНИИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЁЖИ БЕЛАРУСИ (ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В представленной статье имеет место краткий анализ исторических событий Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в контексте философско-методологического подхода в рассмотрении этого ключевого этапа динамики социальных процессов мировой цивилизации. Данное исследование основывается на историко-архивных, статистических материалах, включая результаты авторских конкретно-социологических изысканий последних лет.

Цель данной статьи – рассмотреть характер основных результатов Великой Отечественной войны в двух направлениях:

- 1) интерпретация событий того времени с позиций теоретико-методологического и методико-педагогического анализа современных научных социальных исследований;
- 2) выявление доминирующих тенденций в характере осмысления белорусскими детьми и молодыми людьми школьного возраста историко-баталийных, психолого-интеллектуальных, духовно-нравственных аспектов Великой Отечественной войны.

О Великой Отечественной войне написаны десятки тысяч книг. Этой незабываемой теме посвящены многочисленные научные исследования, романы, повести, поэмы. Тем не менее в области философско-социологического анализа этих грандиозных событий фундаментальных работ не много, а некоторые аспекты той войны так и остались за кадром киносъёмки, не попали в объективы фронтовых корреспондентов и газетные заметки боевых листов.

В наше динамичное время воспоминания о тех легендарных баталиях, о героях войны периодически просачиваются в сознание современников, формируя неизгладимые для нынешних поколений представления о чём-то нереальном, почти фантастическом, чудовищно жестоком и одновременно величественно победном по отношению к характеру мирных процессов белорусского общества. По этой причине необходимо максимально объективно воспринимать, с одной стороны, неудачи, поражения, с другой – мужество, свершения той грандиозной войны адекватно уровню советского, национального, личностного менталитета людей, особенности социальных тенденций и отношений 30–40-х гг. прошлого века. Учитывая специфику данного процесса, весьма актуально определить и системно обосновать те доминирующие факторы, способствующие становлению разумных, прогрессивных критически-творческих мировоззренческих взглядов современного человека на основе последовательного усвоения лучших образцов мировой и национальной культуры [1, с. 384].

В преддверии 70-летнего юбилея победы как никогда своевременно активизировать процесс реанимации материальных, физических, духовных достижений наших предков, чтобы память об их делах не воспроизводилась в сознании детей, молодёжи как некий посмертный реквием о давно и безвозвратно минувшем. На наш взгляд, мужество, отвага, честь поначалу бойцов-защитников, а затем воинов-освободителей могут и должны звучать не столько ностальгической мессой о прошлом, сколько профилакто-вдохновляющей функцией ориентации соотечественников на созидательный поиск новых решений в столь однообразной бытовой суете повседневной жизни. Исходя из вышесказанного людям нового века, нового тысячелетия не следует покорно за-

зубривать то плохое или хорошее, что пережили отцы и деды. Задача ставится более конкретно и своевременно в контексте познавательных ориентиров сегодняшнего мира и перспектив творения мира завтрашнего дня.

Мы пытаемся выяснить: каким образом граждане независимой Беларуси, прежде всего дети и молодые люди, получают и воспринимают характер достижений советского народа в боях Великой Отечественной войны? В представленной статье широко применяется метод социологического опроса, и в работе нам помогут, пожалуй, самые непредвзятые эксперты – учащиеся старших классов минской средней школы № 126.

На наш взгляд, проблемы, вынесенные на повестку дня данного социального исследования наверняка волнуют любого гражданина страны, не оставят равнодушными родителей, педагогов, юношей и девушек. С учётом пожеланий самых юных респондентов их ответы были системно сгруппированы соответствующим способом по смысловым градациям предложенных мнений.

Таким образом, среди множества источников получения информации о памятных событиях Великой Отечественной войны 34% учащихся выделили сообщения, передачи по радио, телевидению, кино, которые главным образом имеют место в поминальные и праздничные даты: 22 июня, 9 мая, 3 июля и др. 22% молодых людей приобретают знания о прошедшей самой смертоносной войне в основном благодаря посещению музея Великой Отечественной войны, а также легендарных мест боевой славы: мемориального комплекса «Брестская крепость-герой», мемориального комплекса «Хатынь», «Линии Сталина» (Минский район), оборонительных укреплений г. Могилёва, походов по местам «Операции “Багратион”» и др.

18% учеников подчеркнули важность художественного слова, произведений многих советских, а также современных российских и белорусских писателей, поэтов, драматургов, работников изобразительного, музыкального, театрально-сценического искусства и др. 10% респондентов отметили незабываемые факты, сведения из архивов, хроникально-документальных источников: статьи, заметки, репортажи о событиях Великой войны с фашизмом. 9% ответивших почерпнули знания о сражениях на передовой, в тылу врага непосредственно из встреч с ветеранами, через рассказы свидетелей тех героических лет. Сюда же следует отнести мнение родителей, сумевших искусно передать настрой военных лет, пусть даже путём интерпретации воспоминаний бывших бойцов Красной Армии, а ныне – героев и почетных гостей нашей молодёжной аудитории. К сожалению, лишь 7% наших детей отметили всемирную, но далеко не всепронсвещающую паутину Интернет, где они смогли получить некоторую информацию о великих сражениях советского народа с ненавистными гитлеровцами и их пособниками. Данное обстоятельство удивляет, ведь, по мнению самых юных респондентов, более 95% из них принимают активное, деятельное участие в компьютерных играх, просмотре кинофильмов, поиске необходимой в обучении информации и т.д.

Подводя итоги ответов учащихся, следует выделить три философско-методологических аспекта вышеотмеченной проблемы:

Во-первых, необходимость действенного использования диапазона информационного обеспечения различных категорий населения в XXI столетии, включая Интернет, что позволяет в полной мере осуществлять воспитательные, идеологические и иные функции государственного управления, тем самым являясь важнейшим критерием реализации основополагающих принципов теории познания.

Во-вторых, информация о Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.), о Великой победе советского народа должна не представлять очередной экскурс в трагическое прошлое, а скорее нести в своём содержании психолого-социальные установки, цель которых – формирование духовно-патриотических настроений подрастающих поколений, чего существенно недостаёт в методиках образовательно-воспитательной ра-

боты наших нынешних чрезмерно многочисленных общественных структур, по долгу службы обязанным разумно применять нравственно-правовые, психолого-физиологические и другие нормы контроля, регулирования этих положений.

В-третьих, знания о свершениях и достижениях советских людей в годы войны с фашизмом представляют собой закономерно обусловленный составной элемент в системе мировоззренческих военно-патриотических взглядов наших соотечественников, характеризующих важнейшие принципы философского научного знания, – системной и целостной организации структуры мировосприятия социально-природных процессов окружающего мира.

Эпизоды Великой Отечественной войны многогранно запечатлены в кинематографе боевых лет, но особенно образно, выразительно сюжетные линии выдержаны в режиссерских замыслах художественных лент послевоенного времени. Будучи самой востребованной формой отражения процессов окружающего мира (по мнению большинства опрошенных молодых людей), кинематограф наряду с компьютерными и телетехнологиями доминирует в ретроспективе изображения памятных событий военного лихолетья. Учитывая данное обстоятельство, уместно выяснить у наших юных экспертов следующее: «Что Вы узнали важного и полезного о Великой Отечественной войне через киноискусство?».

36% учащихся согласились с тем, что кино формирует живое, образное представление о событиях тех далёких лет, вызывает чувства сострадания, жалости, заботы о людях, застигнутых войной, но, как правило, к концу фильма настроение улучшается, появляется надежда на лучшее, воспитывается смелость в борьбе за правое дело, передаваемая зрителю с экрана.

К сожалению, почти никто из этой группы ребят не вспомнил фильмы 40–60-х гг. прошлого века, а вот киноленты 1970–80-х гг. оставили у них неизгладимое положительное впечатление. Среди названных произведений этого вида искусства – «Белорусский вокзал» (1971 г.) режиссера А. Смирнова; «А зори здесь тихие» (1972 г.) С. Ростокского; «В бой идут одни старики» (1973 г.) Л. Быкова; «Знак беды» (1987 г.) М. Пташука и др. Все респонденты согласились с однозначно положительным значением фронтовой тематики для сохранения лучших гуманных традиций народа, важностью военно-патриотического воспитания молодого поколения, в чем существенную роль играет кинематограф XXI в. К слову, ребята высоко оценили мини-сериалы «Диверсант» (2004 г.) режиссера А. Малюкова; «Апостол» (2008 г.) Ю. Мороза и ряд других произведений.

21% старшеклассников заметили особенности психологического состояния молодых людей при просмотре «старых» фронтовых лент: «Два бойца» (1943 г.) режиссера Л. Лукова; «Жди меня» (1943 г.) Б. Иванова; «Во имя Родины» (1943 г.) В. Пудовкина; «В шесть часов вечера после войны» (1944 г.) И. Пырьева, а также фильмы следующего 20-летия: «Летят журавли» (1957 г.) М. Калатозова; «Баллада о солдате» (1959 г.) Г. Чухрая; «Крылья» (1966 г.) Л. Шепитько; «Альпийская баллада» (1965 г.) Б. Степанова и др. По их мнению, кинокартины этого периода несколько наивны, представляют классический образец советского искусства. С другой стороны, отмеченные особенности фильмов прошлых лет обладают особым психологическим колоритом, трогательностью, чувством гражданской ответственности.

24% респондентов указали на важность музыкального оформления сцен из кинокартин, придающую уверенность в успех, творческое настроение, установление необходимого духовного контакта киногероев со зрительным залом. Песни отражают тематику фильмов, объединяясь в единое целое, рассказывают, чем живут герои кино. Именно поэтому песни из кинокартин в исполнении В. Высоцкого благодаря специфике тембра, интонации, стихосложению и другим преимуществам завораживают людей разного

возраста. Особенно молодежь впечатляют песни, написанные поэтом и композитором для фильма белорусского режиссера В. Турова «Я родом из детства» (1966 г.) Сюда вошли такие композиции, как «На братских могилах», «Штрафные батальоны», «Песня о звездах» и др. В фильме В. Турова «Война под крышами» (1967 г.) В. Высоцкий исполнил песни «Почему все не так?», «Песня о начале войны», «Все сгорело дотла» и др.

Примечательно, что молодые люди достаточно критически отнеслись к современному кино о Великой Отечественной войне, предложив интересные, своеобразные подходы к освещению этой злободневной темы. 19% учащихся уделили внимание именно этому направлению в кинематографе XXI столетия.

Во-первых, динамизм батальных сцен, эксцентричные съемки в различных ракурсах, светотеневые манипуляции, смелое компьютерное моделирование как панорамных, так и отдельных планов и многое другое, что в большей мере, по их мнению, помогает объективнее передавать военные события.

Во-вторых, отмечено, что любовные сцены, душевные переживания героев в современном киноискусстве представлены несколько фрагментарно, уступив место многоплановому освещению батальных сцен. Данное замечание свидетельствует о преобладании трюков, акробатических элементов, приемов рукопашного боя, несвойственных советским солдатам 40-х гг. прошлого века. Вышеназванные аспекты как бы заслоняют духовно-нравственные особенности осмысления всех тягот, ужасов, человеческих чувств на войне.

В-третьих, современный кинематограф пока еще не отыскал своего достойного места в идеологической работе, что проявляется хотя бы в том, что многие наши сограждане имеют весьма смутное представление о героях, в честь которых названы улицы, скверы в городах и поселках страны.

Таким образом, пропаганда киноискусства на тему Великой Отечественной войны должна прийти в каждый дом, семью, школу, вуз не «обязаловкой» изучения фактов тех лет, а средством глубокого осмысления этапов Великой войны, основных боевых операций, подвига земляков. Поэтому не случайно среди кинолент о тех памятных датах нашего народа, начиная с 40-х гг. и по наши дни, киноэпопея «Брестская крепость» (2010 г., режиссер А. Котт) пользуется славой лучшего фильма этого жанра среди всех опрошенных учащихся.

Подходя к завершению нашего исследования военной тематики, накануне 70-летнего юбилея победы в героической войне попытаемся проанализировать влияние ее результатов на сознание и поведение детей и молодежи Беларуси. С этой целью уместно звучит вопрос, обращенный к юному поколению: «Как победа в войне с гитлеровцами повлияла на ваше мировоззрение, становление личности?».

32% ответивших учащихся старших классов указали на то, что победные результаты Великой Отечественной войны должны нести в своем содержании мировоззренческие, воспитательно-идеологические установки. Великие свершения народа-освободителя от гитлеровской «чумы XX века» становятся мерой ответственности каждого гражданина не только за поступки, но и за характер формирования психолого-интеллектуальных основ системы устойчивых, прогрессивных взглядов. Молодые люди понимают в 70-летнем юбилее триумфального окончания той далекой, но одновременно близкой для всех нас войны напоминание о хрупкости современного мира в контексте социальных трансформаций, конфликтов, гражданских войн, подобно тем, что сотрясают соседнюю Украину. Война спланивала советских людей в горе и радости, ныне ее влияние ретранслируется в единую доминанту межнационального, а также расового, полового, возрастного, профессионального, конфессионального и других направлений единения сограждан во избежание предпосылок развязывания новых мировых трагедий.

30% респондентов мудро подметили, что благодаря победным аккордам советского воинства в 1945 г. небывало активизировалось самосознание трудящихся, их самоотверженность, смелость, что заставило партийно-советское руководство под давлением авторитета военных командиров, народов, вызволенных из фашистской неволи, освободить тысячи необоснованно репрессированных узников. Этот процесс явился переломным моментом в тенденциях общественного сознания, способствовавших пересмотру устаревших принципов диктатуры пролетариата, особенно после кончины И. Сталина (1953 г.).

28% ответивших полагают, что героизм, мужество наших солдат, партизан, подпольщиков, тружеников тыла помогают четче определить свой жизненный путь, выбор будущей профессии, семьи, создать свое неповторимое индивидуальное видение проблем реальной жизни.

К сожалению, 10% учеников не прониклись глубоким осознанием итогов Великой Отечественной войны, затруднились дать какой-либо ответ, тем самым подтвердив опасения отечественных социальных исследователей относительно существующих проблем в области военно-патриотического воспитания детей и молодых людей в системе белорусского образования.

Как известно, война жестко, бескомпромиссно формирует духовные качества человека, о чем еще в 60-х гг. прошлого века пророчески, воодушевленно писал известный советский педагог В.А. Сухомлинский. Его мудрые слова звучат набатом об опасности забвения событий Великой Отечественной войны, что без преувеличения равнозначно утрате принципа человеколюбия ныне живущих, а значит – духовного компаса потомков [2, с. 53–54]. Таким образом, отголоски Великой войны продолжают напоминать внукам, правнукам о нечеловеческих страданиях, многократно помноженных на самоотверженность, героизм, вплетаясь в жизнь нашего настоящего и определяя перспективы будущего.

Заключение

1. Материалы о Великой Отечественной войне не утратили своей актуальности и в наше время, возвращая нас к этапам самоотверженной борьбы с фашизмом. Однако не все политические, военные, информационные деятели хотят представить картину той грандиозной войны так, как это имело место в действительности. Например, в 2009 г., в год 70-летия начала Второй мировой войны, ряд американских, английских, французских и др. информационных изданий начали своеобразную кампанию фальсификаций, затушевывания доблестных сражений советских людей: битвы за Москву (30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.), битвы за Ленинград (10 июля 1941 г. – 10 августа 1944 г.), Сталинградского сражения (17 июля 1942 г. – 2 февраля 1943 г.), битвы на Курской дуге (5 июля – 23 августа 1943 г.), операции «Багратион» (23 июня – 29 июля 1944 г.) и ряда других крупных батальей.

В то же время всячески преувеличивались масштабы высадки англо-американского десанта во французской Нормандии – операции под названием «Оверлорд» (6 июня – 24 июля 1944 г.), – без которой якобы невозможно было победить фашистские войска во Второй мировой войне (1939–1945 гг.). В этих действиях западной прессы просматривается очевидная тенденциозная фальшивка. Достаточно напомнить лишь одну цифру: потери немецких войска в Нормандии в 1944 г. составили немногим 113 тыс. человек, в то время как только в одной битве за Сталинград враг потерял 1 500 тыс. солдат и офицеров [3, с. 114–115]. Следует также отметить, что войска союзников постоянно попадали в немецкие «котлы», и по личной просьбе премьер-министра Великобритании У. Черчилля советский руководитель И. Сталин не раз отдавал приказы ускорить движение советских частей и тем самым спасти от гибели союзников.

Таким образом, в лице западных информагентств мы имеем очевидную фальсификацию хода и результатов Второй мировой войны, всевозможных инсинуаций в контексте значимого вклада советского народа в Великой победе мирового сообщества над фашистскими агрессорами.

Абстрактно надуманные измышления по поводу результатов Великой Отечественной войны, которой отводится некое дополнительное место в структуре Второй мировой войны, всяческое возвеличивание победы американцев в акватории Тихого океана, англо-французских соединений в Северной Африке (сражение при Эль-Аламейне 23 октября – 4 ноября 1942 г.) [3, с. 112] – это попытки запутать ход событий, обоснования доминирующих факторов, определивших окончательный вердикт немецко-фашистского Рейха. Очевидно, кто-то пытается пересмотреть итоги той войны, умышленно выдвигая мистико-фантастические предположения о возможных иных ее результатах. В качестве разъяснения по поводу данных толкований, с точки зрения философско-методологического подхода, уместно привести слова К. Маркса: «Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое реальное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» [4, с. 266].

Советские воины доказали всю иллюзорность планов Гитлера, нанеся ему сокрушительное поражение, несмотря на многочисленных магов, колдунов, прорицателей, окружавших его. Теоретические расчеты советского военного генералитета, подтвержденные практическим искусством ведения боевых действий, навсегда похоронили бездоказательные прогнозы, слухи, сплетни западных информационных рупоров.

2. По результатам социологического опроса выкристаллизовывается тенденция критически-объективного подхода к событиям исторического прошлого, включая оценку характера Великой Отечественной войны. В подавляющем большинстве мнений респондентов присутствует необходимый элемент объективного анализа реальности, причем как позитивных, так и негативных аспектов, которые полноправно присутствуют в аргументации событий прошлых эпох. Изучая психоориентацию молодых людей, целесообразно параллельно соотносить боевые успехи советских войск, например, в 1943–1945 гг., с негативными (разгром и отступление наших частей под Харьковом в 1941 г.).

С позиций философского изучения вышеотмеченных событий следует не забывать аксиоматическую истину: движение и развитие любых природно-социальных процессов закономерно указывает на присущий каждому из них один из основных принципов диалектики – единства и борьбы противоположностей. Данное состояние не означает трагического финала для рода человеческого, скорее – здравый учет и характер тенденций этих противоборствующих оснований с целью выработки более справедливых, прогрессивных решений поставленных задач текущего момента.

На наш взгляд, стратегия познания молодежью результатов той войны заключается во взвешенном подходе к передаваемой им информации со стороны профессиональных педагогов, учителей, родителей, информационных служб. Было бы неразумно умалчивать об отрицательных для нас фактах войны, порождая чувство недоверия, недосказанности, а значит, безответственности и формализма. Такого же мнения придерживаются 92% респондентов.

Издревле известно, что комплексный, системный подход к явлениям окружающего мира требует учета всех элементов рассматриваемого процесса с последовательным анализом особенностей каждого из них. В этом суть единства движения и развития в контексте методологии диалектического познания, о чем писал великий философ Гегель. По мнению К. Маркса, «Гегель впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т.е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития» [5, с. 23]. В данном случае речь идет о непосредственном движении и раз-

витии человеческого сознания, интеллектуального, психолого-физиологического потенциала. Преодолевая бедствия, унижения, безысходность, порожденные военной обстановкой на фронте, в оккупации, одновременно у людей формировалось чувство долга, гражданской позиции мстителя, борца с врагом и уверенности в счастливый исход. Такова диалектика логического рассуждения здравомыслящего человека, его вера, надежда на лучшее, что свойственно людям – носителям высокоорганизованной материи.

3. Подводя итоги дискуссии о значении результатов Великой Отечественной войны, следует в качестве доступного и апробированного средства работы с учащейся молодежью применять метод доверительной беседы (продолжительностью не более 1–1,2 часа). Данный подход предполагает обмен мнениями, с одной стороны, педагога, ученого, социального специалиста, с другой – наличие небольшой группы учеников (студентов) в оптимальном количестве 3–4-х человек, что позволяет основательно рассмотреть аспекты обсуждаемой темы. Данная форма общения должна исключать монолог, выступление, доклад и т.п. учителя перед учениками, что обычно вносит формализм и недоверие в откровенный характер взаимодействия взглядами по актуальным темам современности.

Предложенный подход широко применяется на занятиях школьного объединения по интересам «Экология и жизнь» средней школы № 126 г. Минска (руководитель – С.П. Онуприенко, доктор философских наук).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Онуприенко, С. П. Интеллект. Темперамент. Как организовать свою жизнь / С. П. Онуприенко. – Минск : ТетраСистемс, 2011. – 384 с.
2. Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – М. : Наука, 1973. – С. 53–54.
3. 50 величайших битв. – Минск : Харвест, 2012. – С. 114–115.
4. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – М. : Изд-во полит. лит., 1974. – Т. 42. – С. 264–266.
5. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – М. : Изд-во полит. лит., 1961. – Т. 20. – С. 23.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.02.2015

Onuprienko S.P. The Great Patriotic War in the Minds of Belarusian Children and Youth (Philosophical and Methodological Aspects)

In the given article, there is a brief analysis of historical events of the Great Patriotic war (1941–1945) in the context of philosophical-methodological approach to consideration of this key stage of social processes dynamics of the world civilization. The research is based on historical archives and statistical materials, including the results of the author's concrete sociological investigation of the latest years.

УДК 101.1:510.2

Н.В. Михайлова*канд. филос. наук, доц., зав. каф. социально-гуманитарных дисциплин
Минского государственного высшего радиотехнического колледжа***ФИЛОСОФСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ГЁДЕЛЯ
О НЕПОЛНОТЕ МАТЕМАТИКИ**

Статья посвящена философско-методологическому анализу гёделевских результатов о принципиальной неполноте аксиоматизированного математического знания. В таком контексте теорему Гёделя о неполноте в философии математики можно вполне заслуженно считать важнейшей теоремой теории познания. Традиционный взгляд на обоснование уже не работает в современной математике, что, в частности, убедительно подтверждается гёделевской незавершенностью аксиоматических систем. Поэтому философия постгёделевской математики ориентируется на открытие новых способов коммуникации знаний, а также реконструкцию подходов к обоснованию на основе философско-математических интерпретаций непротиворечивости и полноты.

Введение

Принципиальный вопрос проблемы обоснования современной математики: существуют ли в математике окончательные доказательства? Некоторые философы математики предполагают, что содержательные доказательства только гипотетичны. Более того, формальные доказательства, хотя и могут быть сами по себе вполне надежными, тоже являются гипотетичными, так как могут противоречить неформальным теориям, выступающим в качестве интуитивной основы формализованной теории. В силу этого философское значение теоремы Гёделя о неполноте довольно трудно переоценить в решении проблемы обоснования математической надежности и строгости. Основной философский смысл результатов Курта Гёделя состоит в том, что мышление человека богаче любых его дедуктивных форм и что нельзя, основываясь на формальной логике, смоделировать искусственный интеллект. В связи с проблемой искусственного интеллекта человеческое мышление сопоставляется с возможностями компьютерного анализа, но поскольку сами компьютеры являются продуктом человеческой деятельности, то фундаментальное различие между возможностями «творца» и его «творения» отчасти характеризуется теоремой Гёделя о неполноте.

Этот результат состоит в том, что для арифметики Пеано строятся неразрешимые предложения, в силу чего его называют теоремой о неполноте формальной арифметики Пеано натуральных чисел. В связи с этим приходится философски анализировать природу простейших математических объектов, точнее, как они открываются математиками и входят в мир повседневного опыта. Так, например, некоторые философы математики считают, что мысль Курта Гёделя о математических объектах в платонистском духе так же законна, как и мысль о существовании физических объектов. Поэтому в указанном контексте Гёделя можно охарактеризовать как убежденного платониста, даже если бы он и сомневался в абсолютности существования всех мыслимых математических конструкций. Возникающее при этом методологическое затруднение в существовании математических объектов связано с тем, что понятия непротиворечивости и полноты используются и для характеристики мышления человека. В действительности Гёдель доказал, что современная математика – это не произвольные несистемные методологические поиски, определяемые в основном прихотью математиков, а нечто абсолютное, которое не изобретается, а открывается.

Например, ряд натуральных чисел, существующий как актуально бесконечное множество в мире платоновских идей, одновременно присутствует где-то еще и в пони-

маемом нами мире, делая окружающую действительность более доступной для нас. Такая мировоззренческая точка зрения была существенна и для Гёделя, но не менее существенной она является в новом подходе к проблеме обоснования математики. С точки зрения современной теории познания историческая эволюция математики, представляющая собой аксиоматизацию математических теорий, включает в себя экспликацию оснований, на которые математик опирается (насколько это возможно) в своей работе, но он должен помнить о том, что принятое им основание не защищено от «гёделианского скептицизма». Из логических результатов Гёделя следует, что понятие математической истины не может быть заключено ни в одну из формальных систем. «В терминологии Канта философия анализирует понятия, а математика их создает. Гёдель искал соединения там, где Кант видел только различие. А именно, для одной и той же задачи иногда возможны два альтернативных решения: либо применить философский анализ и простую математику, либо использовать изощренные или тонкие построения» [1, с. 177]. Важнейшее условие, при котором была доказана теорема Гёделя о неполноте, состоит в непротиворечивости системы аксиом математической теории. Гёдель показал, что доказать непротиворечивость системы аксиом в рамках самой системы нельзя, т.е. утверждение о непротиворечивости само по себе является неразрешимым.

По существу вопрос идет о том, являются ли данные абстрактные понятия характеристиками реального мышления и в какой степени они являются стандартными нормами человеческого мышления. Абстрактные математические понятия отражают, по Гёделю, некоторые аспекты объективной реальности, но, вообще говоря, иные, чем те, что даются посредством ощущений. Но в силу недостаточной определенности критериев рациональности эти идеи Гёделя не получили должного признания в качестве методологически значимых для обоснования математики, поскольку они не позволяют даже решить какие именно из очевидных аксиом теории множеств следует принять в качестве непосредственно истинных. Необходимо также предостеречь от излишне радикального истолкования результата Гёделя, поскольку такой подход исходит из ошибочного допущения, что теоремы Гёделя истинны для всех формальных выражений, которые могут быть истолкованы в качестве утверждений о непротиворечивости теории. Поэтому достаточно убедительная философско-методологическая программа обоснования современной математики не может быть построена в рамках упрощенной теории познания. Постоянный философский интерес к теоремам Гёделя обусловлен еще и тем, что необходимость и эффективность математического знания подтверждают: они говорят нечто методологически важное о пределах возможностей абстрактного мышления человека. Известно, что не Курт Гёдель изобрел математическую логику, но он своими исследованиями глубоко изменил содержание этой науки. Так, например, Гёдель доказал, что если достаточно богатая формальная система непротиворечива, то в ней обязательно имеются формулы, которые истинны, но не являются доказуемыми.

Но так ли уж необходимо нам знать все истины? Истинность теоремы – это лишь часть знания, содержащегося в ее доказательстве. Загадочное несоответствие естественной и формальной логик отражено в несоответствии между понятием «истинность» и понятием «доказуемость». Удивительно и то, что даже способы рассуждений Гёделя, используемые им в доказательстве, по-видимому, невозможно описать в рамках формальных систем. Основная причина этого состоит в том, что Гёдель исходил из философского допущения, что человеческий интеллект «схватывает» абстрактные качества математических объектов, не сводимые к их конкретным свойствам, что создает в нашем сознании особые отношения между человеком и реальностью. В связи с этим отметим следующее важное наблюдение философа математики В.В. Целищева: «Тесное переплетение математических и философских мотивов в рассуждениях Гёделя приводит его к интересному выводу. Если мы достигаем достаточной ясности в философии

математики, тогда философские выводы приобретут статус математически определенных утверждений. Другими словами, философия математики должна стать частью самой математики, приобретая определенность, и в то же время теряя характер собственно философский» [2, с. 20–21]. Но такая математическая определенность противоречит сущности философской аргументации с её относительной свободой и неопределенностью. Это, скорее всего, романтический взгляд на довольно сложную ситуацию, а более реалистичный взгляд предполагает необходимость глубокого понимания того, каким образом смысл выражается в формальных системах. Методологическая значимость результатов Гёделя состоит в том, что он показал, как при принятии определенных мер предосторожности можно известные парадоксы превратить в неразрешимые предложения. В действительности, как считают некоторые философы математики, исследования Гёделя были лишь частью долгих поисков, предпринятых математиками в надежде выяснить, что же такое доказательство.

Философские формулировки результатов Гёделя могут создать некоторую путаницу в их правильном понимании из-за того, что доказательство для философов-нематематиков является весьма приблизительным понятием. Для профессиональных математиков доказательства являются таковыми лишь внутри определенных жестких систем. В работе Гёделя такой жесткой системой, к которой собственно относится слово «доказательство», является фундаментальный труд английских логиков и философов Бертранда Рассела и Альфреда Уайтхеда «Principia Mathematica». Первая теорема Гёделя по существу утверждает, что какая бы непротиворечивая система аксиом ни использовалась, всегда найдутся вопросы, на которые математика не сможет найти ответ, т.е. полнота недостижима. Но есть еще дополнительная трудность в современных формальных системах. Вторая теорема Гёделя утверждает, что математики никогда не смогут быть уверены в том, что их выбор аксиом не приведет к противоречию, точнее непротиворечивость достаточно сильной теории никогда не может быть доказана внутри нее самой. Философами науки и интерпретаторами теорем Гёделя упускается иногда следующее важное дополнение. Требование непротиворечивости системы аксиом не должно вызывать принципиальных затруднений, так как это естественная «присказка», без которой возможны любые выводы. В формальном варианте второй теоремы Гёделя о неполноте, которую было бы правильнее называть «теоремой Гёделя о непротиворечивости», утверждается, что если богатая система, включающая арифметику, непротиворечива, то доказательство этой непротиворечивости не может быть достигнуто в метаязыке этой системы, допускающем представление в арифметическом формализме.

Из второй теоремы Гёделя о неполноте следует, что доказательство непротиворечивости не может быть формализовано. Это говорит о необходимости использования для этих целей новых нефинитных методов, то есть опять появляется тема бесконечности. Теоремы Гёделя указывают нам на то, что ни одна система аксиом не может охватить всех истин. Теорема Гёделя показывает не просто ограниченность логических средств, она говорит о каком-то фундаментальном свойстве мышления, в том смысле, что если мы хотим что-то понять в мышлении человека, то это можно сделать не вопреки теореме Гёделя, а благодаря ей. В среде математиков вполне естественным выглядело убеждение, что для любого раздела математики можно указать набор аксиом, достаточный для вывода всех истинных предложений этой науки. Работа Гёделя показала несостоятельность такого глубоко укоренившегося представления. Итальянский философ и логик Эвандро Агацци пишет: «По мнению Гёделя, некоторые математические суждения, которые на сегодня не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты, могут и даже должны стать доказуемыми или опровержимыми после того, как будут найдены новые аксиомы, полученные в результате более глубокого понимания нашим интеллектом соответствующих математических объектов» [3, с. 41]. Но хотя такая математическая дея-

тельность является практически весьма эффективной, она все же остается лишь фрагментом творческой деятельности и не является, ни философским, ни математическим обоснованием.

Фундаменталистское направление философии математики не признает этого математического факта. Провозгласив, что непротиворечивость должна на самом деле доказываться средствами математических теорий, Гёдель проложил путь к новому теоретическому направлению в философии математики, по отношению к которому старое понимание непротиворечивости выглядело слишком наивным. Почему, несмотря на то, что непротиворечивость системы Цермело – Френкеля (одной из самых распространенных аксиоматик теории множеств) до сих пор не доказана, математики довольно сдержанно реагируют на столь неопределенное положение, сложившееся в теории, претендующей быть «фундаментом» всей математики? Здесь возможны разные ответы, отличающиеся подходом к проблеме и их аргументированностью. Однако что касается современного состояния математики, то рассуждения о противоречивости систем являются иногда довольно бесплодными, поскольку ни одна из формальных систем, широко используемых сегодня, не находится под серьезным подозрением оказаться в итоге противоречивой. Важность теоретико-множественных противоречий иногда сильно преувеличена. Проблема в том, что углубленные занятия профессиональных математиков «продвинутой» областью знаний порождают иногда корыстную заинтересованность и нежелание рассматривать методологические альтернативы. Современные поиски доказательства непротиворечивости мотивируются по-разному и имеют более серьезные цели, чем просто избежание противоречий. Можно даже сказать, что Курт Гёдель своими логическими и методологическими результатами о неполноте изменил философскую проблему обоснования современной математики тем, что по-своему уточнил ее, дав ей новую философско-математическую формулировку.

Но что в математике означает слово «непротиворечива»? Непротиворечивость системы аксиом означает, что не существует такого утверждения, которое в этой системе чисто логическим путем выводимо одновременно с отрицанием этого утверждения. Противоречивые системы аксиом математически вредны, поэтому их желательно не вводить в математический оборот, но реальность такова, что противоречивость может не сразу выявиться. Математики, безусловно, хотели бы знать заранее, что противоречащие друг другу утверждения не появятся. Исчерпывающее объяснение по этой проблеме, скорее всего, невозможно, но некоторые косвенные, психологически убедительные признаки все же существуют. Какой математикам прок в непротиворечивости самой по себе? Противоречивая система была бы бессмысленна, так как в ней была бы выводима любая формула. Противоречие ставит под сомнение прежде всего только те математические доказательства, которые непосредственно связаны с противоречивыми понятиями. Гёделевские определения непротиворечивости и доказательства признаны наиболее методологически естественными, но если определить их иначе, то непротиворечивость системы может быть доказана в ней самой. Возможно, результаты Гёделя еще долго бы игнорировались математическим сообществом, как не имеющие отношения к ее реальным проблемам, если бы Поль Коэн не поколебал эту уверенность своим окончательным результатом о неразрешимости знаменитой континуум-гипотезы в традиционной системе аксиом теории множеств. В логической интерпретации Курта Гёделя «континуум-проблема Кантора заключается в простом вопросе: сколько точек находится на прямой линии в евклидовом пространстве. ... Конечно, этот вопрос мог возникнуть, только после того как понятие “числа” было распространено на область бесконечных множеств» [4, с. 163]. Поэтому если взглянуть на гёделевский подход исторически, т.е. с точки зрения нефундаменталистского направления, то можно понять его ограниченность контекстом определенного подхода и рассматриваемых в то время задач.

Работы Гёделя о неразрешимости внесли элемент сомнения и в вопрос о том, разрешима ли проблема Ферма, но истинных фанатиков великой теоремы Ферма это ничуть не разочаровало. Принципиальная трудность теоремы Ферма, а также других математических проблем состоит в том, что рассматриваемое множество объектов (в данном случае натуральных чисел) бесконечно, поэтому проверить его все целиком нет даже принципиальной возможности. Однако математическое доказательство позволяет нам единым образом обозреть все это бесконечное множество и получить, если повезет, точный ответ. Проблема, верно или неверно на множестве натуральных чисел арифметическое утверждение $\forall x \forall y \forall z \forall n ((x+1)^{n+3} + (y+1)^{n+3}) \neq (z+1)^{n+3}$, стояла более 350 лет. Эта проблема хорошо известна под названием «великой теоремы Ферма». Математики довольно часто хронометрируют свое время не столько конкретной датой получения решения той или иной проблемы, сколько временем поиска идеи этого решения. Поиск доказательства великой теоремы Ферма последний из примеров такого рода. На обычном математическом языке она формулируется следующим образом. Доказать, что уравнение $x^n + y^n = z^n$ при $n > 2$ не имеет решений в положительных целых числах. Несмотря на то, что это невероятно трудная задача, ее формулировка понятна любому школьнику. Примечательно также то, что при $n = 2$ существует бесконечно много таких решений: это так называемые пифагоровы тройки вида (3, 4, 5), (5, 12, 13) и так далее. В философии математики важнейшим мировоззренческим положением является четкое осознание того, что подавляющее большинство математических понятий и теорем не имеют никаких прообразов в реальном мире. Например, реальным является утверждение $2 \times 2 = 4$, а теорема Ферма – это уже идеальное высказывание. Поскольку идеальные результаты можно рассматривать как промежуточные стадии рассуждений для получения реальных результатов, то являются ли они в таком контексте столь необходимыми? После основополагающих открытий Гёделя о неразрешимых предложениях математики задавали и такой вопрос: может быть гипотеза Ферма неразрешима в существующей системе математики? Пьер Ферма сумел сформулировать такой вопрос, который, несмотря на его естественность и простоту, не додумались задать даже древние греки, и в результате он стал автором труднейшей головоломки, решать которую пришлось другим поколениям математиков.

Ценность для философии математики этой просто формулируемой арифметической проблемы состоит в том, что с позиций крайнего интуиционизма утверждение гипотезы Ферма или ее отрицание более 350 лет нельзя было признать истинным. Такую конъюнктурность понятия математической истины вряд ли можно признать приемлемой, поскольку будет ли официально признана доказанность знаменитой математической гипотезы, а если будет, то когда именно, является весьма субъективной процедурой, зависящей также от «общественно-значимого критерия». Статус великой головоломки Ферма со временем вышел за рамки замкнутого мира математики. И все же английскому математику Эндрю Уайлсу удалось в 1995 г. получить завершающее сверхмощное доказательство последней теоремы Ферма, представляющее несомненный триумф математического интеллекта. Философско-методологическая значимость решения этой классической проблемы для других нерешенных проблем и новых подходов к обоснованию современной математики состоит в том, что математическое доказательство Уайлса представляет собой идеальный синтез направлений современной математики и примером вдохновения на будущее. Тем не менее «все еще остается открытым вопрос о методологических выводах, следующих из теорем Гёделя, после успеха, достигнутого коллективными усилиями современных математиков в доказательстве Великой теоремы Ферма» [5, с. 103]. Заметим, что доказательство этой теоремы занимает несколько десятков журнальных страниц и использует очень тонкий математический аппарат, фор-

мировавшийся почти три столетия. Это отчасти мешало его окончательному признанию, поскольку найти ошибку в длинном рассуждении труднее, чем написать его.

Теперь можно наверняка утверждать, что Ферма лишь показалось, что он нашел доказательство этой теоремы. В его рассуждениях явно была спрятана ошибка. Сейчас уже очевидно, что во времена Ферма просто не существовало еще математических методов, позволяющих доказать его теорему. Гильберт не включил теорему Ферма в перечень 23 важнейших проблем, стоящих перед математикой XX века. Правда, он включил в этот ряд проблем общую проблему разрешимости диофантовых уравнений, а именно, указать способ, при помощи которого возможно после конечного числа операций установить, разрешимо ли заданное диофантово уравнение в целых числах. Это и есть знаменитая десятая проблема Гильберта. Невозможность существования алгоритма, распознающего разрешимые диофантовы уравнения, т.е. того, что требуемого в проблеме способа не существует, была окончательно установлена только в 1970 г. Это сделал тогда еще молодой российский математик, сейчас уже широко известный академик Ю.В. Матиясевич, который является представителем четвертого поколения школы конструктивного направления в логике и математике, возглавляемой в то время А.А. Марковым. Заметим, что для диофантовых уравнений не выше второй степени общий метод, следуя которому можно было бы за конечное число шагов узнать, имеет ли данное уравнение решение в числах или нет, был найден. Однако диофантовы уравнения третьей степени никаким усилиям не поддавались, но в начале XX в. даже Давид Гильберт не подозревал, что соответствующего алгоритма не существует!

В отличие от нахождения искомого общего метода для доказательства несуществования некоего общего метода для решения определенного класса задач требуется дать точное определение тому, что представляет собой этот общий метод и какими средствами он может быть реализован. Соответствующие определения были выработаны в новом направлении современной математики – теории алгоритмов. Именно десятая проблема Гильберта послужила одним из стимулов для создания этой теории. С доказательством теоремы Матиясевича в математической логике выделился законченный теоретико-числовой фрагмент, а именно «теория диофантовых множеств», которая может завершить любой курс элементарной теории чисел. Хотя в связи с неудачами в этом направлении изначально возникло подозрение, что общего метода, о котором говорится в проблеме Гильберта не существует. Преодолев трудности доказательства этой рабочей гипотезы, математикам на этот раз, так же как и четверть века спустя в случае проблемы Ферма, удалось все же уйти с проблемного поля теоремы Гёделя о неполноте. Чаще всего негативные выводы из гёделевских результатов традиционно делаются при методологическом предположении, что достоверным доказательством непротиворечивости формализованной теории является лишь финитное доказательство. Непротиворечивость математической системы, возможно, может быть доказана более сильными методами, если ее методы доказательства оказываются недостаточными.

Это достаточно традиционное понимание второй теоремы Гёделя о неполноте, хотя и не вполне точное, так как в этом случае упускается из вида философский дуализм интуитивного и формального в гёделевских результатах. В связи с этим следует отметить следующие философские уточнения гёделевских импликаций, на которые указал В.А. Успенский. Тот вариант теоремы Гёделя, о котором говорилось до сих пор, – это так называемый ее «семантический вариант», который использует в своей формулировке представление об истинности подлежащих доказательству математических утверждений. Но в философии математики известен и так называемый «синтаксический вариант», который не использует указанного представления. В первом приближении можно сказать, что Курт Гёдель доказал существование утверждений, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть. «В более аккуратной формулировке синтаксический вари-

ант Теоремы Гёделя гласит, что какую бы формализацию понятия доказательства ни предъявить, всегда найдется такое утверждение – причем даже в арифметике, то есть среди утверждений о натуральных числах, – что ни его само, ни его отрицание невозможно доказать в рамках предъявленной формализации» [6, с. 38]. Но в синтаксическом варианте тоже есть свои ограничения, а именно, когда требование «семантической непротиворечивости» заменяется на «синтаксическую непротиворечивость», то есть когда отрицание утверждения, обладающего формальным доказательством, само не должно обладать им.

По сравнению с первой теоремой Гёделя о неполноте вторая теорема Гёделя, говорящая о недостижимости непротиворечивости, по мнению некоторых логиков, демонстрирует меньшую устойчивость логического результата, который может исчезнуть при изменении кодировки математических формул. С одной стороны, некоторые исследователи полагают, что если концепция натуральных чисел противоречива, то тогда наше мышление вообще не приспособлено к строго рациональному мышлению. С другой стороны, высказываются и такие мнения, что формальная система не вырождается в бессмысленную игру как раз по причине того обстоятельства, что она содержит противоречие. Другими словами, математическая теория может быть «локально непротиворечивой», даже если она в принципе не является глобально непротиворечивой. Поэтому в дальнейшем имеет смысл говорить, например, о локальной непротиворечивости, так как глобальная непротиворечивость может оказаться избыточной. Следует отметить, что кодировки, при которых можно доказать непротиворечивость, вообще говоря, неестественны и даже неформально возможно включают в себя предположение о непротиворечивости. Поэтому современные математики довольно уверенно смотрят в будущее своей науки, так как представления об актуальной бесконечности не привели к бессмыслице, пока все обходилось хорошо.

Вторая теорема Гёделя о неполноте – это не просто теорема в привычном смысле этого слова. По своему гносеологическому статусу она располагается в области взаимодействия неформальной и формальной математик, а в работах Гёделя была доказана неосуществимость идеи универсальной формализации мышления на границе между неформальной и формальной математикой. Успехи математики и математизированных областей знания питали надеждой многих мыслителей, в том числе Декарта и Лейбница, на существование универсальных законов, из которых все остальные истины могут быть выведены теоретически. Но, как заключает выдающийся современный математик Ю.И. Манин, «после работы Гёделя, однако, мы можем быть уверенными в беспочвенности этих надежд. Если даже оставить в стороне вопрос, насколько сложен мир, мы знаем, что метод дедуктивных выводов недостаточно мощен. Его не хватает даже на то, чтобы вывести из конечного числа принципов все истинные утверждения о целых числах, формулируемые на языке школьной алгебры: таков смысл теоремы Гёделя» [7, с. 80]. Поэтому все еще остается открытым вопрос об эпистемологических выводах, следующих из логических теорем Гёделя. В чем же тогда состоит философско-методологический эффект открытия Гёделя? Можно сказать, что он состоит в том, что модифицированное высказывание Эпименида создает парадокс, так как оно не является ни истинным, ни ложным, а высказывание Гёделя не доказуемо, хотя и является истинным. Это означает, что система неполна, в силу того что существуют истинные суждения теории чисел, не доказуемые с помощью методов рассуждений, принятых в системе.

По замыслу Гильберта, всякую математическую теорию, в том числе большую часть классической математики, надо строить как формальную аксиоматическую теорию, а затем в рамках этого формализма попытаться доказать ее непротиворечивость. Почему же вопрос о непротиворечивости арифметики имеет столь большое значение в обосновании математики? Это обусловлено тем, что формулировка и доказательство Гёделя допускают ряд «расширительных толкований», определяющих общеполитическую

ское значение его результатов. В частности, существование альтернативных подходов, т.е. отличных от гёделевского подхода, к математическому доказательству указывает на реальную сложность перевода неформального понятия на язык формальной математики. Философская суть импликаций гёделевских результатов о неполноте сводится к тому, что современная математика не может быть с достоверностью обоснована исключительно внутренними, т.е. логическими средствами. При аргументации этого тезиса иногда неправомерно ссылаются на то, что теорема Гёделя утверждает, будто существуют истинные утверждения, которые нельзя доказать, поскольку в такой интерпретации заключено некое противоречие, ведь если утверждение невозможно доказать, то откуда возникает убеждение в его истинности.

Всеобщему употреблению аксиоматического изложения математических теорий и математического моделирования способствовало также то, что при их изложении, пользуются понятиями предыдущих теорий, поскольку сами аксиомы предлагаются исходя из некоторого интуитивного понимания или реального знания. Дело еще в том, что аксиоматические теории кроме интуитивной идеи натурального числа, используют также неожиданные философские интерпретации правил следований, отождествлений и различений. Но эти дополнительные средства по существу содержатся в любой аксиоматической теории, хотя и не описываются ими, поэтому нет оснований считать какие-то из них более сильными в указанном смысле. Т.е. ситуация с результатами Гёделя намного тоньше и сложнее, чем она представляется математикам и философам науки. Не случайно математики призывают не верить никаким философским комментариям к теореме Гёделя, поскольку практически все популярные философские комментарии к этой теореме неверны. Тем не менее российский математик академик А.Н. Паршин однажды высказался в том духе, что «если бы не было теоремы Гёделя, то жизнь не только не была бы приятнее, ее просто не было бы» [8, с. 94]. Вопреки определенным усилиям философов представить результаты Гёделя как сенсацию, его теоремы все же не оказали «революционного влияния» ни на представление о своей науке большинства работающих математиков, ни тем более на их практическую деятельность. Как принято иногда говорить в философии науки, смены научной парадигмы (в смысле Томаса Куна) не произошло.

К этому можно добавить, что теорема Гёделя о неполноте не может опровергнуть ни одной из уже добытых математических истин. Основная проблема состоит в том, что в программе Гёделя используется фундаментальная двойственность теории чисел в логике: когда она аксиоматизирована, она становится «объектом» изучения, а с другой стороны, используемая неформально, она является «орудием», при помощи которого могут изучаться формальные системы. Тем не менее в настоящее время нет никаких математических оснований говорить о принципиальной невозможности достаточно достоверного обоснования современной математики, поскольку соответствующий «философский скептицизм» основывается на методологических результатах Гёделя, полученных при специфических методологических предпосылках, которые эксплицируют философские воззрения на надежность математических рассуждений. Развитые аксиоматические теории описывают не все средства, которые используются в рассуждениях, поэтому вторая теорема Гёделя не дает философских оснований предполагать, что для доказательства непротиворечивости некоторой богатой аксиоматизированной математической теории нужны более сильные средства в виде дополнительных постулатов, чем те, что уже фактически используются.

Заключение

В контексте физических приложений современной математики в качестве промежуточного итога можно сказать, что у нас нет психологических оснований верить в то,

что теорема Гёделя о неполноте накладывает реальные ограничения на нашу способность отыскать высшие законы природы. В окрестностях теоремы Гёделя нет простых и однозначных истолкований, так как существующие методы рассуждений не дают средств, которые позволяют решить, является ли конкретная математическая теория противоречивой или неполной. «Поэтому точнее было бы сказать не “теоремы о неполноте”, а “теоремы о несовершенстве”. Всякая фундаментальная теория несовершенна: она либо противоречива, либо недостаточна для решения некоторых возникающих в ней проблем» [9, с. 149–150]. В заключение можно сказать, что теоретико-множественная концепция современной математики не только доставила основной в настоящее время стандарт математической строгости и надежности, но и позволила в значительной мере разобраться в разнообразии возможных математических теорий и даже систематизировать их. С точки зрения внутренних факторов развития математической теории она может считаться логически выверенной и построенной, если при ее развитии не используются не упомянутые в аксиомах или не выводимые из них свойства изучаемых объектов и отношений между ними.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крайзель, Г. Биография Курта Гёделя / Г. Крайзель // Успехи математических наук. – 1988. – Т. 43, Вып. 2. – С. 175–216.
2. Целищев, В. В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Гёделя / В. В. Целищев // Вопр. философии. – 2013. – № 8. – С. 12–23.
3. Агацци, Э. Влияние Гёделя на философию математики / Э. Агацци // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. XXV, № 3. – С. 16–41.
4. Гёдель, К. Что такое континуум-проблема Кантора? / К. Гёдель // Метафизика. Век XXI : альманах. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011. – Вып. 4: Метафизика и математика. – С. 163–174.
5. Еровенко, В. А. Проблема Ферма в контексте Гёделевских теорем / В. А. Еровенко, Н. В. Михайлова // Математическое образование. – 2003. – № 4. – С. 97–103.
6. Успенский, В. А. Теорема Гёделя о неполноте и четыре дороги, ведущие к ней / В. А. Успенский // Математическое просвещение. Сер. 3. – 2011. – Вып. 15. – С. 25–75.
7. Манин, Ю. И. Теорема Геделя / Ю. И. Манин // Природа. – 1975. – № 12. – С. 80–87.
8. Паршин, А. Н. Размышление над теоремой Гёделя / А. Н. Паршин // Вопр. философии. – 2000. – № 6. – С. 92–109.
9. Подниекс, К. М. Вокруг теоремы Геделя / К. М. Подниекс. – Рига : Зинатне, 1992. – 191 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.03.2015

Michailova N.V. Philosophical Implications of Gödel's Results of Incompleteness of Mathematics

The article is devoted to the philosophical and methodological analysis of Gödel's results of the principle incompleteness of the axiomatized mathematical knowledge. In this context Gödel's incompleteness theorem can be quite deservedly considered as the most important theorem of epistemology in the philosophy of mathematics. The traditional view of justification is no longer working in modern mathematics that is, in particular, convincingly confirmed by Gödel's incompleteness of axiomatic systems. Therefore the philosophy of post-Gödel's mathematics focuses on the discovery of new ways of knowledge communications and reconstruction of approaches to the justification based on the philosophical and mathematical interpretations of the consistency and completeness.

УДК 17 (091) (043.3)

Е.В. Беляева*канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета***МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
МОДЕРНО-ТРАДИЦИОННЫХ СИСТЕМ ПРАВСТВЕННОСТИ**

При историческом взаимодействии морали модерна с многовековым содержанием традиционной нравственности произошло образование этнополитически разнообразных модерно-традиционных систем нравственности. В странах ранней модернизации элементы мещанского и рыцарского этоса были включены в состав нравственных образцов буржуа и джентльмена. В странах «догоняющей модернизации» некоторые установки традиционной и религиозной нравственности модифицировали свой смысл благодаря способу моральной регуляции, предполагающему автономию индивидуального субъекта. В свою очередь, ценности модерна были подчинены традиционному мировоззрению. Во всех культурных регионах модернизация способствовала формированию индивидуального субъекта нравственной регуляции, но не обязательно приводила к господству принципа индивидуализма. Рационализация нравственного мира также произошла повсеместно, при этом новоевропейский тип рациональности не стал единственно возможным. Наконец, позиционирование нравственности в качестве общечеловеческой ценности стало общепринятой формой морального дискурса.

Введение

Исторически первой формой нравственности модерна была буржуазная мораль, сложившаяся в Европе и Америке, однако впоследствии стало понятно, что путь западных стран не является единственным вариантом модернизации. В современной социологии вполне устойчивым стало представление о «множественности модернов». С точки зрения этики можно сказать, что на общей платформе модерна образовался целый веер своеобразных моделей моральной жизни, в которых элементы модерна оказались синкретизированы с фрагментами традиционной нравственности доиндустриального общества. Результатом взаимодействия двух систем стало образование различных этнополитических разновидностей модерно-традиционной нравственности. В их числе находится и система нравственности белорусского общества, которое, сохраняя традиционалистские основания, пережило уже несколько исторических волн модернизации. Поэтому исследование механизмов образования модерно-традиционных систем нравственности оказывается актуальным как для понимания нравственных процессов в нашей стране, так и для осмысления общей исторической динамики нравственности.

Традиционные нравственные образцы в странах ранней модернизации

Возникновение системы нравственности модерна характеризовалось радикальным изменением способа моральной регуляции и типа нравственной самоорганизации общества по сравнению с традиционной нравственностью. Ее новизна была связана с формированием автономной личности как субъекта морали, способного к рациональной моральной самоорганизации на основе целостной системы нравственных принципов, позиционируемых как общечеловеческие и реализующего эти принципы посредством долга/совести как основного контрольно-императивного механизма моральной регуляции. Коллективными субъектами морали этой эпохи выступали классы и национальные государства, а в нормативно-ценностной структуре стали оформляться такие новые принципы, как индивидуализм, равноправие, гражданский патриотизм, профессионализм. В то же время можно показать, что новая система нравственности не ликвидировала традиционные формы нравственной жизни (как поначалу предполагалось), и современные способы регуляции стали поддерживать некоторые традиционные ценнос-

ти. Результатом такой синкретизации стали мещанский мелкобуржуазный нравственный образец и нравственный образец джентльмена.

Мещанская мораль в структуре традиционной системы нравственности существенно отличалась от той разновидности, которая укрепилась в эпоху модерна с изменением способа моральной регуляции. Как специфическая социальная группа традиционного общества мещанство сложилось в Средние века и включало городских ремесленников и торговцев. Их социальная регуляция представляла собой разновидность традиционной нравственности сословного общества в городской среде. В той мере, в которой буржуа вышли из мещанской среды, мещанская мораль была встроена в систему нравственности модерна. Модерный идеал равенства, который в исходном варианте был обоснованием достоинства каждой личности, в «сниженном» мещанском варианте обусловил популярность такой добродетели, как скромность (в противовес гордости). В отношении базовой нравственной ценности буржуазной морали – принципа индивидуализма – мещанский этос самоопределяется двойственно и парадоксально совмещает индивидуализм с конформизмом. В мещанской среде индивидуализм как способность личности самостоятельно формировать и рационально отстаивать свои моральные убеждения неизбежно порождает конфликт, поэтому мещанский индивидуализм проявлялся преимущественно в сфере потребления. Традиционное трудолюбие средневекового мещанина, предполагавшее добросовестное отношение к делу, под влиянием современного принципа индивидуализма преобразовалось в специфическое профессиональное мастерство, которое стало ядром мещанского этоса. Честность по отношению как к клиентам, так и собратям по профессии всегда входила в число важнейших добродетелей мещанского этоса. В эпоху модерна честность мещан, проявлявшаяся в денежных расчетах, стала моделью общеполитической добродетели. Таким образом, буржуазный нравственный образец модерна обладает преемственностью по отношению к мещанскому образцу традиционной нравственности.

Аристократически-рыцарские моральные установки, которые, как казалось в раннебуржуазную эпоху, должны были утратить актуальность, также были унаследованы некоторыми группами буржуазного общества и, в частности, английскими джентльменами, в морали которых произошла, как показала М. Оссовская, интерференция буржуазных и дворянских личностных образцов [1, с. 427–459]. Среди нравственных качеств джентльмена выделялось благородство со всеми спецификациями, которые были присущи рыцарскому нравственному образу. Инновацией стала мысль о возможности обладания не врожденными, а приобретенными благодаря воспитанию добродетелями. Воспитание в закрытых учебных заведениях со строгой дисциплиной и стремлением к честной состязательности предполагало высокую индивидуальную ответственность. Чувство товарищества стало основой той корпоративности, которая отличала сословие джентльменов от всех других социальных групп, не обладавших должной сплоченностью и самосознанием. В отличие от корпоративности мещан, носившей локальный характер (улица, квартал, городок), джентльмены осознавали единство и братство независимо от места рождения и проживания. Джентльмены образовали особое сословие в обществе, где сословия активно разрушались, а их корпоративность стала своего рода «коллективизмом для индивидуалистов».

Для джентльменов сохранила свое значение аристократическая модель чести, а значит, и добродетели, которые ее обеспечивали. Верность традиции приобрела вид национального патриотизма, верности империи и «британскому духу». Верность слову не только сохранилась в полном объеме, но и стала распространяться на финансовые вопросы, действовала не только среди «своих», но и по отношению к лицу любого социального статуса. В нравственном образце джентльмена традиционные ценности иерархии и служения соединились с современными ценностями равноправия и трудолюбия. Поскольку в той или иной форме труд в буржуазном обществе является обязательным, презрение

к труду, характерное для рыцарства, не декларируется. Однако занятия джентльмена должны быть «чистыми»: работать следует не для заработка, а для общественной пользы или для самовыражения. В противовес буржуазному культу профессионализма из среды джентльменов вышла плеяда блестящих дилетантов, которые внесли вклад в различные сферы культурной и общественной жизни Британии. В отличие от буржуа, вполне легальной целью которого являлось обогащение, джентльмен благодаря устойчивому социальному положению получал возможность смотреть на вещи «с государственной точки зрения», учитывать общественные, а в идеале – общечеловеческие интересы.

Итак, мещанский и рыцарский нравственные образцы традиционного общества сохранились в культуре модерна, но их функционирование стал обеспечивать новый способ моральной регуляции, основанный на самосознании индивидуального субъекта.

Адаптация традиционных нравственных установок к задачам модернизации

В тех обществах, где модернизация была привнесена извне, простое заимствование западных ценностей, обозначаемое как «вестернизация», редко приводило к позитивному результату. Более эффективной оказалась «догоняющая модернизация», порожденная внутренней потребностью некоторого социума соответствовать требованиям современности. Незападные страны стремились обрести собственное представление о «современности» и столкнулись с необходимостью освоить нравственность модерна на базе своих культурно специфичных вариантов традиционной нравственности. Для этого традиционные основания нравственной культуры адаптировались к потребностям модернизации. Опираясь на идею М. Вебера о том, что культура модерна основана на особом типе рациональности, можно предположить, что в традиционном обществе легче всего подвергнутся преобразованию те феномены, которые содержат собственный рациональный элемент. Понятно, что обычаи, привычки и то, что называют менталитетом народа, в силу своего неререфлексивного характера менее всего поддаются рациональному упорядочиванию. Элементы же рационального дискурса, как ни странно, обнаруживаются в религиозных формах духа. Богословские штудии так или иначе формируют культуру логического мышления, которая делает возможным самопреобразование религиозного мировоззрения.

Под влиянием модернизации в странах с традиционалистским наследием возникли религиозные формы, пригодные к обоснованию ценностей модерна. Более того, способ регуляции, присущий современной системе нравственности, имеет определенную корреляцию с утверждением мировых религий о значимости личностного начала. Перенеся акцент с индивидуальности души, данной Богом, на индивидуальность в социальной практике, можно получить достаточно органичный синтез идей. Идея равенства людей как духовных созданий вполне созвучна современной идее равенства людей как разумных существ. Установку на внутреннее самосовершенствование (сколь бы различно они его ни понимали) разделяют обе системы нравственных представлений. Наконец, мысль о том, что истинное моральное поведение движимо внутренними духовными мотивами, обоснованная в доктринах мировых религий, была востребована современной культурой.

Вопреки мнению М. Вебера о непригодности католической доктрины для духовной легитимации капитализма для многих стран Азии и Латинской Америки католицизм оказался «мостиком» в мир модерна. Современная доктрина католической церкви достаточно адекватно отражает реальные социальные процессы. Другим примером адаптации религиозной доктрины к задачам модернизации может послужить судьба буддизма. В XX в. его сакральное знание было упорядочено и рационализировано. Если проинтерпретировать знание буддийских истин как рациональное постижение и отождествить его с «пробуждением», то получится буддийский вариант идеи Просвещения. Столь важная для буддизма медитативная практика перестала противопоставляться жизни в обществе и стала мыслиться как предпосылка успешной деятельности в по-

сюстороннем мире. Интерес к внутреннему миру и склонность к самоанализу роднит буддиста с человеком модерна так же, как и мысль о потенциальном равенстве всех людей в способности к духовной жизни. Буддийское понятие «каруна» (милосердие) приближало человека к пониманию единства всех живых существ в мире, к общечеловеческому единству. В обновленном буддизме вновь был сделан акцент на индивидуальности «пробуждения» и необходимости для этого внутренних личных усилий, а не массовых ритуальных мероприятий. «Буддизм тхеравады преподавал род индивидуализма, отличный от индивидуализма Запада» [2, с. 144] и вполне успешно стал нравственным обоснованием модернизации в странах Юго-Восточной Азии. Что касается ислама, то для мусульман торговля всегда считалась богоугодным занятием. Утверждая, что ислам – это образ жизни, а не набор догм, реформаторские течения в исламе не препятствуют развитию самых различных экономических и культурных укладов.

Кроме религиозного обновления механизмом образования модерно-традиционных систем нравственности во многих странах стал процесс переосмысления традиционных ценностей в духе модерна. Ключевой из них является трудолюбие, постепенно приобретающее капиталистические черты. Например, традиционное китайское трудолюбие по своей кропотливости и методичности подобно рационализации труда при капитализме. Однако в результате перенасыщенности трудовыми ресурсами в китайской культуре распространено не протестантское самоограничение, а изначальное умение довольствоваться малым, не методичный профессионализм, а слепое упорство в труде. Не менее знаменитым является и трудолюбие японцев. «Трудолюбие по-японски» отличает две особенности. Во-первых, в его основе лежит высокая квалификация работника, а не просто количество малоквалифицированного труда, как часто бывает в традиционных культурах. Во-вторых, трудолюбие предполагает не смиренное традиционное терпение, но волевое упорство в труде, которое регламентируется принципами этики самураев. Элемент воинского этоса, парадоксально включенный в состав трудовой морали, придал ей особую стойкость. А традиционный личный долг перед императором в современном истолковании понимается как патриотический долг перед своей страной. В основе организации японской корпорации лежат ценности традиционной нравственности: семья и патриархальность, иерархия и коллективизм. Идеальным работником фирмы как большой семьи является «корпоративный человек», а не автономный работник, следующий собственным интересам. В результате нравственной базой модернизации в Японии стал не индивидуализм, а такая разновидность коллективистской ориентации, как корпоративность.

Итак, некоторые феномены традиционной культуры адаптировались к задачам модернизации: мировые религии актуализировали в своей структуре рациональные и индивидуалистические аспекты; традиционный опыт некоторых народов оказался изоморфным установкам современной культуры; особая интерпретация принципа трудолюбия позволила обеспечить преемственность между двумя системами нравственности.

Включение ценностей модерна в контекст традиционной нравственности

Наряду с модернизацией традиционного наследия происходил встречный культурный процесс – включение современных ценностей в мировоззренческий контекст традиционной нравственности. Многие современные ценности: трудолюбие, патриотизм, идея самосовершенствования личности и общества – представлялись обычно вполне приемлемыми, так как имели определенный коррелят в традиционной культуре. Что касается принципа индивидуализма, то национальные культуры либо специфически интерпретировали этот принцип, подчиняя его высшим духовным ценностям, либо формировали собственный вариант современной нравственности без этого принципа.

Мировые религии, столкнувшись с бурными инновациями в социуме, с одной стороны, как уже отмечалось, частично преобразовали свои идейные установки, с дру-

гой – легитимировали новую социальную практику, исходя из своих доктрин, предполагая, что пользование достижениями модерна возможно без заражения его пороками. Как писала Н.Н. Зарубина, в общественном мнении стран Юго-Восточной Азии сложилось убеждение, что «на сферу экономической деятельности должны распространяться базовые ценности буддизма – ненасилие, простота, самосовершенствование... Рациональная хозяйственная деятельность в буддийских обществах связана не с развитием индивидуализма, а с альтруизмом, коллективизмом и солидарностью» [3, с. 53]. В результате индивидуализм изгонялся из системы ценностей, зато утверждался применительно к субъекту регуляции. Ведь именно личность, работающая над собственным совершенствованием, способна реализовать альтруистический проект в мире бизнеса. Интерпретированная в таком духе современная мораль может быть усвоена в незападных обществах.

Идея «исламской экономики» образована аналогичным образом. Мусульманский бизнес представлен в основном не индивидуальными предпринимателями, а товариществами, за которыми стоят родственные кланы. Дела с братьями по вере ведутся на основе честности, взаимной выгоды и уважения к партнеру. Заkyat (одна из пяти основных обязанностей мусульманина), т.е. жертвование 10% доходов на нужды общины, делает обладание собственностью «негреховным», исполнение традиционного обязательства позволяет человеку пользоваться благами модерна. «На мусульманском Востоке традиционно придается большое значение промериванию личных и профессиональных качеств предпринимателя по шкале “благочестивой дозволенности”», – указывала Е.Ю. Барковская [4, с. 51]. Поскольку все верующие в Аллаха образуют единое религиозное сообщество (умму), внутри него функционируют некие объединяющие ценности, которые и называются «общечеловеческими». Однако базовый для модерна тезис о равенстве людей имеет здесь ограничения: национальная или классовая принадлежность не может быть поводом для привилегий, однако мусульмане не равны немусульманам, а женщина не равна мужчине. Это неравенство так же освящено Аллахом, как и равенство в других аспектах. Подобно тому, как при распространении в традиционных обществах ислам включал в себя местные обычаи, которые с тех пор стали восприниматься как мусульманские, в эпоху модернизации ислам начал ассимилировать ценности модерна, наделяя их религиозным смыслом.

Китайская культура на протяжении тысячелетий была не просто традиционной, но возвела традиционализм в добродетель, культивируемую на уровне государственной идеологии. Поэтому любое обновление социальных отношений в этой стране обычно мыслилось в духе конфуцианского «исправления имен»: нововведение неизменно истолковывалось как восстановление утраченного, исполнение завета предков. Модернизация не стала в этом отношении исключением. «Реформы начала XX в., – отмечала Г.С. Каретина, – проводились под влиянием идеологии политики “самоусиления” и ее принципа “китайское составляет основу, а западное имеет прикладное значение”, причем под основой подразумевалась конфуцианская мораль» [5, с. 23]. Конфуцианство обладает достаточно богатым содержанием и гибкостью, чтобы обосновать социальные перемены. Базовая конфуцианская идея о том, что государство и семья изоморфны в организационном и ценностном отношении, ориентирует на подчинение предпринимательской деятельности этим двум великим ценностям. В частности, семейный бизнес вполне соответствует требованиям конфуцианской морали. Чтобы осуществить модернизацию, ее следовало истолковать как государственную задачу, апеллировать не к индивидуализму отдельного лица, а к солидарным усилиям нации. Эта же модель, поддерживаемая коммунистической идеологией и авторитарными методами правления, реализована и в социалистическом Китае. Модернизация в соседнем с Китаем Тайване также проходила под лозунгом осуществления идеалов конфуцианства, было провозглашено, что своим бизнесом человек должен служить государству и общему благу.

Заклучение

При первичном историческом столкновении современной нравственности с многовековым содержанием нравственности традиционной эти системы выступали как антагонистические, однако с течением времени их взаимодействие дало эффект синергии. Опыт модернизации незападных стран в XX в. показал, что традиционная нравственность и нравственность модерна способны к синкретизации. В результате сложились этнополитически диверсифицированные модерно-традиционные системы нравственности. Произошла адаптация традиционных мировоззренческих систем и институтов к новым задачам, а также встречная модификация современных ценностей в соответствии с культурной спецификой региона. Возникновение современного способа регуляции не предполагало полного отказа от нормативно-ценностной структуры традиционной нравственности. В обществах модерна периферийные элементы традиционной нравственности (мещанский этос) переместились в центр системы; ряд ценностей традиционной нравственности (трудолюбие, патриотизм) модифицировали свое содержание благодаря функционированию в рамках изменившегося способа регуляции; ценности модерна были включены в традиционный мировоззренческий контекст. Во всех культурных регионах модернизация способствовала формированию индивидуального субъекта нравственной регуляции, но не обязательно приводила к господству принципа индивидуализма. Вопрос о рационализации нравственного мира также был решен повсеместно, при этом ново-европейский тип рациональности не стал единственно возможным. Наконец, позиционирование нормативно-ценностной структуры нравственности в качестве общечеловеческой стало общепринятой формой морального дискурса. Таким образом, не ценности модерна, а новый способ регуляции может считаться специфической особенностью данной культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали / М. Оссовская. – М. : Прогресс, 1987. – 528 с.
2. Sato, Y. The Thai–Khmer village: community, family, ritual and civil society in Northeast Thailand / Y. Sato. – Niigata : Niigata University Press, 2005. – 312 p.
3. Зарубина, Н. Н. Без протестантской этики: проблема социокультурной легитимации предпринимательства в модернизирующихся обществах / Н. Н. Зарубина // Вопр. философии. – 2001. – № 10. – С. 45–56.
4. Барковская, Е. Ю. Мусульманское право и правовая культура : учеб. пособие / Е. Ю. Барковская. – М. : Изд-во РАГС, 2001. – 75 с.
5. Каретина, Г. С. Милитаристы и модернизация Китая / Г. С. Каретина // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации : тез. докл. V междунар. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мировая история, современность, перспективы», Москва, 12–14 окт. 1994 г. : в 2 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. – М., 1994. – Ч. 2. – С. 22–26.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.03.2015

Belyaeva E.V. Mechanisms of Formation of Modern-traditional Morality Systems

At historical interaction between a modern morality and the centuries-old content of traditional morality was the formation of ethno-political variety of modern-traditional systems of morality. In the countries of early modernization the petty-bourgeois elements and knightly ethos have been included in structure of moral models of the bourgeois and the gentleman. In the countries of «catching-up modernization» some ideas of traditional and religious morality modified sense thanks to the process of moral regulation, presupposing the autonomy of the individual subject. In turn, the values of modernity have been subordinated to traditional worldview. In all cultural regions modernization promoted formation of the individual subject of moral regulation, but not necessarily lead to domination of the principle of individualism. Rationalization of the moral world also has occurred everywhere, thus the new European type of rationality did not be the only possible. At last, positioning of morality as a universal became the standard form of a moral discourse.

УДК 130.12+316.3

Ю.Ю. Бродецкая*канд. социол. наук, доц., доц. каф. философии и политологии
Национальной металлургической академии Украины (г. Днепропетровск)***КУЛЬТУРНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ПЕРСПЕКТИВА РЕШЕНИЯ
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ**

Потребление как процесс удовлетворения базовых потребностей человека является естественным и необходимым условием гармоничного индивидуального развития. Осознание сути процесса потребления предполагает понимание и принятие уникальности окружающей действительности, тех объективных законов, которые работают на сохранение гармонии, баланса индивидуального и социального целого, формирует стратегию культурного потребления. Само культурное потребление как созидательная система отношений к себе, миру опирается на стремление человека к балансу, гармонии с окружающей действительностью, ориентации на духовное, а не материальное развитие, т.е. на познание смыслов человеческой жизни. В процессе культурного потребления личность направляет свой потенциал на раскрытие не только собственной уникальности, но и познание окружающей действительности. Ею движет живой интерес к жизни, в силу чего характер культурного потребления активен и созидателен. Культурно потребляя, личность стремится ориентировать свой потенциал не на себя и свои неисчисляемые желания, корыстные интересы, а на потребность, стремление поделиться своим талантом, частицей себя самого и от этого сделать свою личность богаче, счастливее, целостнее. Поскольку лишь в процессе культурного потребления раскрывается потенциал любви как интеграционного механизма социальной и индивидуальной целостности, единения с миром, ближним, реализуется уникальность человеческой природы.

Процесс потребления является естественным условием человеческого развития. Соприкасаясь с окружающей реальностью, личность вбирает в себя те ее аспекты, которые позволяют открывать новые грани духовного потенциала человека. Потребляя, т.е. удовлетворяя свои базовые потребности, человек участвует в процессе символического постижения и преобразования окружающей его реальности, себя в ней. Он раскрывает заложенный потенциал, учится делиться им, чтобы стать полноценной частицей окружающего мира, его активным участником. Иного пути приобщения к Целому для человека нет. Этот процесс требует внимательности, ответственности, баланса, стремления познать и реализовать законы и принципы человеческой жизни, т.е. потребности творчески трудиться.

Осознание сути процесса потребления предполагает понимание и принятие уникальности окружающей действительности, тех объективных законов, которые работают на сохранение гармонии, баланса социального целого, его целостности. Это предполагает необходимость формирования целостной картины мира, ее объективного видения, понимание своего места и задачи в этой динамичной системе. Поэтому активную роль в этом процессе принимают основные условия и способы реализации человеческого потенциала: *труд, культурная традиция и социальная среда*. Именно в этом синтетическом сплетении потребности, знания и опыта вырабатываются те фундаментальные принципы *культурного потребления*, которые позволяют открывать, развивать, преобразовывать и преумножать целостность и уникальность человека, поддерживать незримые духовные связи общества как единого целого, решать его экзистенциальные проблемы. Другими словами, само *культурное потребление* представляет собой гармоничное соразмерное отношение человека к окружающему миру, собственному потенциалу, реализующееся в стремлении познания. В свою очередь, познание предполагает активное участие, стремление к творческому труду на общее благо. Это своеобразный процесс обмена возможностями, знаниями, опытом с целью реализации внутренних сил личности, ее приобщения к единому Целому. Таким образом, в этом процессе условием

индивидуальной активности выступает установка на познание – творческий труд – как аспект потребности в любви, раскрывающей себя в стремлении к гармоничному развитию, участию, единению. Поэтому такое отношение исключает любые проявления лени, формализма, безответственности, отчужденности, недоверия. Актуализируясь в процессе творческого труда, направленного на развертывание духовного потенциала человека, потребность в познании как способе единения ведет его, стимулируя соответствующие гармоничные выборы.

Включение труда с его установкой на познание-преобразование реальности, таким образом, является единственным условием преодоления зависимости материального мира, основанием которой является бесконечный поток желаний человека [1; 2]. Желание блокирует само стремление к духовному развитию личности, исключая необходимость каких-либо созидательных усилий с ее стороны. Движимое стремлением использовать, эксплуатировать человеческий потенциал, оно ориентирует личность на реализацию искаженной модели реальности, в которой нет места познанию, труду, творческому развитию, потребностям других. Желание обесценивает жизненную необходимость духовности (отношений, чувств, смыслов, творческой реализации), возводя в культ ценности и предметы материального мира. Все усилия человек направляет на достижение желаемого любыми способами, вопреки всему и вся, что делает его неразборчивым, поверхностным, эгоистичным.

Культурное потребление с его ориентацией на познание, творческий труд, единение и духовные ценности снимает эти противоречия. Эта система отношений опирается на стремление к балансу, гармонии с окружающей действительностью, реализующееся, прежде всего, в ориентации на духовное, а не материальное развитие, т.е. на познание смыслов в жизни человека, реализацию его потенциала с целью приобщения к Целому. В процессе *культурного потребления* личность направляет свой потенциал на раскрытие не только собственной уникальности, но и познание окружающей действительности. Ею движет живой, не отягощенный желаниями интерес к жизни. В силу этого характер *культурного потребления* активен и созидателен.

Эта система отношений *опирается на принцип соответствия между потребляемым* (т.е. его действительной необходимостью для меня), *его ценностью и теми усилиями, которые я прикладываю к этому*. Поэтому само материальное потребление здесь является не самоцелью, а лишь необходимым процессом удовлетворения конкретных потребностей личности. Это означает, что потребляемые мной вещи, предметы представляют для меня ценность лишь в силу их соответствия тем либо иным потребностям (физиологическим, материальным), другими словами, их функциональной значимости. Так, потребление еды и одежды отражает потребность в полноценном поддержании функционирования организма; приобретение книг, картин, предметов искусства есть отражение потребности в познании, стремления понять их и способности пользоваться ими; автомобиль есть средство передвижения. Вещи служат в качестве необходимых средств человеческой жизни, т.е. они служат человеку, а не человек им. Такой способ потребления соответствует способу их использования. Другими словами, в процессе культурного потребления вырабатывается гармоничное соотношение материального и духовного, отношение, при котором вещь для человека остается лишь вещью, т.е. средством удовлетворения более значимых духовных потребностей, знаком того либо иного функционального предназначения.

В рамках культурного потребления *сам знак не перерастает в символ, не становится смыслом человеческой жизни, следовательно, не подменяет собой реальный порядок ценности человеческих отношений и создаваемых им продуктов*. Это значит, что человек потребляет вещи, предметы, отношения не машинально, а вникая в их суть, распознавая смысл потребляемого. Познавая, он учится толковать их, поэтому его ин-

тересуют все детали: принципы и условия создания вещи, мотивы и ценности собеседника. Для него важен сам процесс познания. В силу этого его познание смысла подобно опыту ребенка и всегда носит качественный характер. Познание ребенком окружающего мира носит уникальный характер. Стремление к познанию окружающего мира, живой интерес ко всему, что его окружает, отсутствие шаблонов восприятия и страхов стимулируют исследовательские способности ребенка. В этом ему помогают не только органы чувств, позволяющие соприкоснуться с физическими характеристиками окружающей реальности, но прежде всего кордоцентричное познание и язык. «Знание» ребенка сводится к непосредственному восприятию через ощущения и уникальную символичность речи, стимулирующие интерес к окружающим его объектам. В этом процессе человек ориентирован не на конечную цель (потребить желаемый продукт), а на сам акт познания, т.е. труд, усилия по его усвоению, пониманию, принятию. Именно это приносит удовлетворение и радость в его жизнь. Такое сбалансированное восприятие ситуации сопровождается формированием внутреннего баланса, стремлением к целостности, выраженным в созидательной установке на поддержание необходимого соответствия между реальными и желаемыми возможностями и запросами человека, его отношением к окружающему миру. Отношения, машина, квартира, пища, профессиональная деятельность, атрибуты материального комфорта осознаются в этой ситуации как результаты творческого труда, а сам труд как единственно возможный способ решения возникающих проблем, преодоления зависимости от неиссякаемого потока желаний.

Осознавая и принимая роль труда в человеческом развитии, личность постепенно освобождается от иллюзии превосходства, желания. Она более не стремится искать «неотягающие способы» обретения желаемого, а ориентируется на возможность проявить свой потенциал, потрудиться, познать. Ее больше не наполняет, не удовлетворяет блеск и эффект желаемого, все ее усилия и стремления теперь направлены на раскрытие сути окружающих вещей. А, следовательно, сама деструктивная установка «хочу, следовательно, получу невзирая ни на что», сформированная ориентацией на желание, здесь снимается. Вместо этого вырабатывается стремление разобраться, проникнуть в суть, ответить на вопрос: «Для чего это необходимо?».

Таким образом, в отличие от отношений тотального потребительства как стратегии закрепления зависимости от соблазнов материального мира (т.е. от желания) культурное потребление изначально ориентировано на познание, т.е. на творческий труд, в процессе которого актуализируется комплексная потребность в любви, единении, творчестве, приобщенности, раскрывается духовный потенциал человека. В этом процессе раскрывается базовый интеграционный мотив социальной целостности – ориентация на другого, его отношения, потребность в нем, что реализуется в созидательной социальной установке: труд на общее благо. Другими словами, эта система отношений снимает блокирующую развитие человеческого потенциала эгоистическую мотивацию личности, лишает страха за себя, тревоги, опасения не получить желаемого. Это чудесное перевоплощение происходит в результате осознания потребностей других, их ценности и уникальности. Формируется объективное видение ситуации, в которой «мои» (реализация, счастье, благополучие) являются гармоничным следствием реализации ближнего. Поэтому лишь ориентация на «наше» взаимодействие, на связи ведет к моему творческому развитию. Другими словами, не эгоистическое желание «иметь», «использовать», «эксплуатировать», «накапливать» ведет человека в процессе культурного потребления, а потребность познать, соприкоснуться, поделиться своим потенциалом, стать активным участником взаимодействия. Таким образом, модель восприятия окружающего мира, формирующаяся в этих условиях, объективна, разумна, целостна. Она основывается на принципах гармонии и порядка, несет в себе понимание ответственности за собственный выбор и его реализацию, за собственный вклад в общее благо.

Отношения *культурного потребления* запускают развитие целого комплекса экзистенциальных качеств: ответственности, доверия, заботы, стремления быть активным участником Целого, – в рамках которых развивается потенциал индивидуальной и социальной целостности. Что остается после гонки за потреблением желанного? Пустота, разочарование, тоска... *Результатом же культурного потребления становится ощущение внутреннего удовлетворения, наполненности смыслом.* Таким образом, культурное потребление становится условием решения экзистенциальных проблем человека, вырабатывает отношение, в котором человек стоит *над* материальным миром, руководит вещами, но не в силу собственного превосходства, а в силу понимания смысла и принципов организации окружающей реальности. Он не зависим от материального, не жертвует собственной свободой и активностью ради обладания им. Он *человек*, для которого духовное, т.е. стремление к единению, причастности, творчеству, свободе, – определяющее условие жизни. Поэтому именно духовное, а не материальное, поиск смысла, а не потребление вещей, обладание и накопление их, потребности ближнего, а не эгоистические мотивы определяют суть его экзистенциального предназначения.

Ресурс такого способа отношения к реальности неиссякаем. Поскольку понимая суть предлагаемых окружающей действительностью благ, человек в процессе *культурного потребления* становится способен конструктивно структурировать, организовывать свой выбор, приобретая лишь то, что действительно необходимо для его творческого развития. Так, он превращает хаос в гармонию, не идя на поводу у предлагаемых цивилизацией соблазнов и не завися от иллюзий, преодолевает эгоистические границы сознания. Ему сложно навязать формальные шаблоны и стандарты, поскольку в фокусе его интересов суть, содержание, смысл, а не форма, поскольку установка его развития – познание, а не присвоение, т.е. доказательство своего превосходства обладания. В этом осознанном выборе он проявляет свою уникальность и свободу, реализуя способность трудиться творчески, созидательно. Так, через познание и творческий труд человек реализует свой потенциал, преодолевает границы материального мира, освобождается, приходит к целостности, гармонии внешнего и внутреннего, макро- и микромира. С таким багажом опыта и знаний он становится полноценным ответственным участником социальных отношений, поддерживать и развивать которые теперь его основная задача.

Культурное потребление есть акт взаимообогащающий, поскольку в нем нет «посредника», на которого переносятся силы и потенциал участников, отчуждающего их от участия в данном процессе. Здесь есть лишь соучастники и общие потребности, на удовлетворение которых и направлены их силы. Поэтому лишь в рамках данного процесса человек способен соотнести для себя значение и важность окружающих отношений, объективно оценить угрозы и возможности собственной деятельности, осознать смысл человеческой жизни. Другими словами, в самом акте *культурного потребления* исключается создание идола, трансформирующего человека в пассивный объект, вещь, исполнителя, а характер его отношений в банальное потребление знаков, вещей материального мира. В связи с этим, анализируя ситуацию современного общества, где потребление давно приобрело характер материальной практики, французский исследователь Ж. Бодрийяр отмечает, что знак сегодня выступает как знак счастья (люди ищут счастье в обладании материальными объектами). Он заменяет собой реальность: реальную жизнь, реальные отношения. Материальные объекты вытесняют из жизни человека других людей, а сам он исчезает как субъект, превращаясь в человека-объекта, который, подобно вещи, выполняя определенную функцию, фигурирует в межчеловеческих отношениях. Знаковое потребление охватывает всю жизнь людей, начиная с потребления вещей и до потребления среды человеческой жизни, куда входят труд, досуг, культура, социальная сфера, природа. Все названное входит в человеческую жизнь в виде потребляемых знаков, «симулякров», превращая всю ее в симуляцию, в манипуляцию

знаками. Знак, «симулякр» как бы помогает человеку овладеть реальностью, но одновременно он уничтожает реальное, заменяя его собой [3].

Изменение смысла потребления, как показывает социальная практика, приводит к ужасающим последствиям. Трансформируясь в практику овеществления окружающей реальности и приобретая массовый характер, потребительство угрожает, прежде всего, развитию и поддержанию социальных связей, отношений, сохранению ценности *человеческого*, т.е. *духовного*, в нашей жизни. Оно превращает человека, его потенциал в продукт потребления, товар, лишая тем самым перспектив дальнейшего развития. Деньги, вещи, недвижимое и т.п. – все эти идола и желание обладать ими исказили природу современного потребительства и роль человека и творческого труда в нем. «Раз я располагаю деньгами, то для приобретения от меня не требуется ни усилий, ни особого интереса. Если у меня есть деньги, я могу купить прекрасную картину, даже если я ничего не смыслю в искусстве; я могу купить лучший фонограф, пусть даже я не разбираюсь в музыке; я могу купить библиотеку, хотя она мне нужна только для престижа. Я имею возможность за деньги приобрести образование, хотя бы оно и было мне ни к чему, – разве что как дополнительное достоинство в глазах общества. Обладание деньгами дает мне право приобретать и делать с моими приобретениями все, что мне заблагорассудится» [4, с. 174]. Эти слова Э. Фромма красноречиво свидетельствуют об изменении характера потребления в современном нам обществе. Формат таких отчужденных конформных отношений использования становится условием функционирования рационализированной социальности. В рамках последней основным критерием членства становится не уникальность человека, его причастность к человеческому роду, профессиональной, этнической группе и т.п., не его творческий потенциал, а полезность (общественная). Быть пригодным, полезным, удобным – значит иметь высокие шансы на групповое принятие, значит иметь шанс реализовать иллюзию собственного превосходства. Современный человек не столько заинтересован в том, что действительно стоит за этой пригодностью, поощряемой конформизмом, сколько условиями продажи своего потенциала, способами, вариантами идолослужения в изобилии предоставленными цивилизационной практикой. В этой ситуации он не задумывается, чем реально жертвует ради этой сделки, поскольку готов на все, лишь бы выгодней продать себя на «человеческом рынке». В этой связи Э. Фромм отмечает: «Счастье современного человека состоит в радостном волнении, которое он испытывает, глядя на витрины магазина и покупая все, что он может позволить себе купить или за наличные или в рассрочку. Он и на людей глядит подобным образом. Я ищу выгоды: объект должен быть желанным с точки зрения социальной ценности и в то же время должен сам желать меня, учитывая мои скрытые и явные достоинства и возможности. Два человека влюбляются тогда, когда чувствуют, что нашли наилучший объект, имеющийся на рынке, учитывая при этом границы собственного обменного фонда. Часто, как при покупке недвижимого имущества, заметную роль в этой сделке играют скрытые возможности, которые могут быть развиты со временем. Едва ли стоит удивляться, что в культуре, где превалирует рыночная ориентация и где материальный успех представляет выдающуюся ценность, человеческие любовные отношения следуют тем же образцам, которые управляют и рынком» [5, с. 3].

Однако даже в условиях тотального потребительства можно услышать настоящие призывы собственного сердца к настоящему, искреннему, гармоничному. Они становятся все громче именно в тот момент, когда масштабы духовного кризиса современного общества превышают все допустимые границы. Пытаясь заглушить их, человек может и дальше обманываться все новыми и новыми иллюзиями о желаемом «материальном счастье, благополучии», способном снять все внутренние конфликты, решить экзистенциальные проблемы. Однако тем самым он все больше попадает в зависимость, не берет ответственности за то, что тотальное потребительство конечно, а мас-

штабы и последствия духовного кризиса огромны и разрушительны. Еще в 1854 г. немецкий экономист-психолог Г. Госсен установил закон конечного материального потребления: удовлетворение от материального потребления ограничено, поскольку, как только человек достигает определенной материальной цели, удовлетворение быстро проходит. Дальнейшее насыщение материальными благами приводит к снижению роста удовлетворения, и, в конце концов, к невосприятию. Г. Госсен сравнивает этот механизм снижения заинтересованности материальными вещами с постоянным потреблением ценной черной икры, которое может перейти в полное ее отторжение [6]. Такое осознание реальности способно дать человеку шанс сделать качественный выбор в пользу практик *культурного потребления*, основанием которых выступает познание, творческий труд по преодолению зависимости от материального мира. Это становится единственной реальной перспективой, стратегией выхода из затянувшегося кризиса. Поскольку лишь в таких отношениях, раскрывая и развивая свой духовный потенциал, открывая себя, человек учится преодолевать эгоистические мотивы, воспринимать потребности другого как свои собственные, открывать мир другого как уникальный и неповторимый, тем самым освобождаясь от зависимости.

Таким образом, культурно потребляя, личность стремится ориентировать свой потенциал не на себя и свои неисчисляемые желания, корыстные интересы, а на потребность, стремление поделиться своим талантом, частицей себя самого и сделать свою личность богаче, счастливее, целостнее. Поскольку лишь в процессе культурного потребления раскрывается потенциал любви как интеграционного механизма социальной и индивидуальной целостности, единения с миром, ближним, реализуется уникальность человеческой природы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродецкая, Ю. Ю. Превращение человека желающего: анализ механизмов деформации человеческого потенциала / Ю. Ю. Бродецкая // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. – 2014. – Т. 22. – Вип. 24 (2) Філософія. – С. 31–37.
2. Бродецька, Ю. Ю. Бажання як механізми деформації індивідуальної та соціальної цілісності: постановка проблеми / Ю. Ю. Бродецкая // Мультиверсум. Філософський альманах. – Вип. 8 (126). – Київ, 2013. – С. 221–233.
3. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М. : Культурная революция ; Республика, 2006. – 259 с.
4. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм. – М. : АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 539 с.
5. Фромм, Э. Искусство любить. Исследование природы любви / Э. Фромм. – М. : Педагогика, 1990. – 160 с.
6. Куценко, В. Культурно-філософські основи маркетингу: маркетинг з людським обличчям : монографія / В. Куценко. – Дніпропетровськ : Пороги, 2009. – 482 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.10.2014

Brodetskaya I.I. Cultural Consumption as the Perspective for Integrity Problem Solving

Consumption is the process of meeting basic human needs. This is a natural condition of individual development. Contacting with the surrounding reality person takes those aspects of it that help to open new borders of the human spiritual potential. While consuming a human being is involved in the process of understanding and symbolic transformation of reality around him, his place in it. He reveals his potential to learn to share it, to become a full-fledged particle of the world, an active participant. To become aware of the essence of the consumption process allows you to understand and accept the uniqueness of reality, the objective laws that work to preserve harmony, balance of the individual and social whole. There is no other way for the people to join the single whole.

УДК 008+130.2

О.В. Финслер

канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

**ГИПОТЕЗЫ И ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ МУЗЫКИ:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

В статье анализируются гипотезы и теории происхождения музыки. Музыкальное – это особое свойство человеческого сознания, выраженное в становлении звуковой формы и внутреннего движения души. В происхождении музыки (искусства) можно выделить две основные позиции: одна находит источник генезиса музыки-искусства в религии и исторической смене эпох, что связано с моральными ценностями – культурно-духовными проявлениями, другая – в интеллектуально-эстетической игре, способности сознания к фантазии. Однако если искусство творится человеческим сознанием, то корни проблемы происхождения музыки связаны как с исторической эволюцией человека, так и с эстетическим опытом восприятия музыки.

Введение

Искусство является одним из способов существования человека в мире и выступает как художественно-претворенный эстетический опыт на основе ценностного взаимодействия человека с универсумом. Как известно, вопрос о происхождении музыки, построенный не на мифологии, не на библейских взглядах, а на научных гипотезах, рассматривался в первой половине XX в. Еще С. Гинзбург обратил внимание на то, что первыми проблему возникновения музыки подняли не музыковеды, а социологи, естествоведы, филологи, этнографы, что говорит о всеобъемлющем значении проблемы музыки. Однако достаточно аргументированное и доказательное философско-антропологическое обоснование вопроса о происхождении музыки получает только в XX в. в трудах таких мыслителей, как С. Лангер, Б.В. Асафьев, А. Лосев, идеи которых были осмыслены в новом ключе на рубеже XX–XXI вв. В. Суханцевой, Г. Коломиец и др.

Гипотезы и теории происхождения музыки

Как писал О. Мессиян, слово «музыка» происходит от индоевропейского корня «мен», что означает движение духа. Основные производные этого корня находим в санскрите (*manuate* ‘он мыслит’), в греческом языке (*menos* ‘разум’, *mneme* ‘память’, *man-teia* ‘откровение’), в латыни (*musa* ‘вдохновение, творчество’, *monstram* ‘чудо’). Мессиян утверждает, что «музыка» может означать: 1) мышление и мыслящего человека, 2) откровение, вдохновение и чудо, т.е. сверхприродное, и 3) любовь. Из этого следует его концепция о том, что музыка есть искусство интеллектуальное, абстрактное, нематериальное (это говорит о большом значении мышления в музыке); искусство временное (это говорит о важности ритма в музыке), искусство сверхприродное (это объясняет религиозные практики и власть музыки над психикой) [1].

Изначально музыка для древних китайцев, индийцев, египтян и вавилонян была специфической материей, особого вида *звуковой энергией*, посланием из других миров, своеобразным проявлением скрытых сущностей. Поэтому *первая гипотеза* происхождения музыки предполагает, что сфера звука – музыки была универсальна, как и сфера религии, культуры [2]. Ученые древности и Средневековья использовали музыку для объяснения мироустройства человеческой души и Духа Божия. Музыка осознавалась как процесс звукотворчества и считалась подходящей для построения моделей, помогающих разобраться в духовных сферах. В этом ее ценностное взаимодействие человека с миром.

Вторую гіпотезу можна выразіць формулай: «Вначале было слово». Ёе прадставілі – Ж.Ж. Руссо, І.Г. Гердэр, Г. Спенсер. Эту точку зглянення актывна развіваў рускі мысліцель ХХ в. Б.В. Асафьев. Эта гіпотэза выводзіць музыку з акцэнтаў і інтонацый чалавеческай рэчы. Рэчывыя інтонацыі ўпослядствіі абстрагіраваліся ад слоў (благодзя рэфлексіі сазнаня) і переложыліся на музыкальныя інструменты. Так узнікла чыстая музыка. Данная гіпотэза нашла сваё падтвэрждзены ў інтонацыйнай тэорыі Б.В. Асафьева. Як лічыць Асафьев, паміма когнітыўнага аспекта (інфармацыйнага), ўнутранні мір чалавека доліжыць быць ценнасна-нагружэным, так як чалавек імае не проста прадставленія о міре, а он пережывае своё цэластнае бытые ў міре. Іменна ў музыке, по яго мненію, домінуючым аспектам выступае ценнасна-смысловай аспект чалавеческага бытыя. Далее Б.В. Асафьев абрацае к праблеме *языка*. І ў первую ачэрэдзь яго інтэресуе інтонацыйная прырода языка, рэчывая практыка (сахраняе субьектнасць), а не метаязык, ў котарым адсутствуе субьектнасць і сацыокультурны код (включает не толькы панятыіны аспект, но і інтонацыйны, выражаючы атношеніе гаворячага к тому, что он говорит). Паскольку *інтонацыя* непасрэдаствэнна выражае атношеніе, являеца важным срдствам камунікацыі, с помощью ёё кодоруецца ценнасна-смысловае сядержаніе ўнутраннага міра чалавека. Пэзтому інтонацыя являеца сацыокультурным кодам. Звучаніе, інтонацыя напалняеца значымасцью ў сілу выражэнія ценнастей і смысла. Отсюда інтонацыя прыобретае атносительную аўтаномнасць (важно «как говорят»; інтонацыя начынае асознавацца, становіаца самастольнаей едннцей).

В рамках разлнчных культур закрэпляеца адредэленнае паследавателньнасць інтонацый (мелодыі), форма іх арганізацыі, выражаючая міроощуеніе народа. Інтнацыя субьектна, она кодоруе міроощуеніе народа на ўрвнне абразов і арганічно входіа ў структуру ментальнасці, паскольку здесь еста кодоруючыя ценнасна-смысловае характарыстыкы. *Мелос* – форма выражэнія ценнаснага аспекта ментальнасці; *мелос* (мелодыя рэчы) – это історычэскае сложывшаяся, отобранная паследавателньнасць інтонацый ў культуре народа [3]. Отобранная паследавателньнасць інтонацый становіаца матрыцай будучей професіональнай музыкы (осознаюцца, осмыслюваюцца кампозіаорама (прымерно к XVI–XVII вв.). Мелос даеа възможнасць асознаня конструкцый музыкы, ёё форм [4]. Пэзтому музыка прадпалагае высокіі ўрвнне рэфлексіі. Б.В. Асафьев паміма логіко-панятыінага, рацыональнага фактараов рассатрнвае ценнасна-смысловай аспект феномена музыкы. Таким абразом, музыка не толькы пазваляе възсоздаа цэластнасць ўнутраннага міра чалавека, но і выступае як срдство выражэнія спецыфікы чалавеческага бытыя.

Однакы мы панамаем, что музыка не равна языку. Речь ізначальна адноголосна і не стреміаца к фіксацыі ўстоев і звуковысотных атношеній. С. Скрэбков лічыаа, что, еслы бы музыка прасходіла от эмоцыональна заостренной рэчывой інтонацыі, она бы сахраніла гліссандіруючую прыроду і ёй не нужны былі бы точно фіксуруемыя звуковысотные ступені і строй. Но, пддерываа тэорыю Б.В. Асафьева, абратім внаманіе і на народныя песенныя мотывы, котарыя как раз і сядержат ў себе много неточных, гліссандіруючых элементов. Важен был момент ізначальнага асознаня інтонацыйнага кампанента слова – его мелодыі, котарый ў паследуючэм получіл рацыональнае оформленіе ў вде нотной грамоты. Музыка не равна языку, но іменна інтонацыйная прырода рэчы, възможна, пазволаа ёй паявіцца. Отсюда данная гіпотэза вполне абоснованно претэндуе на роль тэорыі.

Третья гіпотэза прасходжэнія музыкы адредэляеца словама: «Вначале был ритм», точнее, рыамачэскае арганізаваннае двнженіе. Связь пляскы с пеніем как характэрнае музыкальнае явлєніе отмечалась давно. Музыковед Р. Валашек нашёл зачаткы музыкы ў песнях, сапровождавших военныя, охотничьи пляскы, възнікновєніе кото-

рых было вызвано необходимостью упорядочить коллективные действия. Поддержим данную гипотезу, обратившись к трудам М. Мерло-Понти и В. Подороги. Известно, что пространство с древних времен воспринималось человеком через его освоение. Первоначальные проявления звука очерчивали пространство и носили сакральный характер, выступая для защиты от злых сил. «Ограждение» звуковыми элементами (объединенными участниками обряда) являлось своеобразным способом противостояния хаосу неизвестности. Пространство воспринималось посредством эмоциональной составляющей, выраженной через движения тела. Мерло-Понти утверждал: «Обладать телом – значит срашиваться с определенной средой» [5, с. 117].

Последователь идей Мерло-Понти В. Подорога писал: «Чтобы быть миром, мир должен быть означен касаниями» [6, с. 55]. Пространственное измерение фольклора наиболее выражено в обряде и его особой форме – хороводе (хождение по кругу, замкнутой линии раскрывают проявления коммуникативного поведения, необходимого для жизни культуры). Этнолог Я. Чеснов считал, что выделению вещи в сознании предшествовало выделение вещи в пространстве осязаемом. В процессе познания человек расширяет содержание окружающих его предметов и явлений действительности. Человек навязывает миру мифологические смыслы и после этого ведёт диалог с «искусственно поименованным миром» (культурой), который искушает его на познание [7]. Выделение в окружающем мире значимых и незначимых элементов – начальный акт любого семиотического моделирования культуры. Для его осуществления необходимо «первичное» кодирование. На разных этапах культуры таким посредствующим кодом является ритуал. Так формируется мир предпонимания в его осязательной плотности, объёмности, звучности.

Примат движения позволяет понять тот первоначальный интерес, который характерен для всего живого: то, что движется, отчетливо выделяется на фоне. Игра кинестетических движений направлена на достижение цели или на преодоление сопротивления материала (при изготовлении вещи). Цель «дела» достигается в любом случае, но грациозное движение при этом доставляет больше радости, поскольку оно осуществляется ради него самого и преобразуется в «незаинтересованное удовольствие». Этим объясняется происхождение танца и орнамента. Они не связаны с целью; эта «игра» как бы выделилась в человеческой деятельности, став эстетическим опытом; в них человек наслаждается самим собой в бесцельном совершенстве своих движений. Таким образом, эстетический опыт отличается от других способов познания тем «местом», где совершается переход внутреннего опыта от движения, направленного целевым назначением, к движению, свободному от цели. Опыт свободной игры кинестетических движений и есть трансцендентальное основание возможности понимания «предметов» опыта как искусства. Итак, по Ландграбе, в генезисе искусства, стало быть, и музыки, *«Вначале была свободная игра телесных движений»*. Основание эстетического опыта видится в дорефлексивном начале с приматом движения, способностью к свободной игре, свободной от цели. Если музыка есть примат движения, а танец и орнамент есть музыка, то, следуя вышеизложенным взглядам, можно сказать, что корни музыки в дорефлексивном эстетическом опыте и имеют трансцендентальное основание [1].

Однако и теория ритмического происхождения музыки не решает основной проблемы. Она упирается в вопрос о специфическом отличии самой музыки: как люди дошли до мысли раздробить слитную линию непрерывного звукоряда на точные и определенные интервалы. Ритм бывает не только слуховой: существуют и самостоятельные мускульные ритмические ощущения. Если бы человечество было вечно глухим, оно могло создать искусство пляски, но не музыки. Тем не менее пластическое интонирование смогло подготовить человека к более сложным способам передачи ценностно нагруженной информации.

Сущность музыкального искусства

Музыка-искусство как мышление звуками эволюционировало на определенных стадиях развития человечества. Как считает Ю. Холопов, у музыки «вначале был ритм», но мышление звуками не было еще музыкой в нашем смысле. Ключ к разгадке происхождения «музыкального мышления» К. Штумпф находит именно в способности человеческого сознания перемещать звуковысотные мотивы, варьировать. Согласно Э. Кассиреру, способность создавать символические образы, а не разум делает человека человеком, и искусство является высшей ступенью символизма, где символ есть идеальный объект, выполняющий связующую, соединяющую роль человека с миром [8]. Мы убеждаемся, что исток музыки сверхприродный и сверхчеловеческий. Однако вопрос заключается в том, как развивалось музыкальное мышление.

Обратимся к историческому подходу. *Историческое происхождение музыки* было принципиально важным в исследовании С. Скребкова в связи с категорией «ладовой звуковысотной устойчивости», которая лежит в основе специфики музыкального языка. Ученый указал на наличие универсальных законов музыкального мышления, которые обуславливают обновление принципов конкретных исторических стилей в их поступательном развитии. Отметим, что стиль, по Скребкову, – это высший вид художественного единства, а музыкальные стили – ступени в историческом развитии музыкального искусства. Исторический подход, которому следует Скребков, утверждает, что художественная природа музыки предполагает закономерное эволюционное развитие, обусловленное историческим развитием жизненного назначения музыкального искусства [9].

Развитие можно представить как двухсторонний процесс: по спирали «сверху» вглубь и из глубины истории человечества к всё большему разнообразию музыки, восхождение по ступеням эволюции, ускорение временное и углубление в микроструктуры. Если исторический подход теории музыкальных стилей С.С. Скребкова совместить с теоретическим исследованием Ю.Н. Холопова и философским А.Ф. Лосева, то получается одна и та же картина: скачкообразное изменение на поворотных моментах эволюции, ведущее к усложнению музыкальных стилей. Вопрос заключается в том, чем обусловлена всеобщая музыкальная логика. У Лосева, Холопова это субстанция, у Скребкова – историческое развитие, связанное с жизненным назначением музыки [10].

Музыкальное, как и эстетическое, изначально было присуще человеческому сознанию. Человеку дана способность не просто слышать, а слышать гармонически звуковысотно, улавливать гармонию звуко-время-пространства и использовать эту способность в художественных целях как жизненно важную. Значит, музыка была и есть жизненно необходимой деятельностью. Организованные звуковысотные звуки (и даже неорганизованные), тоны отличаются от любого случайного звука, стука, грохота тем, что они содержат информацию – специфически-звуковую, т.е. музыкальную, на которую музыкально настроенное «ухо» обязательно реагирует, а мышление вызывает в памяти связи, ассоциации – идет поиск смысла. Музыкальные звуковысотные отношения вступают в контакт с человеческим сознанием, готовым интеллектуально реагировать, оценивать, «узнавать» и принимать либо не воспринимать как нечто ценное. Итак, мы убеждаемся, что у человека есть «готовность» воспринимать музыкальную информацию, есть область специфического музыкального сознания. Это базовое условие, без которого невозможно историческое развитие музыкального искусства, музыкальных стилей.

Если *сущность музыкального искусства эстетическая*, то источник проблемы происхождения музыки, очевидно, надо искать в эстетическом опыте. Здесь нам помогут исследования Л. Ландгребе и С. Лангер. По мнению С. Лангер, музыка уходит своими корнями в далекое прошлое, но изначально она искусством не была. Музыка в собственном смысле, по словам Лангер, музыкой становится тогда, когда она приобретает художественное значение, символ. Если Гумбольдт и считал, что «человек – это пою-

щее существо», то это не значит, что музыка возникает с песней. Напевы, заклинания, говорение нараспев, подпевание во время танца было, возможно, задолго до того, как человек узнал, что формы музыки прекрасны сами по себе и ими можно заниматься без какого-либо предназначения. «Ритмы монотонной работы, танцевальные такты, хорошие речи – это те факторы, которые сформировали музыку из естественных для человека звуков, которые он произносит во время работы, в праздничном возбуждении или подражая природным звукам: кукованию кукушки, крику совы, стуку копыт, бою барабана или ударам молота» [11, с. 78]. Все эти звуки, по Лангер, суть «музыкальные модели», зарождающиеся «темы», которые могут быть претворены художественным воображением, сознанием в «тональные идеи», преобразованы в характерные мотивы. Интервалы, ритмы, мелодии, все актуальные составные части песни не даются в готовом виде, а лишь инспирируются звуками, услышанными в природе. Слуховые переживания обладают музыкальными качествами, которые допускают возможные варианты развития, привнесения эмоциональной ценности.

Звуки обладают ассоциативной ценностью, они фиксируются нашим разумом и, облекаясь в музыкальное качество, входят в искусство. Лангер указывает на смешивание происхождения объекта с его значением; она рассматривает музыку в её художественном значении, поэтому для неё важен не исток музыки, а происхождение художественного значения музыки. Лангер полагает, что не следует сводить музыку к её истокам, облагораживать примитивные эмоционально воспринимаемые звуки, которые являются музыкальными средствами, но их бессознательное использование вовсе не музыка. Она высказывает, на первый взгляд, парадоксальную мысль: «У музыки очень мало природных образцов. Пение птиц, крики, свист и звон металла – все это весьма ограниченный набор; даже интонации человеческого голоса, будь то чисто эмоциональные (как у нас) или семантические (как в китайских речевых тональностях), неопределенны, неуловимы и трудны для того, чтобы их можно было удерживать в памяти как точные формы» [11, с. 89]. В природе нет музыкальных конфигураций, которые могли бы предложить организованные тональные структуры, резюмирует Лангер. Происхождение музыки, по её мнению, связано с художественным значением; она воспринимает музыку как «значимую форму», свободную от всего, что она изображает, видит в ней открытые смыслы и находит это идеальное состояние музыки её ценным качеством.

Л. Ландгребе отмечает, что в последние десятилетия немецкие философы не случайно обратились к теме искусства. Пробудившийся интерес к искусству он называет всемирно-историческим феноменом и указывает на причины, среди которых современные коммуникативные возможности, обеспечивающие знакомство с древнейшим искусством стран и народов мира. Другое – это открытие «неких глубинных слоев сознания, о существовании которых до недавнего времени мы совершенно не подозревали. Как раз их наличие указывает на существование того, что можно считать общим для всех людей и в чем мы почти единодушно готовы видеть искусство» [1, с. 124]. Известно, что искусство существовало задолго до того, как появилось сложно дифференцированное общество. Оно есть уже в орнаментах неолита. Современная философская мысль обращается к вопросу об основании всеобщего интереса к искусству. Почему всегда и во всех культурах у людей была востребованность искусства, причем необязательно в связи с обрядом, ритуалом, а без практической цели, предположительно при отсутствии религиозных или магических мотивов.

Если допустить, что первые феномены искусства в человеческой истории, рассуждает Ландгребе, действительно связаны с украшением и орнаментом, то это означает, что люди в своем обращении с вещами обихода открыли в себе способность к свободной игре, что и позволило им заниматься оформлением вещей, которое выходило за пределы сугубо целесообразного. Таким образом, между искусством и игрой с самого

начала существовала элементарная связь. Значит, есть возможность допущения эстетического как заданного способа существования, субстанции, в генезисе связанного со свободной игрой.

Заключение

Музыка как искусство возникла в человеческой деятельности, тесно связанной с эстетическим сознанием человека. Надо полагать, что музыкальное сознание не сводится к слуху и составляет область человеческого сознания. Что же есть сознание человека? Этот вопрос сегодня остаётся открытым для самого человека. Следовательно, и музыкальное сознание, и музыкальное искусство, его возникновение остаются пока неразрешимыми, как и проблема феномена человека. Способность к музыкальному воспроизведению – это человеческая способность в антропогенезе, свойство, данное человеческому сознанию.

Итак, музыка – это удовольствие или работа души? В эстетическом, или религиозном, или этическом искать истоки музыки-искусства? Допустим, в начале человеческой эволюции складывались верования и запреты (табу), а затем как «сублимация» – искусство-творчество или творчество, которое освободилось от обряда, ритуала, где раскрылись музыка, ритмы, шествия и т.д. Но, возможно, одновременно в сознании были заложены эти параметры (эстетического – этического – религиозного) сразу как основания, духовно формирующие человеческую сущность. Музыкальное – это особое свойство человеческого сознания, выраженное в становлении звуковой формы и внутреннего движения души.

В проблеме происхождения музыки есть и антропологические, и аксиологические корни: 1) религиозного, мифологического мировоззрения; 2) игрового и эстетического; 3) социологического, коммуникативного, специфически языкового средства общения (интонационного звуко-смысла, интеллектуальных свойств человека). Наряду с мировоззренческой, религиозной и мифотворческой ценностями в тесной связи состоит созидание другого положительного – ориентации на Добро и Прекрасное. В музыке есть «ген» мироощущения человека. Очевидно, не разделённые в сознании древнего человека эти высшие ценности выступали как единое Благо. Поэтому сущность музыки корнями уходит в религиозное, этическое, эстетическое [1].

Основу музыкального сознания составляет специфическое эстетическое «слышание», удовольствие от «узнавания» чего-то, от особого слышания звукового ощущения, наконец, «игра звуками, звуковым воображением, изобретенными звуко-ритмическими комбинациями. Если не связывать с речью «искусство интонируемого смысла», а понимать интонируемый смысл как выражение музыкального сознания субстанционально, тогда, действительно, музыка несет в себе интонируемый Смысл ценностно-мировоззренческих интенций человека и культуры. Особое музыкальное слышание – это именно ценностное взаимодействие внешнего с внутренним.

В происхождении музыки как искусства можно усмотреть два подхода: один находит источник генезиса музыки-искусства в религии и магии, что связано с моральными ценностями – культурно-духовными проявлениями, другой – в интеллектуальной игре, способности сознания к фантазии. Поэтому вопрос происхождения музыки столь же проблематичен, как и вопрос происхождения человека. Если музыка как вид искусства творится человеческим сознанием, осуществляющим своё бытие в исторических эпохах, то корни проблемы происхождения музыки-искусства связаны с эволюцией человеческого рода, там же и эстетический опыт восприятия музыки. Музыкальное необходимо для существования человека не только как духовная или физиологическая и психологическая «пища» в песнях, танцах, хороводах, но и как нечто интуитивно и интеллектуально важное во взаимодействии человека с миром. С эстетико-аксиологической

позиции представляется, что проблема происхождения музыки уходит своими корнями в проблему поиска смысла человеческого бытия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коломиец, Г. Г. Ценность музыки: философский аспект / Г. Г. Коломиец. – М. : Книжный дом, 2009. – 532 с.
2. Суханцева, В. К. Музыка как мир человека. От идеи вселенной – к философии музыки / В. К. Суханцева. – Киев : Факт, 2000. – 176 с.
3. Финслер, О. В. Философско-антропологические основания интонационного учения Б. В. Асафьева : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / О. В. Финслер. – Гродно, 2008. – 117 с.
4. Асафьев, Б. В. Речевая интонация / Б. В. Асафьев. – Л. : Музыка, 1965. – 134 с.
5. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти ; под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб. : Ювента Наука, 1999. – 597 с.
6. Подорога, В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию / В. Подорога. – М. : Ad Marginem, 1995. – 100 с.
7. Чеснов, Я. В. Лекции по исторической этнологии : учеб. пособие / Я. В. Чеснов. – М. : Гардарики, 1998. – 400 с.
8. Кассирер, Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. – М. ; СПб. : Университет. книга, 2001. – Т. 1. Язык. – 270 с.
9. Виппер, Б. Р. Введение в историческое изучение искусства / Б. Р. Виппер. – М. : Изд-во В. Шевчук, 2010. – 368 с.
10. Холопов, Ю. Н. О формах постижения музыкального бытия / Ю. Н. Холопов // Вопр. философии. – 1993. – № 4. – С. 106–114.
11. Лангер, С. Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства / С. Лангер. – М. : Республика, 2000. – 287 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.02.2015

Finsler O.V. Hypotheses and Theories of the Origin of Music: Philosophical and Anthropological Analysis

This article examines the hypotheses and theories of the origin of music. Music – is a special property of the human consciousness, expressed in the shaping of the sound form and inner motion of a human soul. Two major directions can be distinguished in the origin of music (art): first one finds the source of genesis of music, art and religion in the historical change of eras, which is associated with moral values – cultural and spiritual manifestations. The second direction finds the source in intellectual and aesthetic game, in the ability of consciousness to fantasize. However, if art is created by human consciousness, the roots of the problem of the music origin are linked to the historical evolution of man as well as the aesthetic experience of music perception.

УДК 27-526.6+165.023.1

О.Н. Иванчина*канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***СЕМАНТИКА СОВРЕМЕННОГО МУЛЬТФИЛЬМА**

Мультипликационный фильм рассматривается в статье как произведение искусства, анализируется семантика мировоззрений, объективированных в художественных образах современных мультфильмов. Мультфильм представляет собой особое видение мира, специфическую картину мира, философские взгляды, мироощущение, систему ценностей человека, которые транслируются от поколения взрослых (авторы) к поколению детей (адресаты). Автор раскрывает взаимосвязь принципов художественной изобразительности в мультипликации и их осмысление в психологии, философии, искусстве.

Введение

Любое произведение искусства предполагает выражение внутреннего мира человека (его смысло-жизненных поисков, надежд, поведенческих интенций и т.д.) в мире художественной реальности. Семантика современного мультфильма является репрезентацией всех процессов, проходящих в духовной культуре современной эпохи. Индустрия видео – один из самых прибыльных бизнес-проектов, приносящих в мир человека новые смыслы, новые ценности, новое видение реальности. Современная визуальная культура – это не только окно в мир человека, но и важнейший фактор социализации и инкультурации. Многие исследователи отмечали, что произведение искусства в различные эпохи приобретают свои оттенки интерпретации: то, что является важным для одного времени, перестаёт быть таковым в другой период [1, с. 105]. Известно, что человек в разные времена мыслит иначе. Особенно быстро меняется мышление человека в информационном обществе, где книга уже не является монополистом в области трансляции информации. В настоящее время вербальная книжная культура, книжное пространство при всём их богатстве выступают лишь одним из средств передачи информации. Кинематограф и экранная (визуальная) культура прочно заняли лидирующие позиции в информационно-ценностной среде современного человека. Кино и мультфильм являются важнейшими средствами идеологического воздействия на зрителя.

Проблеме интерпретации языка искусства и культуры посвящены многие работы [2], часть из них стала уже классикой в философской семиотике и герменевтике (Х.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер, У. Эко, Ю. Лотман) [3–7]. Семиотика культуры и знаковость различных систем коммуникации в настоящее время выступают предметом междисциплинарных исследований. Так, например, в России были защищены кандидатские и докторские диссертации по следующим темам: «Семиотические аспекты телевизионной коммуникации» [8], «Режиссура мультимедиа (генезис, специфика, эстетические принципы)» [9], «Художественное пространство и время в историческом кино» [10], «Семиотика медийного текста в культурно-философском измерении» [11], «Влияние медиакommunikаций на трансформацию публичной сферы в современной культуре» [12]. В этих работах эксплицируются как философско-семиотические, так и искусствоведческие, социологические и эстетические аспекты семантики современной визуальной медийной культуры. Целью данной статьи является семантический анализ лучших произведений мультипликации, несущих позитивную смысловую нагрузку, являющихся развивающими гносеологически и нравственно как для детей, так и для взрослых. Задачами исследования стали классификация и типологизация семантики мультфильмов, вербализация имплицитных смыслов и ценностей художественных образов мультфильмов. Рассматриваемые мультфильмы часто являются, на наш взгляд, подлинными произведениями искусства со своей философией и особым языком.

Структурализм и постмодернизм привнесли в современную культуру возможность рассмотрения любого феномена в качестве текста. Благодаря этому любой мультфильм можно рассматривать как текст и знаковое образование, апплицируя на него различные аспекты семиотического анализа и применяя общую теорию знаковости. Любое произведение искусства (даже относящееся к поп-культуре, к массовому искусству) можно интерпретировать и на обыденно-практическом, и на философско-семантическом уровнях. Первый уровень является постигаемым и воспринимаемым любым зрителем в зависимости от гносеологического тезауруса (общего багажа знаний и опыта). Второй уровень – это постижение теоретическим осмыслением, вербализацией иррационального восприятия (смутных чувств, бессознательных ассоциаций, аллюзий и др.). Философско-семантический анализ позволяет выявить чёткую систему ценностных координат, заложенных в основе мультфильма: семантику, синтактику и прагматику текстового сообщения.

Технология создания мультфильма близка к живописи. Живопись явилась основой мультфильма, когда изображения с небольшими изменениями многократно дублируются. Изображение в сочетании с иллюзией движения дополнилось важнейшим фактором – временной протяжённостью. Обогащение рисунка движением, словом, интонацией, жестом, мимикой, музыкой, т.е. жизнью, превратило мультфильм в совершенно новый вид искусства.

В контексте теории художественной коммуникации мультфильм можно рассматривать как текстовое сообщение, основными функциями которого являются достижение зрителем релаксации, снятия напряженности. Однако среди важнейших функций нельзя не упомянуть и гносеологическую. Мультфильм, как и любое художественное сообщение, всегда несёт на себе отпечаток личности автора/авторов, его/их индивидуальности, своеобразия мировоззрения, ценностей духовного порядка [13, с. 50–51]. Как текст культуры мультфильм – это возможность реконструировать мысли, чувства, идеалы, мировоззрение, идеологию, менталитет, самосознание конкретной эпохи – времени своего создания [14, с. 281]. История мультфильма позволяет проследить изменение мировосприятия человека, его интересов, мотивов, целей, актуальных переживаний.

В настоящее время можно выделить ряд тенденций в современной мультипликации, отражающих главные векторы её развития.

Дубликация кинематографа. Сценарии как художественных фильмов, так и мультипликационных нередко переплетаются. Часто «взрослые» герои становятся важнейшими персонажами детских мультипликационных фильмов («Человек-паук», «Матрица», «Мстители», «Звёздные войны»), где сценарии практически идентичны. Создаются своего рода параллельные художественные миры (кино/мультфильм) с одинаковым сюжетом; язык кино переводится на язык мультфильма. В настоящее время дети видят взрослую жизнь с экрана раньше, чем было несколько поколений до них. Визуальная культура помимо рационально воспринимаемой информации обязательно «добавляет» непонятно-иррациональный, эмоционально-чувственный компонент, что имеет большое значение в процессе психо-эмоциональной акселерации.

Анимализация. Создано множество мультфильмов, где на животное сообщество (а также сообщества птиц, рыб) апплицируются все аспекты жизни человеческого социума. Такая форма выражения смыслов не является новой, и, тем не менее, она существенно актуализирована и модернизирована. Появилось множество интересных сюжетов, в различных вариациях представляющих мир человека и его проблемы, выраженные с точки зрения животного мира. Экстраполяция человеческого общества на мир животных, птиц, рыб отражает проблемы взаимоотношений отцов и детей («В поисках Немо», «Мадагаскар-2», «Рапунцель»), самореализации («Кот в сапогах», «Шевели лапками»), свободы и рабства («Легенды ночных стражей», «Спирит») и др. Феномен анимализации современного мультфильма предполагает осмысление героями-животными таких аспектов человеческого бытия, как вечность, справедливость, возда-

яние, закон, истина, нравственность, власть, насилие, верность и предательство, честь и подлость.

В мультфильме «Мадагаскар», где главными героями являются четверо друзей (лев Алекс, бегемотиха Глория, жираф Мэлман Манкевич и зебра Марти), прочитываются 4 типа темперамента людей. Все главные герои очень по-разному реагируют на одну и ту же ситуацию: оптимистичный холерик Марти во всём видит позитив; сангвиник лев Алекс ужасно боится перемен; меланхолик Мэлман всегда готов погрузиться и фаталистично покориться обстоятельствам; Глория флегматично воспринимает любую ситуацию. Но синергетическое единство четырёх друзей «уравновешивает» их и позволяет выжить в любой ситуации. Мультфильм гениально репрезентирует возможность мирного сосуществования любых биологических видов, в том числе хищников и травоядных, что учит ребёнка гармонии в отношениях и с природой, и с представителями других культур, иного мировоззрения. Женское кокетство (мамонтиха – опоссум в «Ледниковый период – 2»), мужская чванливость (бегемот в «Мадагаскар-2», король Джулиан в «Мадагаскар») – все эти реальные качества людей репрезентируют животные, вызывая смех зрителя.

Экологизм как гармония человека и природы рассматривается во многих мультфильмах («Маугли», «Тарзан», «Лесная братва», «Братва из джунглей»). Животные призывают человека к гармонии в отношениях. Мультфильм предоставляет животным право голоса, и они говорят: «Люди! Остановите наступление своей цивилизации на наш дом!». Именно на человека надеются животные из мультфильма «Мадагаскар»: «Нужно найти людей, и они решат все наши проблемы!».

Цитатность. Сотканность из цитат – это проявление структурализма и постмодернизма, согласно которым каждый текст есть текст всех до этого существовавших текстов; каждый текст своими корнями, аллюзиями, ссылками, цитатами связан с общим ментальным контекстом всей эпохи. Гипертекстуальность (текст в тексте) имеет широкое применение в кинематографе (особенно это проявляется в ремейках, когда новый фильм снят на основе одной сценарной линии старого фильма, но с другими актёрами, новыми ситуациями, новыми словами). В мультфильмах это «Маугли» (старый текст) и «Тарзан», «Книга джунглей» (новые тексты)); в мультфильмах «Кот в сапогах», «Правдивая история Красной шапки», «Золушка» сценарии отличаются от текста сказок Ш. Перро, по мотивам которых эти анимационные фильмы сняты.

Мультфильмы создаются не только для детской аудитории, но и для взрослых. Точнее, в «детском» мультфильме нередко содержатся «взрослые» уровни прочтения, не всегда понятные детскому сознанию. Так, мультфильм «Иван-царевич и Серый Волк» соткан из цитат советских художественных фильмов и фразеологизмов советской эпохи. Волк «говорит» грубым мужским голосом, который бывает у взрослых курящих мужчин. Всё это сразу создаёт впечатление, что мультфильм адресован взрослым, а не детям, так как восприятие у «рождённых в СССР» будет принципиально иным, нежели у «рождённых в эпоху Интернета».

Новое прочтение старых текстов. Как и взрослый кинематограф, детская мультипликация предлагает новые сюжеты старых, хорошо известных сказок. Так, «Кот в сапогах» представляет собой принципиально новую сюжетную линию, более интересную и насыщенную, чем классический текст Ш. Перро. «Правдивая история Красной Шапки» и «Правдивая история Красной Шапки – 2» – это также совершенно новые сюжеты со старыми и новыми героями. Но коварный Волк может оказаться всего лишь обычным порядочным детективом, а самым злобным оказывается... Кролик! Происходит постмодернистское переверачивание, трансформация ролей, где Ганс и Гретель из «Пряничного домика» уже не жертвы злой колдуньи, а самые настоящие преступники! «Новые приключения Золушки», «Красавица и чудовище» (по мотивам «Аленького цветочка») и другие мультфильмы – это особые новые сказки на основе старых текстов.

Компильтивность (эклетицизм, мозаичность). В одном мультфильме синтезируются сюжеты и герои из большого количества сказок, порождая в сознании представление о единстве «сказочного мира», «сказочной виртуальной реальности». Такое нагромождение сюжетных линий являет собой постмодернистское видение мира (классический пример – «Правдивая история Красной Шапки – 2»).

Успехология. Мотивацией к действию, к завершению начатого дела, к формированию лидерской позиции, волей к победе пронизаны современные американские мультфильмы. Высокое качество жизни, конкуренция на рынке труда, свободные рыночные отношения сформированы в США не только на основе демократии, но и на основе успехологии. Жизненное кредо «Никогда не сдавайся» проявляется в целом ряде мультфильмов («Приключения Тин-Тина», «Ранго», «Спирит», «Делай ноги» и др.). Мультфильм призывает найти выход в любой ситуации, даже самой трагической, что учит зрителя быть психологически сильным и настойчивым, преодолевать все препятствия на пути к цели. «Притворяйся и станешь!» – один из базовых принципов современной успехологии – воплощён в мультфильме «Ранго», где главный герой импровизирует, играет в смельчака-героя, будучи на самом деле трусом, никем и ничем. Но в итоге раздавленный и униженный Гремучкой-Джейком перед всеми жителями городка Ранго переживает обретение своего подлинного «Я» и созидает в себе самого героя и лидера. Он получает признание, уважение и любовь. Так позитивно заканчивается фильм, начинавшийся с показа ощущения бессмысленности существования, а затем жизни в обществе без перспектив своего развития (тоталитаризм). Одиночество Ранго, лишённое смысла, сменяется включённостью в общество нового типа (но для этого надо приложить усилия и превозмочь страх), где всем есть достойное место под солнцем (демократия). Мультфильм гениально репрезентирует «американскую мечту».

Жизнь всегда ставит перед человеком проблемы. И современный мультфильм показывает не только то, к чему главные герои стремятся, но и как они решают задачи и преодолевают препоны на своём пути. Рапунцель от страха берёт в руки сковороду и применяет её не по прямому назначению («Сковородка – оружие свободы!»). Тимон и Пумба часто создают проблемы себе сами, чтобы не было скучно. Но неизменным их девизом является: «Никаких проблем!» («Новые приключения Тимона и Пумбы»).

Интеллектуализм. Современные мультфильмы предлагают новый образовательный уровень, новые термины, новый категориальный аппарат. Такие слова, как «парадигма», «матрица», «амиго», – это язык мультфильма «Ранго». Многие фразы из мультфильмов становятся речевыми клише, входят в активный лексикон современных детей: «Сковородка – оружие свободы!» («Рапунцель»), «Я – Скорость!» («Тачки»), «Кто владеет водой, тот управляет миром!» («Ранго»).

Философичность. Это поиск смысла жизни, ответов на вопросы «Кто я?», «Что я должен делать?» («Ранго», «Девятый»), определение приоритета среди различных ценностей и собственных желаний: получить победу ради удовлетворения тщеславия или помочь ближнему? («Тачки», «Тачки-2»). Экзистенциальный выбор героев (я или другие?) репрезентирует ценность гармонии в отношениях, которые оказываются важнее личностных достижений и побед. Что выбрать: жить как родители или найти свой путь в жизни, реализовать свою собственную мечту? Нужно ли вообще иметь мечту? Мир злой или добрый? («Рапунцель»). Быть таким как все, жить так как все или нет? Отвечая на эти вопросы, герои решают дилеммы свободы и необходимости, проблемы вечного конфликта поколений, где сталкиваются консерватизм и новаторство.

Психологизм. Мультфильмы, как и сказки, обязательно репрезентируют добро и зло, особым образом их интерпретируя. Нередко главный герой должен сделать экзистенциальный выбор: следовать своим эгоистическим интересам или быть полезным другим («Лесная братва», «Тачки»). Мультфильм отражает нравственную борьбу, происходящую в мыслях, сознании героя. Идея верности и предательства, самопожертво-

вания ради других, преодоления себя и своих слабостей, проживание различных чувств и у людей, и у животных есть в таких произведениях, как «Легенды ночных стражей», «Храбрая сердцем», «Рапунцель» и др. Верность и предательство, когда враг может оказаться другом, а друг врагом, показывает сложность отношений в человеческом обществе. Трагизм человеческого существования в основном проявляется только в японских мультфильмах («Ходячий замок», «Могила светлячков» и др.), где положительное завершение истории вовсе не обязательный канон окончания сказки. Этим японский мультфильм принципиально отличается и от европейского, и от американского, которые значительно оптимистичней.

Смещение, «переворачивание» смыслов. «Добрый – злой» (добрая матушка оказывается колдуньей, похитившей чужого ребёнка ради своих корыстных целей; разбойники-грабители помогают принцессе только потому, что у неё есть мечта; вор, мечтающий только о деньгах, но осознаёт, что есть что-то гораздо более важное, чем деньги и становится принцем («Рапунцель»)); «умный – глупый» (Змей Горыныч только притворяется грозным и злым, он добряк и простак, проигравшийся коварному купцу Колывану; князь, который должен быть мудрым в управлении страной, принимает решения то «за», то «против»). *Смена социальных ролей и статусов* (Добрыня сильный и грозный на войне, а дома мягкий и покладистый и его нередко бранит жена) придают мультфильму особый психологизм, делают его особенно интересным.

Футурологизм. Стремление предвидеть будущее учит планированию своей жизни, её конструированию на основе личной мечты. Мультфильм показывает, что пространство бытия ограничено в первую очередь убеждениями и мыслями самого человека, а не «объективными реалиями». Можно пустить всё на самотёк, плыть по течению, а можно всего лишь несколькими словами изменить всё! («Ледниковый период – 2», «Мадагаскар», «Мадагаскар-2»). Можно идти вслед за мечтой («Шевели лапами», «Рапунцель», «Принцесса-Лягушка»), а можно проскучать на одном месте всю свою серую жизнь, ничего не предпринимая. И этот выбор зритель не только совершает вместе с главным героем в пространстве мультфильма, но и экстраполирует на самого себя, на свою жизненную реальность, конструируя свой проект личностного существования и самореализации.

Фатализм и реализм сочетаются в мультфильме самым причудливым образом. «Мы будем жить! Мы все умрём!» – эти фразы звучат с интервалом в несколько секунд в мультфильме «Ледниковый период». Опасные и экстремальные ситуации, из которых главные действующие лица выходят настоящими героями, жертвующими собой, рискующими жизнью ради спасения другого, учат преодолевать страх перед болью и смертью, преодолевать свои слабости. Созерцание такого опыта преодоления себя полезно для становления личности в любом возрасте.

Религиозность и мифологизм. Вера в богов, в заранее запрограммированную судьбу проявляется во многих мультфильмах. Еженедельный ритуал встречи жителей городка с мэром обыгран как религиозный ритуал, а похороны животных – как у людей, с прощальным словом «Аминь» («Ранго»). Здравый смысл и предрассудки (Мамонтиха идентифицирует себя с опоссумами только потому, что выросла в их среде) могут непредвиденно переплетаться. Мнительный жираф Мэлман Манкевич («Мадагаскар-2») уверен в том, что болен неизлечимой болезнью только потому, что ему об этом сказали другие (суггестия, внушение). Всё его поведение становится экзистенциально решительным, как на краю гибели. Он решается признаться в любви, он готов пожертвовать своей жизнью для спасения «общества». В свою очередь, японские мультфильмы представляют собой мир обитания огромного множества демонических существ («Ходячий замок», «Принцесса Мононоке», «Унесённые призраками» и др.), которые имеют свои первообразы в мифологии и религиях древней Японии.

Национальная окраска. Семиотика японских мультфильмов часто репрезентирует фатализм, мрачное восприятие жизни, трагизм человеческого существования, пантеизм, одухотворение природы. Страшные демонические персонажи демонстрируют человеку хрупкость и незащищенность его личного существования и одновременно возможность «договориться» с миром духов, найти способы гармоничного взаимодействия. Существующие в настоящее время молодёжные клубы анимэ (анимэшников), т.е. любителей японского мультфильма, создают особую субкультурную среду общения.

Современные *российские мультфильмы* заменили советскую анимацию, основной семантикой которых был девиз «Никаких проблем, всё хорошо!». Главнейшими героями современных российских работ по-прежнему являются традиционные персонажи русских народных сказок (Баба-Яга, Змей-Горыныч, Серый Волк, былинные богатыри). Мультфильмы сняты в очень чётком цветовом решении, насыщенными, но не бьющими в глаза красками, и поэтому доступны для быстрого восприятия. Сюжеты популярных мультфильмов основаны на русских сказках и восточнославянской истории («Добрыня Никитич», «Шамаханская царица», «Три богатыря на дальних берегах» и др.).

Российские мультфильмы «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Алёша Попович», «Князь Владимир» не только переносят зрителя в мир древних летописей и реальных исторических событий, но и показывают элементы общей ментальной среды русского народа (герою – почёт и уважение, но не власть и деньги; отсутствие героям-богатырям доступа к мудрому руководству страной; иногда физически сильный герой оказывается глупым, попадает впросак). Эти мультфильмы насыщены русскими мифологемами («Не свисти: денег не будет!», «Дуракам везёт!» (именно они получают любовь и счастье)), крылатыми выражения и афоризмами.

Индийский мультфильм сохраняет ту же специфику, что и кинематограф: любовь, пение и музыка являются его важнейшими семантическими составляющими («Ромео с обочины», «Братва из джунглей»).

Создатели *американских мультфильмов* очень хорошо чувствуют время, точнее то, что в настоящий момент будет востребовано зрителем «на ура». И в этом, безусловно, кроется секрет огромной популярности всё новых и новых сюжетов. Никакой другой национальный мультфильм не может сочетать такого множества принципиально новых и оригинальных сюжетов, блестящего озвучивания и коммерческого успеха («Рататуй», «Мегамоzg», «История игрушек», «Шрэк», «Кот в сапогах» и др.).

Французские мультфильмы, как и национальный кинематограф, по-прежнему сохраняют свой колорит и особую эстетику («Монстр в Париже»). В них мало насилия, но много психологизма, чувств, слов. Французский язык как язык чувств, прекрасные саундтреки в исполнении Ванессы Паради репрезентируют особую национальную ментальность, где главное – мир чувств, переживаний, волнений и надежд. Центральная сюжетная линия – любовная, а на её фоне протекают все остальные события. Национальное видение истории галлов представлено в работе «Астерикс и Обеликс», интересен сюжет мультфильма «Артур и минипуты». Эти ленты составляют весьма успешную конкуренцию анимационной продукции из США.

Виртуализация пространства. Не только в художественных, но и мультипликационных фильмах активно осмысливается возможность существования других миров, иных реальностей. Возможность войны людей и машин, начатая в фильмах «Терминатор», «Матрица», «Звёздный крейсер “Галактика”», «Трансформеры», нашла своё продолжение в мультипликации («Девятый», «Трансформеры», многие японские анимэ). «Девятый», например, требует внимательного философского прочтения: на девяти уровнях закодирован ответ на вопросы: «Кто я? Что я должен делать?».

Глобализация как унификация информационного пространства. Трансляция идей американской культуры и идеологии, передача определённой системы ценностей – всё это процесс становления общедоступного канала коммуникации – языка мульт-

фильма. Использование этого канала для распространения мировоззренческих ценностей происходит в настоящее время в планетарном масштабе. Если в отношении художественных или документальных фильмов на национальном уровне могут создаваться определённые защитные барьеры, то мультипликационная продукция, адресованная, прежде всего, детской аудитории, идёт в прокат без идеологических фильтров-ограничений. И, в конечном итоге, оказывает влияние не только на детей, но и на взрослых. Так, в мультфильме «Тачки» использована идеологема «американской мечты». Главный герой олицетворяет выходца из низов, реализовавшего свой потенциал и амбиции в рамках той системы, которой он живёт (в данном случае – США). Никому не известная машина, на которую никто не делал ставок, побеждает благодаря постановке чёткой цели, упорству, позитивному психологическому настрою: «Я Скорость, я Молния!». Но не это самое главное: герой лично развивается и из эгоистичной и самодовольной «тачки» Молния Маккуин превращается в настоящего друга, на которого могут положиться все обитатели городка Радиатор-Спрингс, расположенного на трассе 66. Реальная история трассы 66, почти заброшенной из-за построенной новой дороги, стала для сценаристов основой для показа менталитета, духовных поисков и идеалов американцев.

Осмысление власти и свободы личности. Многие современные мультфильмы копируют социальную реальность, воспроизводя, таким образом, феномен авторитаризма/тоталитаризма, сочетающийся с религиозной идеологией и практикой. Свобода и необходимость реализуются в «Ледниковом периоде», где для спасения «общества» стадо готово принести в жертву одного из своих ленивцев; в «Мадагаскаре-2», где из-за политических интриг власть в прайде переходит от одного льва к другому и где спасение всех от засухи – это добровольное принесение себя в жертву богу клокочущего вулкана. «Цель оправдывает средства!». Этот лозунг Н. Макиавелли показывает зрителю, как могут захватить и удерживать власть субъекты, которые абсолютно не имеют целью помощь обществу, а стремятся удовлетворить лишь свои тщеславные амбиции. «Кто владеет водой, тот правит миром!» – девиз мэра-диктатора в городке, расположенном среди пустыни («Ранго»). Шериф-ящерка ходит с таким же нагрудным знаком, как и полицейские шерифы в США. Вера в закон, вера в шерифа Ранго становится новой основой всеобщего благоденствия. «Людям нужен герой!» – вот лейтмотив политической идеологии «Ранго». А если герой станет неудобным властям – окажется на кладбище... Феномен власти очень показательно обыгран и в цикле мультфильмов «Мадагаскар»: правит не самый мудрый (он всего лишь главный советник Морис), а самый тщеславный, восхваляющий себя самозванец король Джулиан. И с его притязаниями на власть никто не спорит, так как он внушил всем, что именно он самый-самый умный и достойный!

Производство мультфильмов тесно связано с выпуском детских игрушек, и наоборот. Так, сначала появился конструктор «Лего», а затем мультсериалы, а также компьютерные игры с героями из Лего. Как только на экран выходит новый мультфильм, начинается производство игрушечных героев мультфильмов. Сегодня прилавки детских магазинов – это галерея мультипликационных персонажей: человек-паук, герои и злодеи, черепашки-ниндзя, Шрэк – и их всевозможных аксессуаров.

Заключение

Всякий мультфильм – это семантическое единство линии, цвета, звука, композиции, сюжета. Восприятие художественного образа мультфильма – это включение в событийную психологическую ткань, созданную не только авторами-создателями, но и мастерами перевода и озвучивания. Голоса и музыка являются важнейшими факторами восприятия, поэтому озвучивают героев известнейшие актёры, в чём также проявляется связь кино и мультфильма. Современный мультфильм – важнейший глобальный агент влияния на формирование мировоззрения, идеологии и системы ценностей человека, значение которых трудно переоценить. Матрицы мышления, создаваемые в виртуаль-

ной реальности, входят в повседневность, оказывают влияние на ментальность и духовность современного человечества. Поэтому выбор мультфильма – это вопрос психологического здоровья и нравственности, мировоззренческих оснований и ценностей, избираемых в качестве приоритетных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рубцов, Н. Н. Иконология: история, теория, практика / Н. Н. Рубцов. – М. : Наука, 1990.
2. Махлина, С. Т. Семиотика культуры и искусства : в 2 ч. / С. Т. Махлина. – СПб. : СПбГУКИ, 2000. – Ч. 1. – 552 с.; Успенский, Б. А. Семиотика искусства / Б. А. Успенский. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 357 с.; Розин, В. Семиотические исследования / В. Розин. – М. : Университет. книга, 2001. – 256 с.; Вишке, М. Конечность понимания. Произведение искусства и его опыт в интерпретации Х.-Г. Гадамера / М. Вишке // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. – Минск : ЕГУ, 2001. – С. 55–67.
3. Гадамер, Х.-Г. Введение к истоку художественного творения / Х.-Г. Гадамер // Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер. – М. : Гнозис, 1993. – С. 117–132.
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
5. Хайдеггер, М. Искусство и пространство / М. Хайдеггер // Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Ad Marginem, 1997. – С. 312–316.
6. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : Петрополис, 1998. – 432 с.
7. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – Режим доступа: <http://lib.ru/CINEMA/kino-lit/LOTMAN/kinoestetika.txt>. – Дата доступа: 17.01.2015.
8. Ольшевский, П. Н. Семиотические аспекты телевизионной коммуникации : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / П. Н. Ольшевский. – М., 2006. – 130 с.
9. Дворко, Н. И. Режиссура мультимедиа (генезис, специфика, эстетические принципы) : дис. ... д-ра искусствоведения : 17.00.03 / Н. И. Дворко. – СПб., 2004. – 334 с.
10. Макиенко, М. Г. Художественное пространство и время в историческом кино : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.04 / М. Г. Макиенко. – М., 2011. – 144 с.
11. Луговая, Ю. А. Семиотика медийного текста в культурфилософском измерении : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Ю. А. Луговая. – М., 2013. – 26 с.
12. Черепанова, Т. В. Влияние медиакommunikаций на трансформацию публичной сферы в современной культуре : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Т. В. Черепанова. – Омск, 2014. – 21 с.
13. Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М. : Гнозис, 1994. – С. 11–263.
14. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.02.2015

Ivanchina O.N. Semantics of Modern Cartoon

In the article cartoon is viewed upon as a work of art. The author performs semantic analysis of world views objectified in artistic images of modern animated films. Cartoon is a special view of the world, its specific picture, philosophical ideas, mental outlook, a person's system of values transmitted from the older generation (authors) to the younger one (addressees). The author also shows interconnection of the principles of artistic representation in cartoon and viewing them in the light of psychology, philosophy and art.

УДК 101.8

Е.А. Лагуновская

*канд. филос. наук, доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

**ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ХРИСТИАНСТВА
В ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ
СТАРОБЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА X–XVI вв. (часть I)**

В статье представлено авторское видение формирования нравственных основ старобелорусского общества в контексте духовных ценностей христианства. В качестве структурных компонентов нравственной культуры общества выделяются духовно-нравственное наследие (моральный фонд), социальный механизм его распространения, процессы духовно-нравственной жизнедеятельности народа.

Введение

Духовно-нравственное наследие исторического прошлого Беларуси является важнейшим фактором, влияющим на формирование структурных составляющих нравственной культуры современного белорусского общества: идеалов, знаний, опыта, чувств. Осмысление и восстановление данного морального фонда нравственной культуры способствует ее развитию, решению насущных задач воспитания гражданственности и патриотизма. Наиболее значимым в связи с этими задачами представляется обращение к генезису белорусской государственности в Полоцком княжестве и Великом княжестве Литовском, в ходе которого ставились поистине грандиозные общественные проблемы, решавшиеся на основе нравственных принципов. Процесс духовного становления белорусской нации и государства осуществлялся на основе общеевропейских закономерностей, вписывался в общий контекст духовных достижений человечества.

Духовные ценности христианства в формировании нравственных основ старобелорусского общества

В процессе длительного исторического развития все многообразие политических, экономических, нравственных и религиозно-этнических отношений, сложившихся в обществе, обязано своим существованием наличию определенной природно-экологической обстановки, способствовавшей возникновению и развитию как человечества, так и его культурного потенциала [1, с. 20]. Формирование нравственной культуры старобелорусских земель связано с общностью условий их освоения индоевропейцами: балтами, появившимися на рубеже 3–2 тысячелетий до н.э., а с V–VI вв. и славянами. Решение насущных проблем, связанных с освоением плохо приспособленных для жизни зон неустойчивого земледелия, закрепило различные методы и формы их мирного социального взаимодействия на территории современной Беларуси, где с IX по XIII вв. происходила славянизация балтов. О добрососедских отношениях свидетельствует сохранение балтской топонимики в названиях рек и озер, архетипов балтской культуры в современной обрядности белорусов, а также закрепление славянского опыта мирного решения проблемных вопросов на народном собрании – вече, а потом и выборов князя.

Общеевропейские процессы государственного устройства набирают силу с IX в.: формируются государственные образования вокруг Киева, Новгорода, Полоцка; королевства Англии, Франции, Германии. В то время, когда в Киеве закрепился западноевропейский вариант передачи власти от отца к старшему сыну, в Новгороде, Пскове и Полоцке сохранились традиции народовластия и должность князя оставалась выборной. В Полоцке вече избирало князя и контролировало его деятельность, а в случае нарушения поставленных условий «показывало князю путь», т.е. лишало его должности, как

это случилось, например, с Рогволодом Борисовичем в 1151 г. или с Ростиславом Глебовичем в 1158 г. [2, с. 35]. Полномочия князя находились в прямой зависимости от его личных способностей. Особой поддержкой и любовью полочан пользовался князь Всеслав (1044–1101 гг.), при котором княжество достигло наибольшего могущества, была построена Полоцкая София – четвертый во всей Европе храм такого типа. Проводя активную внутреннюю и внешнюю политику, князь заботился о своих подданных и, стремясь знать обо всем происходящем на подвластной ему территории, настолько быстро перемещался из одного населенного пункта в другой, что получил прозвище Чародей.

Необходимость исполнять волю народа обусловила специфику проведения внешней политики, ее направленность не на максимизацию прибыли путем военных действий и захвата чужой территории, а наоборот, минимизацию неудач, сохранение мира на своей земле, ее урожая как основы благоденствия народа. В соответствии с христианским подходом к ценности человеческой жизни, пришедшем на смену языческому, смерть граждан в результате войны не может быть оправдана никакой возможной выгодой для государства в результате победы. Приоритет мирной внешней политики оказывал влияние на внутреннюю ситуацию в государстве: забота княжеской власти о подданных способствовала росту их доверия к ней и уменьшала социальную напряженность и возможность восстаний. При этом, характеризуя князя Всеслава как выдающегося государственного деятеля, расширившего пределы Полоцкого княжества, необходимо признать, что на внешнюю политику, проводимую им и его преемниками, повлияла неразвитость дипломатии того времени. Полоцкие князья постоянно вели войны как на юге, так и на севере, присоединяя к княжеству новые территории. Например, Всеслав Чародей воевал с Киевским княжеством, ходил в поход на Новгород.

Моральная регуляция социально-политической жизни в период феодальной раздробленности и монголо-татарского нашествия на Киевскую Русь (XII–XIV вв.) была обусловлена целью сохранения независимости старобелорусских земель. В данный временной период здесь, так же как и в Западной Европе (Англия, Франция, Германия), путем интеграции происходило формирование централизованного государства, тогда как государственные объединения Киевской Руси проходили этап феодальной раздробленности. В Западной Европе и Киевской Руси передача верховной власти по старшинству обуславливала невозможность законным образом претендовать на должность правителя всем желающим. Зачастую лица, лишённые возможности управлять, стремились занять эту должность с помощью любых средств и методов, в том числе и насильственных, вплоть до военных действий в государстве. Смещение монархов было распространено в период Средневековья в Западной Европе и Киевской Руси, и чаще всего в таких случаях их лишали жизни. В X–XVI вв. социально-политические основы жизни старобелорусских земель обусловили функционирование нравственной культуры как единства, закрепляющего формирование общих правил и обязанностей в деятельности личности и общества. В начале XI в. формируется тенденция (в отличие от западноевропейских государств того времени) к обособлению геополитического единства Киевской Руси, Руси Новгородской и Полоцкой Руси на основе своеобразного «средневекового национализма» [3, с. 497].

Специфика социально-политического развития старобелорусских земель при отходе от наследования по старшинству в тот период давала возможность свободного выбора жизненной стратегии как направленности на достижение желаемого социального положения. Если сын правившего князя являлся претендентом на верховную власть в государстве, он, как и все остальные, выдвигал свою кандидатуру. Только при условии наибольшего соответствия личностных качеств и способностей должности князя человек мог быть избран. Сознательное поведение, направленное на достижение цели, как ценностная ориентация личности способствует укреплению ответственности за свой

выбор, добросовестности в выполнении вытекающих из него обязанностей. Данные нравственные нормы старобелорусского общества свидетельствуют о возможности раскрытия творческого потенциала человека в процессе реализации своей жизненной концепции на основе конструктивных, гуманистических средств и методов.

Творческие люди на территории Беларуси обладали свободой в выборе не только своей социальной, но и культурной ориентации (в смысле стремления к общественным идеалам и принятия определенных культурных образцов). Первый памятник письменности, созданный на белорусских землях, – «Житие Евфросинии Полоцкой» – отражает стремление неординарной личности преодолеть стереотипы и запреты на пути к самовыражению и творчеству. Обладание материальными ценностями и властью, обусловленное княжеским положением, не занимало главенствующего места в мировоззрении внучки князя Всеслава Чародея. Духовное призвание Евфросинии, вытекающее из силы ее веры, обусловило созидательный труд духовной подвижницы христианства на благо своих соотечественников и Родины.

Другой христианский подвижник – митрополит Климент Смолятич – в своей жизни и творчестве обосновывает необходимость соединения в жизни монаха нравственного совершенствования путем послушания и телесного воздержания с основательным изучением Священного Писания [3, с. 526].

В иерархии христианских ценностей общественные, коллективные интересы стоят выше личных. Тем не менее в процессе активной социальной деятельности ориентация на духовные ценности христианства способствует раскрытию духовного потенциала личности, достижению всех намеченных человеком целей и его максимальной самореализации. Например, сын охотника Николай Гусовский представлял интересы Великого княжества Литовского в качестве дипломатического посла в Рим к Папе Римскому Льву X, игравшему ведущую роль во внешней политике того времени. Сын купца «средней руки» Франциск Скорина смог не только поступить в один из старейших и престижнейших университетов Европы – Падуанский, но и добиться (по причине отсутствия денег) бесплатного в нем обучения, получив после его окончания докторскую степень. Достигнув вершин средневековой образованности, Франциск Скорина посвятил жизнь служению своему народу – «людям посполитым». Таким образом, творческий поиск и активная жизненная позиция Евфросинии Полоцкой, Кирилла Туровского, Николая Гусовского, Франциска Скорины, Мелентия Смотрицкого, Афанасия Филиповича и других представителей старобелорусской культуры предстают как истинно духовный феномен, эксплицировавший ценности христианства на поведенческом уровне в служении Родине и стремлении к духовно-нравственному совершенству, умножению своих знаний, способностей и возможностей независимо от социального статуса, имущественного положения и происхождения.

Важным фактором, оказавшим влияние на формирование духовных ценностей белорусской государственности, было взаимодействие культур Запада и Востока, способствовавшее закреплению в менталитете белорусского народа толерантности, терпимости, сдержанности в суждениях, системности мышления. При этом особенности среды обитания, формируя данные характеристики менталитета, соответствующие христианским принципам поведения, общения и деятельности, не только не помешали, а, скорее, способствовали самоидентификации белорусского этноса, происходившей на основе осознания своих истоков и кровного родства.

По наиболее распространенной версии, племя кривичей (явившееся основой белорусского этноса) получило свое название от понятия «братья по крови». Радимичи – другое крупное племя – находили свои корни у общего предка Радима и таким образом также считали себя кровными братьями. Название племен дреговичей и древлян большинство исследователей связывают, следуя за авторами «Повести временных лет»,

с местами их проживания. Осознание ценности единства, основанного на кровном родстве, проживании на своей родной земле и совместно пройденном историческом пути, способствовало бы преодолению трудностей процесса самоидентификации белорусского народа на современном этапе.

В ходе социокультурного и государственного развития белорусских земель в языческий период закрепились собственные гуманистические установки и ценностные ориентации. Уже в первых государственных объединениях формируются коллективизм, стремление к единству, отсутствие чувства превосходства и исключительности. Еще до принятия христианства в Полоцком княжестве, возникшем на основе объединения кривичей, закрепились принципы народовластия, выразившиеся в признании достоинства человеческой личности, уважении к согражданам, ответственности в выполнении взятых на себя обязательств, а также ценность свободы выбора своего жизненного пути. Обращаясь к рассмотрению роли христианских ценностей в становлении института выборов князя в Полоцке, который существовал с языческих времен, необходимо констатировать, что христианство не мешало и наследственной передаче власти в Киеве. В этой связи следует отметить, что христианство приобрело при встрече с восточнославянской культурой национальную форму. Христианские ценности своеобразно проявились в духовно-нравственном формировании старобелорусских земель, специфически отражая особенности их этнокультурного развития, исторических условий: христианизация способствовала закреплению и развитию существовавших нравственных норм и гуманистических установок в русле нового мировоззрения. С другой стороны, на основе духовных ценностей христианства продолжилось формирование нравственной культуры старобелорусского общества, создавшей принципиальные рамки мировоззренческого, идеологического, политического, социально-экономического развития государства.

Белорусские земли получили крещение в конце X в. наряду с крещением Руси [4, с. 24]. Принятие в 988 г. киевским князем Владимиром христианства по византийскому образцу имело политический характер. Получив экономическую помощь от Византийской империи, киевский князь должен был отчитаться перед ней об успехах в принятии новой веры подчиненных ему земель. В результате активных действий киевских князей, сопровождавшихся уничтожением языческих святынь и расправой со всеми несогласными принять новую веру, вскоре Русь стала православной [5, с. 16]. По мнению российских историков, христианизация способствовала преодолению отсталости и изоляции Руси, установлению дипломатических, политических и экономических связей с другими государствами.

На белорусской территории еще до принятия христианства существовали дипломатические, политические и экономические отношения не только с ближайшими соседями славянами, но и с финнами, скандинавами, немцами, Византией и арабскими государствами. О благосостоянии населения белорусских земель и стабильности его торговых связей с другими государствами свидетельствуют многочисленные клады с иностранными монетами. Правители старобелорусских земель самостоятельно решали все возникающие дипломатические и экономические задачи, без расправы с верой своего народа и предков «огнем и мечом» [6, с. 19].

Православие было господствующей религией до Кревской унии 1385 г., с которой связано широкое распространение католицизма на белорусских землях. Христианство как социокультурный феномен в Беларуси является исторически наиболее influential и конструктивным: оно способствовало появлению и развитию каменной монументальной архитектуры, прежде всего культовой, монументальной мозаики и фрески, иконописи и музыки. Византийские каноны и традиции, особенно в области искусства, нашли отражение в высоком уровне зодчества, письменности, светского и церков-

ного изобразительного искусства, летописании. Культура этого времени представляла собой тип «раннехристианского Возрождения» (В. Конон), рожденного столкновением и синтезом творческих исканий молодого этноса, христианского духовного подвижничества и принесенной из Византии эллинистической культуры. Христианство на белорусских землях наследовало традиции первых христианских общин, приучавших своих членов думать не только о себе, но и о судьбах всего мира, молиться не только о своем, но и об общем спасении. Следование принципу равенства перед Богом всех верующих, провозглашенному в Новом завете, предопределило дальнейшее развитие веротерпимости и укрепление ее в сознании белорусского народа. Менталитет белорусов одной из главных ценностей признает отсутствие чувства превосходства над другими народами, национальной исключительности.

На этапе перехода к феодальным отношениям духовный опыт христианства воздействовал на изменение ценностных ориентаций населения старобелорусских земель и его нравственное самоутверждение, что проявилось в целостном, гармоничном сочетании компонентов материальной и духовной культуры. Принципиальное значение в процессе христианизации белорусских земель имеет сохранение представителями государственной власти языческих святынь. Выдающимися памятниками письменности являются «Борисовы» и «Рогволодовы» камни, частично сохранившиеся до наших дней. Это были языческие культовые камни, на которых полоцкие князья приказывали выбивать надписи христианского содержания (например, «Господи помоги»), добиваясь, таким образом, поклонения язычников христианским святыням. Переплетение языческих и христианских элементов в данных артефактах культуры, соответствующих времени появления христианства на территории Беларуси, свидетельствует о сознательно выбранном полоцкими князьями естественном, постепенном, мирном способе его введения. Взаимодействие славянского язычества и христианских ценностей на практически-повседневном уровне породило уникальный феномен двоеверия: сосуществования христианских и языческих религиозных взглядов, ценностей и представлений.

Характерной особенностью Беларуси является поликонфессиональная религиозная структура. Определяющую роль в социокультурном пространстве Беларуси играет христианство, и прежде всего, две основные конфессии – православие и католицизм, история взаимоотношений которых сложна и противоречива. Беларусь в какой-то мере является своеобразным геополитическим, культурным и религиозным мостом между Востоком и Западом [4, с. 6]. В условиях прохождения через белорусские земли православно-византийского и римско-католического религиозных потоков духовный опыт христианства начал закрепляться как в восточном греко-византийском, так и в западном римско-латинском вариантах. Важная роль в осуществлении этого процесса на белорусских землях принадлежала представителям элиты, которые восприняли конструктивный характер христианства и стали его духовными подвижниками. По их инициативе возводились храмы и монастыри. Осознание созидательного потенциала общехристианских ценностей отвечало на творческие запросы молодого белорусского этноса. Функционирование православия, католицизма, протестантизма явилось фактором духовно-нравственного созидательного развития белорусского этноса, нации, государственности, определившим роль и значение данных конфессий для культуры рассматриваемого периода.

Специфика исторических путей развития Запада и Востока, а также геополитическое положение старобелорусских земель обусловили характер взаимодействия между основными конфессиями христианства. Особенности взаимодействия между христианскими конфессиями, каждая из которых формировала свой культурный стереотип, фактически по-своему перетолковывая исходную христианскую традицию и пытаясь в той или иной мере ее воспроизводить, были обусловлены тем, что в культуре ВКЛ

столкнулись две не совсем чужеродные, но исторически весьма по-разному развивавшиеся культуры *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana* (Р. Пиккио), что привело к взаимодействию разных культурных стереотипов, разных христианских традиционностей, так или иначе порвавших с единой христианской традицией. Таким образом, в единой христианской традиции на белорусских землях сформировались и развивались две традиции, несовместимые одна с другой и проникнутые острейшей религиозной полемикой в эпоху «золотого века», – исихазм и гуманизм.

Православные белорусские земли, вошедшие в XV–XVI вв. в ареал западноевропейской католической культуры, вынуждены были сохранять и отстаивать свою культурную идентичность в конфессиональной, бытовой, языковой, творческо-художественной, историологической, генеалогической, геополитической и прочих сферах. На данный процесс оказало влияние исихастское учение (паламизм), призывающее к безмолвному умному деланию и ориентированное на личное Богообщение и обожение христианина в его земном бытии. Центральной в исихастской антропологии является проблема образа и подобия Божия как оснований человеческой личности. Исихазм и гуманизм как два пути развития христианской цивилизации, представленные в социокультурном пространстве Беларуси XIV–XVI вв., нашли свое отражение в Статутах ВКЛ и развитии белорусской духовности в последующие века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Онуприенко, С. П. Приоритеты экоценностной стратегии 21 века / С. П. Онуприенко // Экология и социальное развитие / НАН Беларуси, Ин-т философии; С. П. Онуприенко [и др.] ; науч. ред. А. А. Лазаревич [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2001. – С. 20–47.
2. Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі. – 5-е выд. – Мінск : Беларусь, 1992. – 190 с.
3. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі / НАН Беларусі, Ін-т філасофіі ; рэдкал.: В. Б. Евароўскі [і інш.]. – Мінск : Бел. навука, 2008. – Т. 1: Эпоха Сярэднявечча / В. Б. Евароўскі [і інш.]. – 573 с.
4. Короткая, Т. П. Христианство в Беларуси: история и современность / Т. П. Короткая, А. И. Осипов, В. А. Теплова. – Минск : Молодеж. науч. об-во, 2000. – 71 с.
5. Малицкий, В. И. Руководство по истории русской церкви / В. И. Малицкий. – М. : ВИНТИ, 2000. – 464 с.
6. Знаменский, П. В. История русской церкви / П. В. Знаменский. – М. : Грааль, 1996. – 462 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.02.2015

Lahunouskaya A.A. Spiritual values of Christianity in the Formation of the Moral Foundations of the old Belarusian society X–XVI centuries

The article presents the author's vision of the formation of the moral foundations of the old Belarusian society in the context of spiritual values of Christianity. As structural components of moral culture of society distinguished spiritual and moral legacy (moral Fund), the social mechanism of its distribution, moral and spiritual processes life activity of the people.

УДК 008

Е. В. Дробная*аспірант каф. истории и теории культуры
Забайкальского государственного университета (г. Чита, Россия)***Мортальность и её преодоление: философско-культурологический аспект**

В статье рассматриваются естественно-социальный и социально-естественный аспекты смерти, культуuroобразующая роль мортальной тематики, включённость феномена смерти в социокультурное пространство и его значение в формировании аксиологической парадигмы социума. Дается представление о специфике отношения к проблеме человеческой смерти и бессмертия в рамках светской и религиозной культур. Как пример осмысления проблемы личной мортальности в современной живописи рассматривается творчество художника Ю. Ракиши. Делаются выводы о важной роли смерти в процессе совершенствования социальной сущности человека и духовных оснований человеческой жизни.

Введение

Актуальность мортальной тематики обусловлена её вечностью и обращённостью к каждому человеку. Стремление осмыслить смерть в рамках человечества в целом и отдельной человеческой судьбы имеет давние духовные истоки и традиции. Точкой отсчёта аксиологических представлений о мире становится способность человека принять естественную неизбежность собственной смерти, формирующая личность и придающая жизни смысл. Нередко только непосредственное и внезапное столкновение с возможностью собственной смерти позволяет человеку осознать ценность, фундаментальность самого факта жизни, и это ощущение имеет, как правило, нравственно-очистительный смысл. Философ И.Т. Фролов видит смысл жизни человека в «процессе совершенствования ее социальной сущности и духовных оснований» [1]. Распространяя необходимость социально-нравственного развития на само биосоциальное существование человека, Фролов считает, что социальная сущность человека должна обуславливать доминирование нравственных принципов, «которые подчиняют себе непосредственно биологические факторы и импульсы его существования как индивида» [1]. Вопросы о смысле жизни, смерти и бессмертия, представляя параметры человеческого бытия, в полной мере выявляют гуманистическое содержание «духовно-телесного единства» человека [2], специфически реализуясь в рамках светского и религиозного взглядов на мир.

Естественный и социальный аспекты мортальности

Смерть, как необратимое прекращение жизнедеятельности любого организма, становится естественным и неизбежным концом всего живого, и человеческая жизнь не является исключением из этого закона. Попытка рассмотреть смерть с позиции природы, по мнению Н.С. Шиловской, показывает, что «смерть любого индивидуума выступает только как форма её (природы) обновления», свидетельствуя о том, что «конечность природных явлений есть форма восприятия мира человеком, обусловленная проявлением личностного начала» [2]. Инстинкт самосохранения, сохранения жизни, присутствует у всех живых организмов, но человек – «единственное существо, которое осознаёт свою смертность и может делать её предметом размышления» [1, с. 247]. «Осознание человеком своей собственной кончины позволяет нам говорить о том, что только человек умирает, животное, в отличие от человека, «околевает» [2]. Иначе говоря, умирание, помимо биологически-физиологического, имеет экзистенциальный смысл» [2]: человек существует, отягощённый знанием о неизбежности собственной смерти. Л. Тол-

Научный руководитель – Л.В. Камедина, доктор культурологии, профессор кафедры литературы Забайкальского государственного университета

стой писал об этом так: «Если мысль эта (о смерти – *Е.Д.*) ...хоть раз придёт человеку, или другие ...растолкуют ему её, то он никогда уж не отделается от неё, ничем не выжжет её из своего сознания» [3, с. 21]. Осознание конечности объясняет остроту, с которой перед человеком встает вопрос о смысле и цели жизни: встраиваясь в систему общественных ценностей, смерть становится стимулом всесторонне развивать свои способности, влияет на существование и развитие социума, заставляет задуматься об ответственности человечества перед планетой и Вселенной. Смерть, таким образом, выступает естественно-искусственным феноменом: как естественное явление она включается в социокультурное пространство, предполагая «ответ» человека, общества и культуры.

Культурообразующая роль феномена смерти

Н.С. Шиловская считает, что формирование социокультурных представлений о смерти прежде всего связано с созданием определённого ритуала и философским осмыслением: «Смерть ритуализируется и рассматривается в рамках философского дискурса, ...мы можем говорить о культуре и человеке, основаниями которых являются константы жизни и смерти. Человек и культура «вырастают» из осмысления факта человеческой смертности» [2]. Таким образом, осознание конечности своей жизни, неизбежности смерти не только отличает человека от других живых существ, но становится основанием человеческой культуры, «побудительной причиной творческой деятельности, не заключённой в непосредственных её мотивах (материальных и пр.). Призвание ...человека – всесторонне развивать свои способности, внести свой личный вклад в историю, в прогресс общества, его культуру» [2].

Примером ответа на вопрос о смысле человеческой жизни может быть литературное творчество Л.Н. Толстого, в котором мысль о неизбежности биологической смерти человека связывается с утверждением нравственного, духовного бессмертия человека: нравственный смысл жизни выходит на первый план, распространяясь и на смерть [3, с. 104–107]. Посвящая свою жизнь благу других людей, человек, по убеждению Толстого, «здесь, в этой жизни уже вступает в то новое отношение к миру, для которого нет смерти и установление которого есть для всех людей дело этой жизни» [3, с. 111]. В.Ф. Овчинников формулирует это так: «Бессмертно не само имя, а память о нём, сохраняемая другими людьми. Иного бессмертия человеку объективно не дано» [4, с. 252].

Тема жизни и смерти вызывала интерес в самых разных сферах интеллектуального дискурса: в философии (Сократ, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, З. Фрейд, А. Камю, Н. Фёдоров и др.), в социологии (Э. Дюркгейм, В.Ф. Купревич, И.П. Вишев, Д.В. Матяш, В.В. Минеев и др.), в психологии (М.Д. Александрова, Н.Е. Бачериков, С. Гроф, Р. Лифтон, С. Ф. Рашидов и др.), в культурологии (Р.К. Баландин, Т.В. Мордовцева, А.Я. Гуревич, Л.В. Фасенкова, В. Янкелевич и др.), в истории (Ф. Арьес и др.); в литературе (Л.Н. Толстой, В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, В. Гюго, Т. Манн и др.), в искусстве (О.А. Кипренский, В.В. Верещагин, Ж.-Л. Давид, Ф. Гойя и др.), рассматривалась также и с точки зрения медицины, права и пр.

Представление о смерти в рамках секуляризованного общества. Смерть как искусственно-естественный феномен

Современная цивилизация, тяготеющая к социально-гуманистическому взгляду на предназначение человека, превращает смерть в искусственно-естественный феномен. Порождая вокруг себя искусственную среду, создающую иллюзию власти жизни над смертью, человек в искусственном видит панацею от всех бед, в том числе и от смерти. По мнению Шиловской, в основе нашей цивилизации лежит «виталистический миф», сформированный геронтологическими утопиями, философскими проектами «покорения смерти», достижениями в области медицины [2]. Социум, ориентированный

прежде всего на сильных, успешных и молодых, неудачи, болезни и смерть в нашей жизни рассматривает в качестве неприятных казусов, не согласующихся с виталистическим самообманом. В целом к смерти складывается отношение как «к чему-то такому, о чём лучше не говорить». Самоцелью становятся продление молодости и увеличение продолжительности человеческой жизни, отражающие «общественную значимость ... сохранения развитой человеческой индивидуальности, обогащенной знаниями, опытом жизни и мудростью, ... (что – Е.Д.) представляется прогрессивным процессом в отношении и отдельных личностей, и человеческого общества в целом» [1]. Современный уровень развития медицины привёл к тому, что сам вопрос о жизни и смерти порой оказывается вопросом выбора, а «право умереть» становится проблемой: с одной стороны, предполагается право человека на эвтаназию (добровольный уход из жизни), а с другой – дискуссии о «праве на смерть» ведутся уже не о самоубийстве, а об искусственном продлении жизни умирающего человека.

Жизнь человека в современном секуляризованном обществе рассматривается с позиций непрерывного потребления, поэтому смерть (как неизбежное явление), с одной стороны, включается в «индустрию погребения», а с другой – всячески выводится за пределы повседневного «праздника жизни», всеми силами скрывающего неизбежное её окончание. Отсюда пышные похороны (организуемые в специальных ритуальных залах, чтобы минимизировать напоминание о личной конечности каждого) и прагматическая позиция, согласно которой способ утилизации должен использовать все возможности, которые дают останки человеческого тела; например, тепло, полученное при кремации, может использоваться для обогрева жилых домов. Есть технологии, позволяющие превратить углерод, входящий в состав праха или волос умершего, в бриллианты, кулоны, запонки, простые карандаши, фоторамки и мемориальные таблички [5]. Бельгийские предприниматели предложили расщеплять тела умерших в щелочном растворе и смывать их в канализацию. По мнению авторов, этот метод имеет несколько преимуществ: он менее затратен, чем захоронение на кладбище, и практически не наносит вреда окружающей среде (в отличие от дыма крематориев). Шведские биологи считают, что из тел усопших нужно делать компост, на котором их родственники могут вырастить «наилучший памятник» – цветы, ведь «изначально было задумано природой, что умершие остаются лежать на земле, становятся добычей животных и постепенно превращаются в почву»; но главное преимущество этого метода в том, что он в четыре раза дешевле, чем кремация [6].

Перечисленные примеры иллюстрируют нивелирование представления о смерти человека до «околевания» животного, «редуцирование смерти к естественному феномену», что, по мнению Шиловской, «является ошибочным и опасным», поскольку ведёт к «духовной деградации человека вследствие утраты своих оснований, каковыми являются жизнь и смерть, и кризису культуры в целом» [2].

Мортальность в религиозной культуре

Страх перед тайной смерти и «упование человека на неисчезновение духа» реализуются посредством религии, веры [4, с. 254]. В.Ф. Овчинников выделяет три типа отношения к смерти «в лоне трёх мировых культур – восточной, западной и русской»: восточная культура «не создаёт дистанции между человеком и смертью», смерть мыслится как «ступень слияния с Вечностью, с Абсолютом ... воспринимается спокойно, считается, что жизнь, перерождаясь, продолжается» [4, с. 251]. Запад, по мнению Овчинникова, напротив, дистанцируется от смерти, «рассматривает смерть издали ... Человек ... смертен не для себя, а для ... постороннего наблюдателя» [4, с. 251]. Русская культура, считает Овчинников, объединяет в себе элементы восточного и западного вариантов: человек, не сопротивляясь смерти, не старается приблизить её [4, с. 252].

В христианстве смерть представляется следствием грехопадения Адама и Евы, противоречащим духовной сущности человека. Смерть – это одновременно наказание за совершенный прародителями грех и освобождение вечной души человека от оков тела: «Станем трепетать не перед смертью, а перед грехом; не смерть родила грех, но грех произвел смерть, смерть же стала исцелением греха», – так разъяснял сущность смерти свт. Иоанн Златоуст [7]. Таким образом, в рамках христианского представления о предназначении человека в мире поиск физического бессмертия – это богоборчество.

Православное понимание смерти выражает икона «Успение Божией Матери». Согласно русскому православному преданию, Россия находится под особым покровительством этой иконы. «Успение», означающее «успокоение», «засыпание», но не «смерть», предполагает погружение в свою внутреннюю сущность, вхождение в мир духовный, переход в вечность праведной души. Успение – образ духовного «рождения в смерти», вводящего человека в вечное бытие, «водворение» у Господа [8], возрождение «через временную смерть ... для Жизни Вечной» (свт. Димитрий Ростовский) [7]. Образ Божией матери «Успение» отражает созерцательность и неторопливость русской ментальности. Судьба России – пребывание в Вечности, в состоянии духовного «покоя», погруженности в свою внутреннюю сущность. За кажущимися упадком, смертью, успением России должно последовать её преображение ради прославления Духа [8].

Использование мортальной тематики в творчестве художника Ю. Ракши

В рамках нравственной и религиозной парадигмы на первый план выходит вопрос не «Сколько жить человеку?», а «Как и во имя чего жить?».

В качестве примера осмысления проблемы личной мортальности посредством искусства живописи может служить творчество Юрия Михайловича Ракши (1937–1980), объединённое темой вечного Отечества. Вершиной творчества и последней работой художника стал триптих «Поле Куликово», который был задуман и исполнен для выставки в Третьяковской галерее в рамках празднования шестисотлетия победы на Куликовом поле. Куликовская битва стала рубежной для существования Русского государства, и Ракша стремился к «раскрытию в героях именно состояния определенного духовного предстояния» [9], делая акцент на моменте собирания духа в час подготовки к сражению, к смерти.

Центральная часть триптиха, названная автором «Предстояние», осмысливается художником как момент духовного единения ратников перед битвой: русские дружины выстроились в боевые порядки, рядом Дон, за рекой – Родина, Святая Русь. Главный образ триптиха – князь Дмитрий Донской (позднее прославленный в лике святых). Его голова композиционно заключена в круг – символ Небес, своего рода нимб святого, образованный головой коня и хоругвью с изображением Спаса Нерукотворного. Красный фон хоругви – цвет подвига и жертвы, скорой победы над врагом; пасхальный цвет радости, победы жизни над смертью. Красный конь на картине – символ апокалипсиса (последней, смертельной битвы между добром и злом). Рядом с Дмитрием Донским – Михаил Бренок. По преданию, Михаил Бренок был очень похож на Дмитрия Донского. Перед боем они поменялись доспехами, что сделало Бренка приманкой, отвлекавшей противника от князя. Ближний боярин и любимец князя Михаил Бренок своим поступком исполнил евангельскую заповедь: положил жизнь свою за други своя. Знал ли Бренок, на что идет? Несомненно, знал. И тем значительней его подвиг. Князь же, как простой воин, бился в самой гуще сражения. Он не отделял своей судьбы от судьбы своего народа, не мыслил без него своей жизни и был готов умереть вместе с ним.

Триптих «Поле Куликово» стал для мастера не только художественным, но и человеческим подвигом. Во время написания триптиха сам Ю. Ракша был смертельно болен. На картине умирающий художник изобразил себя в надвинутом на брови стальном

шлеме за правым плечом князя Дмитрия Донского: «Я бы погиб там, защищая Дмитрия со спины» [9]. В своей последней статье Ракша написал: «У каждого из нас в жизни должно быть своё «поле Куликово». Оно там, где ты стоишь» [9]. Художник умер с кистью в руке, успев сделать последний мазок. «Я не боялся смерти, – писал художник. – Я не очень знал, насколько она близка. Но в сознании моём моя жизнь или смерть казались мне в масштабе мироздания или человеческой истории ничтожным мгновением. И от того, сколь велико или мало будет это мгновение, ровно ничего не менялось и не имело значения. И я жалел лишь как о задаче, что мне не удастся что-то ещё сделать ... Как жаль, что бессмертный дух наш привязан к бренному телу. Но даже в пределах тела можно успеть очень многое» [9]. В день смерти художника центральное полотно триптиха, которое невозможно было вынести иначе, на веревках бережно спустили с семнадцатого этажа и перевезли в Третьяковскую галерею.

Ю. Ракша посредством использования в своих работах мортальной тематики раскрыл собственное понимание духовности и преемственности как предназначения жизни человека и сущности творчества. «Эта моя картина, – резюмировал Ю. Ракша, – не просто извлечение из прошлого, напротив, это мое сегодняшнее обращение к ним, тем, которые пали: о том, что мы живы, что мы – есть, что мы сильны, что мы едины и миролюбивы, что мы многому научились, что они тогда не зря пали, что дух наш не оскудел, что мы и сейчас можем собраться, что нам надо держаться вместе» [9].

Заключение

Каждый человек рано или поздно задаётся вопросом о целях своего существования, смерти и бессмертия. Гуманистический подход предполагает социально-нравственное осознание смысла человеческой жизни, общий социальный и моральный прогресс человечества. Этому прогрессу максимально способствует представление о смерти как закономерном и неизбежном конце жизни, понимание мортальности как культурообразующего естественно-искусственного феномена. Виталистический самообман, предполагающий бесконечное наслаждение жизнью, напротив, ограждает человека от необходимости нравственного совершенствования, замыкая представление о жизни в пределах идеологии материального успеха, вечного удовольствия и потребления.

Религиозный взгляд на проблему мортальности личности нацеливает человека на духовное преодоление проблем, предлагаемых жизнью, а успех определяется движением к спасению души, к Богу, которое утверждается не просто верой, но конкретными делами. По мнению Шиловской, современная цивилизация, размывая границы между жизнью и смертью, когда «смерть симулирует жизнь, ... а живое, естественное соединяется и заменяется неживым, ... вечным, искусственным», отрицает «традиционно сложившуюся естественно-искусственную сущность феномена смерти как основания человека и культуры в целом» [2]. Отказ от осмысления личностью смерти как закономерного итога жизни приводит к тому, что само содержание жизни становится бездумным, ни на что не направленным. Победа над смертью неизбежно станет победой над самим человеком, которая приведёт к уничтожению культуры, к духовному уничтожению самого человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фролов, И. Т. О жизни, смерти и бессмертия: этюды нового (реального) гуманизма [Электронный ресурс] / И. Т. Фролов // Вопросы философии. – 1983. – № 1. – С. 84–98. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=329&Itemid=55. – Дата доступа: 06.06.2014.

2. Шиловская, Н. С. Феномен смерти в диалектике естественного и искусственного : дис. ... канд. филос. наук [Электронный ресурс] / Н. С. Шиловская. – Н. Новгород, 2004. – 197 с. – Режим доступа: URL: <http://www.dissercat.com/content/fenomen-smerti-v-dialektike-estestvennogo-i-iskusstvennogo>. – Дата доступа: 31.03.201.
3. Толстой, Л. Н. О жизни / Л. Н. Толстой // Собр. соч. : в 22 т. – М. : Худ. лит., 1984. – Т. 17. – 128 с.
4. Овчинников, В. Ф. Феномен таланта в русской культуре / Ф. В. Овчинников. – Калининград : Янтарный сказ, 2001. – 336 с.
5. Кремация – современный взгляд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://woityk.narod.ru/index/0-3>. – Дата доступа: 24.03.2014.
6. Око планеты. В Евросоюзе предлагают смывать тела умерших в канализацию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://okoplanet.su/politik/news-day/114811-v-evrosoyuze-predlagayut-smyvati-tela-umershih-v-kanalizaciyu.html>. – Дата доступа: 24.03.2014.
7. Русский собор. Выписки из святых отцов о смерти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.russkiysobor.com/vypiskiizotcov.htm>. – Дата доступа: 08.06.2014.
8. Дугин, А. Г. Абсолютная Родина [Электронный ресурс] / А. Г. Дугин. – М. : Арктогея, 1999. – 752 с. – Режим доступа: URL: <http://arcto.ru/article/308>. – Дата доступа: 31.03.2014.
9. Библиографический ресурс «Чтобы помнили». Юрий Ракша [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=349>. – Дата доступа: 08.06.2014.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.07.2014

Drobnaya E.V. Mortally and its Overcoming: Philosophical-cultural Aspect

The article discusses the natural and social aspects of socio-natural death, the role of culture-mortality subjects, the inclusion of the phenomenon of death in the socio-cultural space and its importance in shaping the axiological paradigm of society. The insight into the specifics of the relationship to the problem of human death and immortality within the secular and religious cultures is given. Yuri Raksha's creative work is given as an example of thinking about the issue of personal mortality in contemporary art. Conclusions about the importance of death in the process of improving the social nature of man and the spiritual foundations by the human life are made.

УДК 316.66+351

Ф.И. Храмцова

*д-р полит. наук, доц., зав. каф. теории и истории государства и права
Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске*

СОЦИАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ МОЛОДЕЖИ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Раскрыта актуальная и не разработанная в научном отношении тема социального иммунитета молодежи. Определены научно-концептуальные основы формирования социального иммунитета молодежи с учетом нарастания угроз глобализации. Выявлены детерминации политики государства в отношении молодежи, управления в сфере высшего образования как фактора национальной безопасности.

Введение

В условиях нарастания вызовов глобализации ключевую роль для обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь приобретает социальный иммунитет молодежи. Феномен «социальный иммунитет» разработан как специфический механизм противодействия внутренним рискам и внешним угрозам, призванный обеспечить несколько уровней безопасности индивидов, групп, общностей, государства. Разработка актуальной для общества проблемы отвечает политической стратегии более активного и широкого включения молодежи в государственное строительство. На необходимость решения задачи в условиях вызовов глобализации указывает Глава государства А.Г. Лукашенко в Посланиях белорусскому народу и Национальному собранию (19.04.2013 г., 22.04.2014 г.). Молодежь призвана стать субъектом обновления национальных интересов, обеспечить инновационный ресурс экономического роста, благосостояния общества.

Работа раскрывает главные задачи деятельности органов власти, управления по развитию молодежных инициатив, лидерства как механизма модернизации общества, обновления политических элит. Тема статьи отвечает социальному заказу, Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (2010 г.), Государственной программе высшего образования (2011–2015 гг.), Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг., Закону Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» (07.12.2009 г., № 65-3), Концепции и Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь (2011–2015 гг.), Кодексу Республики Беларусь об образовании (2010 г.).

Теоретический анализ проблемы исследования

Теоретический анализ проблемы показывает, что нарастание вызовов и угроз глобализации являются предметом исследования ряда авторитетных ученых. В частности, У. Бек полагает, что процессы глобализации делают шаткой несущую конструкцию традиционных расчетов безопасности. Сущность угрозы состоит в разворачивающемся тоталитаризме, подавлении национальных государств, разрушении индивидуальной и общественной нравственности, интеллектуального потенциала во всем мире. В этой связи российский философ А.М. Зиновьев отмечает, что «сверхвласть» через наднациональные структуры в условиях глобализации навязывает государствам законы, «отдает приказы, дает санкции, организует эмбарго, сбрасывает бомбы, морит голодом» [1]. По мнению белорусского философа И.Я. Левяша, в таких условиях нарастают опасности и угрозы рассогласований между нацией и государством как «ассиметрии

составных бывшего монолитного двуединства», что актуализирует императив обновления национальных интересов государства и ценностей общества: «Только примат выстоявших перед вызовами глобализации обновленных национальных интересов и ценностей способен определять взаимную адаптацию наций-государств и глобального мира» [2, с. 445].

Показательна позиция Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь М.В. Мясниковича, в частности, о значении политики государства в отношении молодежи: «Взаимоотношения государства и народа, особенно молодежи, являются ключевым моментом, потому что молодежь – это наиболее активная и мощная сила преобразования общества. Не удивительно, что именно через молодежь в мире идет хорошо организованная идеологическая и политическая борьба за территории, ресурсы, т.е. передел мира» [3, с. 16]. Очевидно, что геополитическая нестабильность, конкуренция государств за территории, ресурсы, рынки сбыта влияет на возрастание информационного, политического и духовного противоборства за молодежь. Многократно усиливается роль молодежи в обеспечении национальных интересов во всех сферах жизни общества: экономической, культурной, информационной, политической, научно-технологической, демографической, военной, экологической. Нарастают информационные угрозы в виде «экспорта демократии» в страны СНГ путем вербовки блоггеров, дискредитации должностных лиц, государственной власти, имиджа страны. Социальной базой дестабилизационных процессов в ряде государств является молодежь, более подверженная деструктивным влияниям извне. В ходе информационно-сетевых войн сокрушены правящие режимы в геополитическом пространстве «арабской дуги» (Египет, Тунис, Ливия, Сирия, Йемен), братской для Беларуси Украины.

Деструктивное влияние на молодежь пытаются оказать псевдорелигиозные группы, западные «ультра-гендерные» идеологии, которые направлены на девальвацию духовно-нравственных, семейных ценностей общества, разрушение «идентичности пола» молодых людей. В более чем 30 странах узаконены однополые браки, права усыновления (удочерения). Между тем во все эпохи семья всегда составляла духовное основание государства. Глобальная информационная война деструктивных сил по дестабилизации традиционной семьи понимается как реальная угроза национальным интересам.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (2010 г.) определяет, что одной из задач государственных институтов является нейтрализация, предотвращение внешних и внутренних угроз, особенно в отношении молодежи. Данная концепция выделяет источники внутренних и внешних угроз национальной безопасности, среди которых снижение образовательного потенциала нации; утрата этнокультурной идентичности; изменение шкалы жизненных ценностей молодежи; ослабление патриотизма, семейных и нравственных ценностей [4, с. 7, 20].

Социальный иммунитет молодежи трактуется как многокомпонентная категория социологической науки, обозначающая целеполагание, принципы, механизмы, средства, прогнозируемый результат обеспечения безопасности личности, общества, государства. Социальный иммунитет молодежи обозначает способность молодого индивида, социальных групп, общностей молодежи осознанно противостоять деструктивным влияниям внутренней и внешней среды на мировоззренческую сферу личности, духовные идеалы, нравственно-семейные ценности, культуру здорового образа жизни и досуга, устойчивость национально-государственной позиции в целях сохранения безопасности страны. Полифункциональность феномена «социальный иммунитет молодежи» состоит во взаимосвязи уровней и направлений обеспечения национальной безопасности: 1) конституционных прав, свобод молодого гражданина; 2) материальных, духовных ценностей общества, личности, государства; 3) государственного суверенитета, территориальной целостности, конституционного строя.

Необходимость концептуализации проблемы социального иммунитета молодежи обуславливает анализ генезиса органицизма в социологии. Предпосылки становления и развития общей теории социального иммунитета связаны с органистическим подходом в исследовании проблем общества как целостного социального организма. Органицизм – это социологический и политологический подход, научная концепция и парадигма знания. Понятие «иммунитет» (от лат. *immunitas* – освобождение от повинностей, избавление), означает: 1) способность живых существ противостоять действию повреждающих агентов, сохранять целостность, биологическую индивидуальность; защитная реакция организма [5, с. 570]; 2) совокупность прав и привилегий, предоставляемых определенному кругу лиц [6, с. 301–302]; 3) изъятие от податей и повинностей, даруемое отдельным лицам и сословиям, целым общинам. В Древней Греции и Древнем Риме иммунитет даровался во время больших несчастий общинам в виде привилегий, иногда навсегда [7, с. 10]. Отмеченные дефиниции иммунитета позволяют выделить социально-правовой аспект термина, который состоит в закреплении прав как привилегий на уровне некоторых категорий граждан, социальных групп, что обеспечивает их защищенность в кризисных ситуациях. Последнее актуально в отношении объекта исследования: молодежи как цели политики государства, объекта и субъекта национальных интересов для формирования социального иммунитета в условиях нарастания рисков и угроз глобализации. Это означает, что необходимо формировать у молодежи способности к осознанному противодействию негативному влиянию внешней и внутренней среды в условиях глобально-локального социума. Особая роль в этом процессе должна отводиться адресной поддержке и защите молодежи как уязвимой категории на жизненном старте, а также в кризисных жизненных ситуациях.

В качестве предпосылок становления и развития теории социального иммунитета явились положения, разработанные в русле органицизма, в трудах Т. Гоббса, Г. Гегеля, Г. Спенсера, П. Лилиенфельд-Тоаля, Л. Фон Штейна, Э. Дюркгейма, П. Штомпки, В.Б. Живетина и др. Раскроем основные положения теории социального иммунитета.

1. Трансформирующееся общество в условиях нарастания угроз глобализации есть динамико-синергетический социоорганизм, представляющий собой совокупность подсистем, ресурсов, структур управления, контроля и прогноза. В целях стабильного социофункционирования требуется объединение индивидов, социальных групп, общностей через сцепки, связи, отношения на основе общих целей, ценностей, морали, идеологии (Б. Живетин). Нарушение этико-правовой триады (этика, право, закон) в функционировании общества ведет к патологиям в виде внутренних социальных рисков, опасностей и ряда угроз извне. Объектом деструктивного воздействия является, в первую очередь, молодежь, как незрелая в социальном отношении часть общества. Социальные патологии в молодежной среде имеют различные формы, специфика которых состоит в том, что они способны оказать дестабилизирующее влияние на развитие всего общества, а это представляет угрозу интересам государства, его безопасности.

2. Детерминантами устойчивого развития общества являются универсальные законы глобальной коэволюции человека, общества, природы, духовности на принципах взаимосвязи, целостности, единства. Механизмами преодоления внутренних рисков и внешних угроз для устойчивого развития общества выступают принципы рефлексивности общественно-группового сознания, расширения социальных связей в условиях закона разделения труда как перехода от механической социальной солидарности к солидарности нового органического типа в условиях усиления дифференциации труда (Э. Дюркгейм).

3. Основным субъектом преодоления социальных патологий, рисков и угроз в отношении молодежи является государство, с функциями социального; национальное государство есть проводник права и законности, субъект обновления общества; гарант

конституционных прав, экономических и политических свобод; носитель политических ценностей честности, ума, доброты, справедливости (Г. Спенсер). Цель государства состоит в понижении системы социальных неравенств молодежи, расширении равенства возможностей на жизненном старте, адресной поддержке уязвимых категорий молодежи, формировании у нее основ риск-самоменеджмента.

В данной работе предпринята научная концептуализация проблемы формирования социального иммунитета у молодежи на основе развития подхода З.А. Жапуева. Российский социолог З.А. Жапуев в работе «Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: факторы риска и стратегии повышения» опирается на позицию А.А. Зиновьева для разработки общей теории социального иммунитета [8]. Согласно мнению З.А. Жапуева, первый аспект феномена «социальный иммунитет» означает способность общества противостоять угрозам внешнего характера, связанным с проникновением в социальный организм чужеродных элементов (идей, ценностей, образцов), разрушающих его целостность, интегрированность, адаптационный потенциал в период социальных трансформаций (в рамках классической социологии). Вторым аспектом социального иммунитета определен автором в рамках современной социологии как некий механизм, который позволяет обществу регулировать степень влияния рисков и угроз за счет невосприимчивости чужеродных по отношению к нему элементов разрушительного характера и сохранять за счет этого стабильность и адаптивность к внешней среде [8]. В обосновании этого положения З.А. Жапуев интерпретирует закономерность «социально-биологической двойственности реальности» О. Конта [8, с. 6]. Исходя из этого З.А. Жапуев разрабатывает новые для науки понятия:

1) «врожденный иммунитет» – институционально обусловленная устойчивость социума к воздействиям внешней и внутренней среды, рисков и угроз;

2) «приобретенный иммунитет» – результат взаимодействия «иммунной системы общества с внешней средой, ее влияниями», в ходе которых формируется механизм противодействия;

3) «иммунная система общества» – защитный механизм, основу которого составляет институциональная система, нормы, ценности, культурные образцы, ментальные структуры.

Вместе с тем подчеркиваем определенную уязвимость трактовки З.А. Жапуева феномена «врожденный иммунитет». З.А. Жапуев односторонне выделяет институциональный механизм развития устойчивости социума к воздействиям внешней и внутренней среды. Это ограничивает роль, источники аксиологического аспекта понятия «врожденный иммунитет», который, по нашему мнению, формируется не столько и не только институциональными способами, сколько за счет воспроизводства архетипов коллективного бессознательного на уровне «идеологической матрицы» менталитета нации через институты семьи и формирующегося гражданского общества (М. Хайерцфельд). Такая посылка позволяет выделить важные аспекты социального иммунитета молодежи: 1) *укрепление «врожденного социального иммунитета молодежи»* путем приобщения к духовным, нравственным и семейным ценностям на основе моделирования «идеологической матрицы» как содержательного наполнения учебно-воспитательного процесса в вузе; 2) *формирование условий для формирования социального иммунитета молодежи как приобретенных качеств* через здоровьесберегающую, культурно-досуговую, общественно-политическую деятельность.

Структура и содержание феномена социального иммунитета молодежи включает взаимосвязанные компоненты направленного социального развития личности:

1. *Мировоззренческий* (мировоззрение критического типа; инновационный тип мышления, национальная идентичность; политическое правосознание, патриотизм, гра-

жданственность, уважение истории народа, институтов государственной власти и атрибутов национальной государственности; экстерниоризация духовно-нравственных, семейных ценностей; политическая, правовая, гендерная культура, культура здорового образа жизни, культура досуга).

2. *Эмоционально-волевой* (приоритет прав, свобод, самоуважение, солидарность, патриотизм, гордость за достижения народа, ответственность, долг, толерантность, трудолюбие, воля, целеустремленность, моральные качества, лидерские навыки, милосердие, эстетическое отношение к действительности и др.).

3. *Поведенческий* (навыки безопасности, правоответственность, социально-политическая активность, национально-государственная позиция, благотворительная, творческая, научно-познавательная деятельность, участие в структурах гражданского общества и др.).

Методология формирования социального иммунитета молодежи

Разработанная методология позволяет выявить *нравственную детерминацию социального иммунитета молодежи*, что предопределяет приоритет традиций, ценностей общества как содержания воспитания по таким направлениям, как гражданско-патриотическое, идеологическое, нравственное, правовое, информационно-политическое, эстетическое, гендерное, трудовое, экологическое воспитание, здоровый образ жизни, культура досуга, безопасность жизнедеятельности, психологическая культура. Принципами формирования социального иммунитета молодежи выступают: 1) развитие национальной идентичности молодежи как фактора национальной безопасности; 2) интеграция потенциала молодежи в структуры модернизации; расширение возможностей доступа к ресурсам власти, процессам принятия политических решений, социальным благам; 3) обеспечение вариативности разделения, перемены, конкуренции рынка труда, занятости, регулирование экономического поведения; 4) мотивация здорового образа жизни.

Методология социального иммунитета молодёжи включает взаимосвязанные методы: 1) адаптации, интеграции молодёжи в систему общественно-политических отношений, мотивации социальной, экономической и политической активности; 2) нейтрализации рисков и угроз социализации, аддиктивности (формы психофизической зависимости), девиантности (поведение индивида, отклоняющееся от социальных норм), делинквентности (уголовно наказуемое поведение индивида) посредством технологий культурно-досуговой, творческой, волонтерской, здоровьесохранительной, общественно-политической деятельности; 3) прогнозирования результатов политики в отношении молодёжи на основе развития молодёжных инициатив, молодёжного движения, институтов студенческого самоуправления, молодёжного парламентаризма, социального партнёрства с целью формирования национальной идентичности, политической культуры.

Социальный иммунитет молодежи как основополагающая характеристика личности означает наличие новообразований индивида, которые обеспечивают несколько уровней защиты: 1) личностно-индивидуальный; 2) социальный; 3) политический; 3) глобально-локальный. Каждый уровень проявления интегративного качества индивида – социального иммунитета – определяет способы социализации индивидов, соответствующие и взаимосвязанные виды деятельности. Процесс формирования социального иммунитета следует понимать как направленный, поэтапный переход и движение индивида от одного уровня сложности к более высокому уровню индивидуальной траектории развития. Так, *на первом уровне* формирования социального иммунитета индивида (личностно-индивидуальном) ведущими способами социализации являются интернализация и экстерниоризация духовно-нравственной культуры, гендерной культуры, культуры здорового образа жизни и культуры досуга. Процессы социализации призваны обеспечить развитие национальной и гендерной идентичности молодой личности как осоз-

нание своей принадлежности к нации, ее культуре, традициям, как представителя социально-демографической группы. *На втором уровне* формирования социального иммунитета индивида ведущими способами являются приобщение и воспроизводство в системе общественных отношений ценностей культуры: правовой, информационно-технологической, инновационной, деловой, экологической, семейно-бытовой, психологической, коммуникативной. *Третий уровень* развития социального иммунитета у молодой личности включает формирование политического правосознания на основе правовой, политической и гражданской культуры, накопление опыта общественно-политической деятельности, развитие гражданственности, самоуправления и самоорганизации, овладение лидерскими навыками. Социализация третьего уровня формирует сложный вид социального иммунитета – политический иммунитет, обеспечивающий выполнение гражданских ролей, отстаивание национальных интересов через участие в процессах принятия политических решений, в государственном управлении, деятельности политических партий, объединений, социальных движений. В результате формируется политическая идентичность молодежи, осознание своей роли в политической системе общества. *На четвертом уровне*, глобально-локального масштаба, более сложном, в условиях вызовов нарастающей глобализации, предполагается объединение усилий институтов государства, структур гражданского общества, обеспечивающее целенаправленное формирование социального иммунитета индивида на основе взаимообогащения национальной и мировой культуры. В результате формируется социальный иммунитет глобальной направленности, признаком которой является культура мира. Благодаря этому молодая личность становится гражданином мира, диалога культур в интересах личности, общества, государства, цивилизации.

Практика политики в отношении молодежи в Республике Беларусь

В ходе авторских исследований (2007–2014 гг.) на базе Российского государственного социального университета (г. Москва) и его Филиала в г. Минске выявлены дестерминации политики государства в отношении молодежи, качества управления социализацией в сфере учреждений высшего образования и устойчивости социального иммунитета. В условиях формирования общества знаний стратегией деятельности учреждений высшего образования призвано стать развитие социального потенциала молодежи как ресурса модернизации общества, отстаивания национальных интересов. Качество образовательного, экономического, политического, духовно-нравственного потенциала и социального здоровья молодых людей влияет на состояние иммунитета всего общества, наращивание инновационного капитала страны. Идеино-воспитательная работа в вузе сегодня является одним из эффективных инструментов не только образовательной, но и молодежной, социальной политики. Актуальными направлениями деятельности являются: укрепление идеологических основ социализации студентов в вузах; включение молодежи в процессы интеграции науки и образования, сферу управления; обеспечение гарантий адресного характера в отношении социально уязвимых групп молодежи, поддержка молодой семьи; стимулирование социальной активности молодежи, развитие творческих способностей, культуры досуга ранняя профилактика негативных явлений в молодежной среде; мотивация политического правосознания молодежи как субъекта национальных интересов Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиновьев, А. А. Запад против России: взгляд философа / А. А. Зиновьев // *Le Figaro*. –1999. – 24 июля.

2. Левяш, И. Я. В поисках идентичности: культурный универсализм contra партикуляризм / И. Я. Левяш ; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2013. – 482 с.

3. Мясникович, М. В. О роли гуманитарных наук в социально-экономическом и политическом развитии страны / М. В. Мясникович // Новейшая история (1991–2006): государство, общество, личность : материалы Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 29 сент. 2006 г. / НАН Беларуси. – Минск, 2006. – С. 9–17.

4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. – Минск : Белорус. дом печати, 2011. – 48 с.

5. Новейший энциклопедический словарь. – М. : АСТ ; Астрель ; Транзиткнига, 2006. – 1424 с.

6. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков ; под ред. д-ра филол. наук Н. Ф. Татьянченко. – М. : Альта-Пресс, 2005. – 1216 с.

7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1894. – Т. XIII: Имидоэфиры – Историческая школа. – 480 с.

8. Жапуев, З. А. Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: теоретические предпосылки концептуализации и социологические рамки исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. – Вып. 6. – М., 2012.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.03.2015

Hramtsova F.I. Social Immunity of the Youth as the Object of Government Policy: Theoretical-methodological Aspects

The current and non-developed in scientific respect theme of social immunity of the youth is considered. Conceptual bases of formation of social immunity of the youth taking into account globalization threats are defined. Determinations of policy of the state concerning the youth, pedagogical management of socialization in the sphere of higher education and social immunity of the youth as factor of national security are revealed.

УДК 303.442

Ю.П. Бондарь*канд. полит. наук, доц.,**ректор Белорусского государственного университета культуры и искусств***ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОД БЕЛАРУСИ**

В статье раскрывается взаимосвязь идеологии, культуры и цивилизации как в формировании патриотического и нравственного сознания и поведения личности, так и в понимании логики современного развития Республики Беларусь. Акцентируется внимание на определяющей роли духовно-нравственных принципов в развитии современного белорусского общества.

Введение

Высокая культура - это наше национальное достояние, наша национальная гордость. В Беларуси в последние годы многое делается для сохранения и развития самобытной национальной культуры, для развития высокой классической культуры. Надо отдать должное многим учреждениям культуры и их работникам за их бескорыстный, самоотверженный труд в деле формирования духовных устоев общества. У нас успешно работают и несут людям высокие гуманистические идеалы, духовно-нравственные и эстетические ценности Национальный академический театр оперы, Национальный академический театр балета, Национальный академический драмтеатр имени Я. Купалы, Белгосфилармония и многие другие прославленные и признанные коллективы. Они достойно представляют нашу республику в разных странах мира, знакомят с лучшими достижениями современной белорусской культуры. Главное наше богатство – это работники сферы культуры. Только творческие союзы белорусских писателей, композиторов, кинематографистов, художников, музыкальных и театральных деятелей, мастеров народного творчества, дизайнеров, литературно-художественных критиков насчитывают около 6 тыс. человек. Это мощнейший социальный слой творческой интеллигенции, представляющий белорусскую национальную культуру. Надо привести в движение эту огромную творческую силу, сориентировать на созидательную работу в русле идеологии белорусского государства. От этого выиграет и сама творческая интеллигенция, и общество в целом. От политических дискуссий, спекуляций, что характерно для части творческой интеллигенции, надо переходить к конкретному будничному делу по укреплению духовно-нравственных устоев белорусского общества.

Патриотизм как элемент национального кода белорусов

Будущее нашего общества и государства органично связано с процессом становления и развития молодого человека, его физических и интеллектуальных способностей, высоких моральных качеств, патриотизма, духовности вообще. Одна из приоритетных задач в идеологической работе – гармоничное развитие личности и творческих способностей учащихся и студентов. Сегодня вряд ли кто-либо усомнится, что без образованного человека невозможно развитие нашего общества. Но развитие нашего общества невозможно и без ответственного и воспитанного человека. Обществу нужны не только знания, но и культура, нравственность, ценности, т.е. идеология.

Но, как известно, человек не рождается с готовыми знаниями и устоявшимися социально-нравственными принципами и убеждениями. И знания, и нравственные устои, и убеждения формируются в процессе жизни: сначала в семье, затем в различных образовательных учреждениях. Именно поэтому в последние годы самое пристальное внимание уделяется системе образования. И надо сказать, что тут произошли значительные позитивные изменения. Прежде всего, возрос интерес молодежи к знаниям.

Стали более серьезными отношения к учебе и самих студентов. В то же время следует признать, что сложившаяся практика образования пока еще не обеспечивает необходимого уровня умственного, нравственного, патриотического и духовного развития личности. В этой части идеологической работы есть вопросы, требующие своего решения. Можно выделить такие, как формирование патриотизма, нравственной, политической, правовой культуры.

Например, патриотизм. Это особое, смыслообразующее, одно из наиболее глубоких чувств, уходящее своими корнями в глубь веков. А оно сейчас размывается, особенно у молодого поколения. Для многих молодых людей понятия «Родина», «Отчизна» приобретают какой-то неактуальный, потусторонний смысл. Но обществу ведь важно сохранить наши национальные устои, устоять перед жестоким прессингом низкопробной масскультуры, сформировать патриотическую молодежь. И в плане патриотического воспитания очевидно возрастание значения идеологической работы в вузах. Ведь идеология означает не только политический, но и моральный выбор. Именно она формирует нравственную культуру молодых людей. Но и здесь не все в порядке. Мы во многом потеряли те качества, то самое драгоценное, что когда-то было нам присуще, то, что заложено в генетическом коде нашего белорусского характера: мудрость, справедливость, взаимопомощь, солидарность, поддержка друг друга в трудную минуту. Именно такие нравственные ценности и составляют содержание идеологии белорусского государства. Именно такие нравственные качества и призвана культивировать идеологическая работа среди молодежи. Опасно, когда сознанием молодого человека управляет культ денег, когда он ориентируется только на праздное, нетрудовое существование, на стремление стать богатым любой ценой.

Наше общество вступает в век информационных технологий, с помощью которых можно манипулировать сознанием людей и особенно сознанием молодежи. Чтобы не поддаваться на подобные манипуляции, правильно разбираться в жизненных ситуациях, надо быть политически грамотным человеком, нравственно-культурным человеком.

В начале было Слово – вот философия истории христианства. А что кладет в основу человеческой деятельности современное западное общество? Информацию. Но между «словом» и «информацией» имеется принципиальное различие. В истории культуры слово всегда играло концептуальную роль и ассоциировалось с первоначалом всего сущего. Слово было синонимом истины, и в этом плане «слово» совпадало с понятием «смысла жизни». Информационный же продукт индифферентен к проблеме смысла жизни, истинности. Он может заключать в себе ложное содержание. Отход от смысла, истины есть в то же время отход от человека.

Цивилизационная природа Беларуси

Повсеместное наступление информационных технологий, подминающих сложившиеся в веках человеческие ценности, ведет к тому, что берет верх холодный и равнодушный прагматизм. В результате такая информатизация ведет к утрате человеком своего первородного начала – слова, а следовательно, истины. Обилие информации приводит к обесцениванию того, ради чего информация осваивается, к обесцениванию Истины. Ум погружается в пучину информационной тьмы (массы сведений и впечатлений), отторгается от мыслящей души и сердца. Поэтому когда говорят, что много информации не бывает, то это можно понимать и так, что если много информации, то, значит, много и дезинформации. Таким образом, феномен обесчеловечивания во многом порождается современной бездумной установкой на создание информационного общества. Не существует универсальной цивилизации. Социальные нормы, ценности, принципы организации, социальные институты одной цивилизации не могут считаться эталонными для других цивилизаций. «Цивилизации формируются и развиваются естественно-

исторически; цивилизацию нельзя перенести искусственно, экспортировать; заимствовать можно только поверхностные, отдельные ее элементы» [1, с. 123]. Но это не исключает преемственности в развитии цивилизаций. Результаты, достигнутые цивилизациями прошлого, обогащали последующее историческое развитие, входили в сокровищницу всего человечества. Каждая отдельная цивилизация не имеет монополии на свои собственные культурные наработки. Сменяются народы и поколения, перемещаются сцены исторической жизни, изменяются социальные порядки, чередуются цивилизации, но нить исторического развития не прерывается. И поколение за поколением сохраняет тот культурный запас, который накоплен в ходе исторического развития. Цивилизации по-разному дополняют принятый культурный запас собственными достижениями и передают все это следующим поколениям, следующим цивилизациям.

Таковыми высочайшими вершинами были доведенное до совершенства древнегреческое понимание эстетики, красоты, гармонии, воплощенное в ее искусстве и особенно в скульптуре. Главным достижением древнеримской цивилизации было ее государственно-политическое устройство, положившее основание науке права и представившее образец гражданского кодекса, которым и поныне восхищаются юристы всех стран. Восточные культурно-исторические системы: китайская, индийская – морально-нравственные цивилизации, или, как их называют, традиционные, подарили миру компас, бумагу, порох, шелководство, шахматы, гравюру. Индийская поэзия и архитектура, китайская философия и медицина обогатили мировую науку и культуру.

Многим народам в силу целого ряда причин не суждено сформировать своих цивилизаций. Они либо полностью ассимилируются и растворяются в более крупной цивилизации, либо входят в нее как самобытные этнокультурные пласты, увеличивая ее многообразие и культурное богатство. Наличие разнообразных этнокультурных пластов – одно из условий формирования развитой, полноценной цивилизации. Иногда роль этнокультурного материала играют народы умерших цивилизаций, которые, смешиваясь с другими этническими элементами, образуют новую культурно-историческую систему. Так было с народами, входившими в Римскую империю, которые после ее падения подверглись германизации и вошли в состав новой западной цивилизации.

Исторической иллюстрацией невозможности искусственного перенесения, насаждения одной цивилизации среди народов другой культурно-исторической системы может служить, к примеру, попытка эллинизации Востока, предпринятая Александром Македонским. По существующим до сих пор теориям, эллинизм, или античная цивилизация как основа современной европейской цивилизации должна считаться универсальной, а походы Александра Македонского – не столько завоевательными, сколько цивилизаторским движением. Однако миссия экстраполяции цивилизации оказалась ничтожной. В восточноазиатской части империи Александра Македонского через 70–80 лет при помощи парфян были восстановлены иранские социально-культурные традиции, которые продолжали господствовать в новых Парфянском и Сасанидском царствах. В областях западнее Евфрата, казалось бы, эллинистическая культура привилась гораздо лучше. В Сирии, Малой Азии правили цари греческого происхождения. Большие города переняли греческие обычаи и стиль жизни. Греческие архитекторы, скульпторы, ювелиры, ремесленники пользовались большим спросом и имели выгоднейшие рынки сбыта. Особенно преуспевал в этом смысле Египет, где при покровительстве Птолемея в Александрии были собраны богатейшие библиотеки, музеи, академии, процветали философия и естественные науки. Но все эти ученые, философы были греками и писали по-гречески. Это был поверхностный слой, не затронувший этнокультурной почвы собственно Египта. Просвещенная Александрия была греческой колонией, и греческая цивилизация нисколько не передалась Египту и Востоку вообще. Сейчас о ней напоминают лишь сохранившиеся там архитектурные и археологические памятники.

Еще один пример из другого времени, подтверждающий, что незнание цивилизационных закономерностей может закончиться для незнающих плачевно. Когда испанцы, попав в Америку, столкнулись там с высокоорганизованными в социальном отношении государствами ацтеков, инков и муисков, то решили насадить среди них собственную культурную систему. Всех вождей индейских племен они зачислили в идальго, давали им титул «дон», если те были крещены, освобождали их от налогов, обязывали нести военную службу и посылали учиться в Саламанку. Испанцы полагали, что, переименовав Анагуак в Новую Испанию и Чибча в Новую Гренаду, изменив титулатуру индейцев и научив их говорить по-испански, они создадут единую и прочную социально-культурную общность и сделают ацтеков и инков частью европейской культурно-исторической системы. За незнание естественно-исторических законов развития цивилизации и попытку заменить их своими представлениями о культуре испанские «цивилизаторы» заплатили в начале XVI в. очень дорого: все окончилось жестокой резней.

Вот почему в реальности перенос чужой цивилизации в другую этнокультурную среду ведет лишь к уничтожению того народа, которому навязывается чуждая цивилизационная система. Как это и происходило со многими племенами американских индейцев или с коренными народами Австралии и Новой Зеландии, когда пришедшие туда европейцы в буквальном смысле освобождали себе пространство от местного населения. Поэтому Организация Объединенных Наций в 2007 г. приняла Всеобщую декларацию прав коренных народностей, чтобы поставить их под международную юрисдикцию. Основными пунктами данной Декларации являются свободное самоопределение племенных образований, закрепление за ними мест проживания и права распоряжаться природными ресурсами. «Одной из важных политических тенденций последнего десятилетия стал мощный подъем во всем мире – от Боливии до Камбоджи и от Канады до Эквадора – движений коренного населения. В их основе лежит требование защитить права коренных жителей на исторические земли и природные богатства. По внутреннему убеждению коренных жителей, они обладают исконным правом владеть, занимать и коллективно эксплуатировать свою землю, и этим правом они наделены не как индивиды, а как община, племя или коренной народ» [2, с. 79].

Самыми решительными противниками Декларации в таком виде были Австралия, Канада, Великобритания, США и Новая Зеландия, т.е. те образования, которые являются чужеземными по отношению к коренным народам. Правительства этих стран не желают отказываться от колониального наследия. Или же от того, что уничтожаются исконные ценности, народное начало, самобытность, национальная культура, а народ превращается в стерилизованный этнический материал, из которого лепятся желаемые для «цивилизаторов» формы. Можно также упомянуть средневековых германцев, покоривших многочисленные племена на европейской территории. «Тактика завоевателя была такова: после военной победы в стан германцев вызывался ведущий слой побежденного народа; эта аристократия вырезывалась на месте; затем обезглавленный народ подвергался принудительному крещению в католицизм, несогласные убивались тысячами; оставшиеся принудительно и безропотно германизировались» [3, с. 257].

Насаждение цивилизации следует отличать от взаимодействия между цивилизациями, заимствования друг у друга достижений науки, технологических открытий, усовершенствований в промышленности. Результаты же познания в области человека и общества, социальные инновации должны приниматься к сведению как один из элементов сравнения «по одной уже той причине, что при разрешении этого рода задач чуждая цивилизация могла иметь в виду только решение частное, только ее одну более или менее удовлетворяющее, а не общепринимаемое» [4, с. 85]. Итак, заимствование, передача результатов деятельности одной цивилизации народам другой цивилизации являются плодотворными только тогда, когда цивилизация-донор сохраняет свой образ

жизни, свои культурные, бытовые традиции, свой национальный характер, склад мыслей и чувств как единственно ей свойственные, одним словом, сохраняет свою самобытность. Народное начало составляется из многих национальных начал, того этнокультурного многообразия, из которого складывается единая цивилизация.

Беларусь и современный мир

Беларусь по сущности и ценностным ориентациям историко-культурного развития следует отнести к восточнославянскому цивилизационному типу развития. История Беларуси в составе различных государственных образований (Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя, Советский Союз) всегда отличалась восточнославянским цивилизационным своеобразием. Национальному характеру белорусского народа характерно внедрение в социально-политическую практику следующих основополагающих принципов межкультурного диалога:

1. Усвоение прогрессивного опыта, как правило, происходит при сохранении цивилизационных особенностей каждого сообщества, его традиционного образа жизни, культуры и менталитета.

2. Беларусь заимствует из опыта иных цивилизаций только те идеи, ценности и формы, которые она в состоянии освоить в рамках своих национально-культурных возможностей и перспективных целей развития.

3. Элементы другой цивилизации, перенесенные на белорусскую почву, творчески перерабатываются под влиянием местных традиций и ценностных ориентаций.

4. В результате диалога современная мировая цивилизация приобретает не только форму целостной системы, но и внутреннее многообразие при сохранении идеалов гуманизма в качестве доминанты развития.

Достигнутый уровень развития человеческой цивилизации, а также сложность ожидаемых ее проблем в XXI в. потребует более высокого уровня управления, чем когда-либо в прошлом. Должен быть в максимальной мере задействован потенциал всего механизма социального управления, включая государства и их право, а также международные организации и международное право. Процессы развития современной цивилизации открывают огромные возможности для развития человечества на основе межкультурного диалога. Но они могут вызывать и вызывают отрицательные последствия, дестабилизирующие общество и культуру: экономические, социальные и политические конфликты; нарастающее неравенство стран и народов, постоянное отставание государств третьего мира; возрастающие неконтролируемые миграции населения в развитые страны; межнациональные столкновения и региональные войны. Серьезным дестабилизирующим фактором начала III тысячелетия стал международный терроризм, использующий все более опасные разработки военных технологий.

Современная цивилизация вплотную подошла к рубежу, когда необходимо сделать человека целью общественного и культурного развития. Традиционные цели, которые преследовали правительства и государства: рост власти и могущества, извлечение все большей прибыли, – исчерпывают себя. Они приводят человечество в тупик, на грань гуманитарной и экологической катастрофы. Чем быстрее и глубже будет осознана необходимость переориентации целей, тем успешнее будут преодолены угрозы надвигающихся катастроф.

Поиск своего пути развития всегда был характерен для белорусского народа, на протяжении всей его истории. Существуют традиционные ценности, которые объединяли и объединяют белорусов в нацию. Это такие ценности, как Добро, Совесть, Долг, Красота, Милосердие, Взаимоуважение и Взаимопонимание. При этом для белорусского народа, как представителя восточнославянской цивилизации, характерны также ориентация на коллектив, отношение к человеку исходя из его качеств, более суще-

ственная роль культурных стандартов (по отношению к роли прагматических мотивов), добродушие, лояльность, терпимость, гостеприимство. Устойчивая ориентация на традиционные, а не на индивидуалистские ценности существования, трудолюбие, жизненный рационализм и бережное отношение к семье и дому, отрицание насилия, но вместе с тем свободолюбие, храбрость, ощущение независимости, миролюбие, покладистость – вот что отличает белоруса как представителя самобытной нации.

В сфере культуры и общественной жизни нашей республике присущ не агрессивный национализм, а уважительное отношение к другим народам, возрождение духовности и сохранение традиционных религиозных конфессий, искусства во всех формах. Ведущую роль играют народное творчество, народная культура, все то, что мы определяем в форме *базисных* категорий политического и культурного процесса. Это позволяет нашему обществу достичь нормативного и ценностного консенсуса, избежать конфронтации и борьбы не на жизнь, а на смерть между партиями и движениями: ведь одна и та же национальная идентичность присуща и правым и левым, и радикалам и умеренным. Политический и идейный плюрализм в сообществах, объединенных национальной идентичностью, облегчает процесс демократического строительства, делает его более прочным и стабильным. А это, в свою очередь, позволяет сохранить белорусскую идентичность и закрепить за белорусским народом статус полноправного субъекта истории и мирового сообщества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орлова, И. Б. Современные цивилизации и Россия / И. Б. Орлова. – М. : ИСПИ РАН, 2000. – 268 с.
2. Доклад о развитии человека за 2004 год. Культурная свобода современном многообразном мире. – М. : Весь мир, 2004. – 328 с.
3. Ильин, И. А. Наши задачи / И. А. Ильин. – М. : Республика, 1992. – 430 с.
4. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : ЭКСМО, 2003. – 459 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.02.2015

Bondar Y.P. Civilizational Code of Belarus

The article reveals the interrelations between ideology, culture and civilizations both in the process of formation patriotic and moral consciousness and behavior of a personality as well as in understanding the logic of the contemporary development of the Republic of Belarus. The leading role of spiritual and moral principles in the development of the contemporary of the Belarusian society is emphasized.

УДК 327.5 [470+476]

Х.С. Галстян*канд. полит. наук, доц., доц. каф. международных отношений
Ереванского государственного университета (Армения)***ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОСТИ**

В XXI в. важными характеристиками постмодернистского теоритико-идеологического миропонимания являются увеличение доли «неопределенностей» и рост «взаимозависимости» во всех сферах жизнедеятельности человека, тем самым выявляя объективную необходимость более интенсивного применения диалоговых форм коммуникации в общественно-политической жизни современного общества.

Введение

Общественно-политическое развитие первой половины XX в. показали ограниченность и хронологическое несоответствие теоритико-концептуальных и политико-идеологических ориентиров эпохи модернизма. Речь, в частности, идет о таких возвышенных ценностях, провозглашенных обществом модерна, как абсолютизация роли научно-технического прогресса, линейность политического развития общества, широкое применение монологических форм политической коммуникации, чрезмерная рационализация человеческой деятельности и т.д. В свою очередь, по мере индустриализации общества в мире появились новые негативные тенденции и «черные дыры» развития общества: тоталитарные диктатуры, большие социальные потрясения, мировые войны и экологические катастрофы. По словам В. Библера, «уже в первой четверти XX века, в его социальных взрывах, в первой мировой войне, в назревании чудовищных тоталитарных диктатур ...иными словами – в решающих трагедиях XX века, которые, казалось бы, не имеют к культуре никакого отношения, именно в них обнаруживается и осознается роковое исчерпание и расщепление единой лестницы прогрессивного восхождения европейской цивилизации: науки – техники – материального благополучия – морали – социальной матрицы – по ступеням тех, как будто бы единственных и всеобщих ценностей, смыслов жизни» [1, с. 262].

Особенности постмодернистского дискурса на современном этапе

В этом смысле постмодернизм выступает как *suigeneris* реакция на прямолинейное мировосприятие эпохи модерна, отрицая позитивистские, технократические и рациональные основы линейного развития общества. В целом можно констатировать, что постмодернизм отражает интегральную совокупность современного постиндустриального, информационного и коммуникационного общества, который определенным образом трансформирует и всю политическую жизнь общества, выявляя все новые и новые проблемы и концептуальные подходы понимания современных реалий. В частности, одной из важных характеристик постмодернистского теоритико-идеологического миропонимания является увеличение доли неопределенностей во всех сферах жизнедеятельности человека, тем самым выявляя объективную необходимость более интенсивного применения диалоговых форм коммуникации в общественно-политической жизни современного общества.

Дело в том, что мир сегодня находится в такой стадии своего развития, которую условно можно назвать «эрой глобальных неопределенностей». Чем отличается это новое состояние? Если раньше на мега-, макроуровнях и на уровне мезополитики политическое время протекало медленно и, следовательно, более прогнозируемо, то сегодня, в первой четверти XXI в., глобализация политики, геополитические и геоэкономические

кие изменения стремительным образом меняют политическую мозаику мира, и политические процессы и изменения внутри отдельных государств и регионов происходят стремительными темпами. Без преувеличения можно сказать, что неопределенность стала естественным состоянием отражения и восприятия политической действительности. Такие трансформации временного и пространственного континуума политики, переход от традиционных подходов истолкования политических явлений и событий к модернистским и постмодернистским теориям в большей степени напоминает ситуацию, сложившуюся в естествознании между классической и квантовой механикой по поводу восприятия и объяснения объективной реальности. Сторонники классической механики представляли такую картину окружающей действительности, где не было места неопределенностям и случайностям. Все, начиная от Вселенной, и кончая человеческим обществом, находилось в причинной взаимосвязи, а Лапласовский детерминизм и концепция «машинной цивилизации» были ведущими научными парадигмами того времени. По этому поводу И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают: «Приверженцы классической науки рисовали картину мира, в которой любое событие однозначно определяется начальными условиями, задаваемыми (по крайней мере в принципе) абсолютно точно. В таком мире не было места случайности, все детали его были тщательно подогнаны и находились «в зацеплении», подобно шестерням некоей космической машины. Широкое распространение механистического мировоззрения совпало с расцветом машинной цивилизации. Бог, играющий в кости, был плохо совместим с машинным веком, который с энтузиазмом воспринимал научные теории, изображавшие Вселенную как своего рода гигантский механизм» [2, с. 14].

На самом деле до открытия основных закономерностей квантовой механики научная мысль руководствовалась законами классической механики, где на уровне макрообъектов при низких скоростях (иными словами, при медленной темпоральности политического времени) можно было в любой момент времени вычислить траекторию движения объекта в данной системе координат. А на уровне микрочастиц эти закономерности трансформируются, а в рамках теории неопределенности о траектории микроскопических единиц можно говорить только относительным образом. И это зависит не от ограниченности умственных и исследовательских возможностей человека, а, наоборот, неопределенность является вполне естественным состоянием объекта. В этом смысле надо отметить, что аналогичные изменения происходят и в сфере политики, где неопределенности становятся неотъемлемой частью, естественным состоянием политической действительности, а квантовая политика в ближайшем будущем вполне может заменить классическую политику. По точному выражению одного из ярких представителей постмодернизма Р. Барта, на современном этапе и в разных сферах жизнедеятельности общества доминируют не порядок и закон, а спонтанность и неорганизованность. Прежняя односторонняя ясность целей и средств человеческого поведения и действий заменяется разнообразием, неопределенностью и сложностью, которые со временем трудно осваиваются и оцениваются людьми [3, с. 71]. Кроме того, как полагают И. Пригожин и И. Стенгерс, открытый характер подавляющего большинства систем во Вселенной наводит на мысль о том, что реальность отнюдь не является ареной, в которой господствует порядок, стабильность и равновесие: главенствующую роль в окружающем нас мире играют неустойчивость и неравновесность [2, с. 17].

И действительно, как показывают глобальные перемены современности, даже в развитых странах Запада (не говоря уже о развивающихся) политическое, экономическое и социальное развитие вряд ли можно считать упорядоченным. Уже спустя несколько десятков лет после Второй мировой войны в этих странах наблюдались постмодернистские тенденции, которые проявлялись небывалым ростом плюрализма, альтернативности, ослаблением властной иерархии, фрагментарностью социального окру-

жения и культуры. Однако главным и, скорее, негативным итогом ушедшей эпохи было переосмысление научно-познавательных возможностей постмодернистской парадигмы как способной лишь на нигилистическую критику и не дававшей никаких позитивных ответов. В этой связи испанская исследовательница К. Видадь пишет: «В 80-е смысл был утрачен, и мы играли с означающими. Объекты, включая человека, существовали только как знаки. Стремление к бесконечности. Бессмысленная свобода. Эстетика исчезновения. Социальное дезертирство. Деидеологизация. Общественная сфера стала пустыней, где трансполитический характер, бесчеловечность нашего асоциального и поверхностного мира превратилась в эстетическую критику культуры» [4, р. 176]. А вот российский автор И. Ильин сравнивает постмодернизм с древнегреческой мифологической фигурой «химеры» [5, с. 6]. Согласно И. Ильину, «химеричность постмодерна обусловлена тем, что в нем, как в сновидении, сосуществует несоединимое: бессознательное стремление, пусть и в парадоксальной форме, к целостному и мировоззренчески-эстетическому постижению жизни, – и ясное сознание изначальной фрагментарности, принципиально несинтезируемой раздробленности человеческого опыта конца XX столетия. Противоречивость современной жизни такова, что не укладывается ни в какие умопостигаемые рамки и поневоле порождает, при попытках своего теоретического толкования, не менее фантазмагорические, чем она есть, объяснительные концепции». «Едва ли не самой влиятельной из таких концепций-химер, – заключает автор, – и является постмодернизм» [5].

Таким образом, можно констатировать, что глобальные неопределенности наряду с увеличением фактора риска в политике, социальной фрагментацией, театрализацией общественно-политических процессов, пониманием политики как текстовой коммуникации стали важными экзистенциальными характеристиками современного общества.

Основные стратегии постмодернистского диалога

Но одновременно с этими изменениями и с появлением новых реалий может возникнуть вполне логический вопрос: насколько современный человек готов физически и психологически жить и существовать в эпоху «глобальных неопределенностей»? Ведь изначально человек адаптирован к классической модели мировосприятия, т.е. жить и творить в условиях относительно стабильного, определенного и конкретного состояния. В рамках постмодернистской парадигмы, на самом деле, очень трудно однозначно ответить на этот вопрос. Дело в том, что, с одной стороны, постмодернистское мировосприятие выступает против всех, претендующих на универсализм теоретических концепций (которые неизбежно превращаются в монологизм), тем самым поощряя разного рода дискурс-диалоги в политической, экономической и социально-культурных сферах общества. А с другой стороны, отсутствие доминирующих в обществе ценностных ориентиров и их теоретико-идеологического осмысления способствует появлению таких негативных социальных явлений, как маргинализация разных социальных слоев общества, самоизоляция человека, социальное отчуждение и апатия. Именно для минимизации данных негативных последствий в рамках постмодернистских концепций делаются попытки разработки новых стратегий, направленных на повышение уровня социализации человека и социальной интеграции. Данные стратегии в основном базируются на принципах взаимности и на более широком применении диалоговых коммуникаций в общественно-политической практике современного социума. Одновременно надо заметить, что данные подходы разрабатываются и реализуются на поверхностном уровне, носят больше эклектичный, чем глубоко осмысленный характер. Именно на данное несоответствие содержания и формы постмодернистского дискурса обращает внимание В. Рахманин, вполне справедливо отмечая, что демократический диалог между государством и обществом, властью и оппозицией, капиталом и трудом подвергается мани-

пулятивной экспансии постмодернистских политических технологий [6, с. 263]. «Эти технологии создают правдоподобие демократичности политических диалогов, будучи на самом деле методом увода дискурса от реальных проблем», – пишет автор [6]. А что касается постмодернистского дискурса, по мнению российского исследователя, постмодернизм, разрывая культуру и тексты, фабрикует не диалог культур, а разноголосицу текстов. «Тексты становятся политическим товаром, которым можно спекулировать, подвергая его различным интерпретациям. Поле дискурса деформируется. Большой шанс одержать верх имеют не те, кто глубже и адекватнее выражает общественные потребности, а те, кто умеет скрыть потребительскую стоимость товара под яркой рекламной упаковкой», – заключает В. Рахманин [6]. Может, жестко сказано, но именно театрализация политической сферы жизнедеятельности общества является важной характеристикой постмодернистских реалий.

Следующий важный фактор, проявление которого напрямую связано с постмодернистскими реалиями и глобализационными процессами, условно можно назвать «эра глобальной взаимозависимости». Данный фактор особенно наглядно выражается на уровне мегаполитики. Мировой финансовый и экономический кризис 2008 г. продемонстрировал во всей красе «роскошь» и «печаль» данной ситуации. Начавшись в США, кризис мгновенно распространился по всему миру, нанеся тяжелые удары экономикам многих стран мира. Можно сказать, что полностью эти потери еще не восстановлены, а экономики США, ЕС и ряда других стран до сих пор находятся в «турбулентной зоне». Конечно, мировой финансовый и экономический кризис не обошел стороной и Армению, экономика которой пострадала серьезным образом, а экономический спад на 14,5% был одним из самых высоких в мире.

Ф. Закария в своей книге «Постамериканский мир», затрагивая вопросы причин и последствий возникновения и распространения мирового кризиса, отмечает, что после Большой депрессии 30-х гг. XX столетия мир не видел такого масштабного кризиса. А этот кризис, согласно Ф. Закария, отличается тем, что он не был вызван процессами, происходящими в застойных водах «третьего мира»: он случился в центре глобального капитализма, в США, и прокладывал себе путь по артериям международной финансовой системы [7, с. 17]. Другой известный американский исследователь Н. Фергюсон, говоря о преодолении последствий мирового финансового и экономического кризиса, пишет, что односторонние шаги национальных правительств для выхода из сложившейся ситуации могут быть неэффективными и очень опасными [8]. «Сегодня, как никогда, политика “каждый сам за себя” может быть губительной», – заявляет Н. Фергюсон [8], а спасение глобализации американский автор видит в углублении сотрудничества между двумя полюсами Чимерики – США и Китая. По мнению Ф. Закария, залогом выхода из кризиса является «подъем остальных» [7, с. 18], поскольку США уже не в силах в одиночку формировать мировую политическую и экономическую повестку. «Подъем остальных – в основном экономический феномен, но переход, который мы переживаем, имеет отношение не только к деньгам. У него есть политические, военные и культурные последствия» [7, с. 18]. «Дело в том, – продолжает Ф. Закария, – что пока мы не найдем способов укрепить и расширить правила и институты глобального сотрудничества, в мире будет происходить все больше и больше кризисов, а ответная реакция правительств будет все больше запоздалой и слишком незначительной» [7, с. 23]. Таким образом, можно констатировать, что вышеупомянутые два фактора: увеличение уровней «глобальных неопределенностей» и «взаимной зависимости» – являются теми важными предпосылками, которые заставляют и на уровне мегаполитики, и на макро- и микроуровнях стимулировать механизмы сотрудничества и диалоговых коммуникаций. На самом деле, мы живем в таком мире, где совместные действия не то что возможны, а насущно необходимы.

«Пророк» конца истории и один из ведущих идеологов либерально-демократической концепции Ф. Фукуяма пишет, что в XXI в. глобальная конвергенция политических и экономических институтов становится все очевиднее [9, с. 13] и что без социального взаимодействия трудно представить любую сферу человеческой жизнедеятельности. «Хотя, поступая на работу на предприятия и в организации, люди видят в этом средство удовлетворения собственных потребностей, сама деятельность неизбежно выводит их из замкнутого частного пространства и разными способами связывает их с обществом» [9, с. 19]. Такая связь с внешним миром, считает американский автор, уже не просто средство, но и важная жизненная цель. Ибо насколько человеческой личности присущ эгоизм, настолько ей присуща и потребность быть частью того или иного общественного целого [9]. «В отсутствие норм и правил, связывающих человека с себе подобными, он испытывает острое беспокойство – состояние, названное Э. Дюркгеймом *anomie*, – и «работа» в нынешнем понимании слова есть то место, где человек, частично или полностью, способен от этого беспокойства избавиться», – пишет Ф. Фукуяма [9]. Согласно Э. Дюркгейму, «аномическое» состояние возникает в том случае, когда разделение труда противоречит принципам солидарности. В результате этого стихийно созданная совокупность норм и правил становится недееспособной в процессе упорядочивания отношений между общественно-политическими институтами [10]. И поэтому неслучайно, что в числе классификаций видов самоубийств Э. Дюркгейм выделяет аномическое самоубийство, интенсивность которого резко возрастает во время экономических, социально-политических кризисов и катаклизмов, когда люди не успевают адаптироваться быстрым переменам [10]. После мирового финансово-экономического кризиса мы стали свидетелями многих таких случаев аномических самоубийств, а мировая пресса пестрила заголовками и сообщениями, посвященными этой тематике.

Таким образом, можно констатировать, что в постмодернистских реалиях на жизнедеятельность человека оказывают сильное влияние два важных фактора: «глобальные неопределенности» и рост «взаимозависимости». Если воздействие первого приводит к усилению фрагментации общества, самоизоляции и отчуждению человека, то второй фактор, наоборот, способствует углублению интеграции в обществе, стимулирует поиск решения мировых глобальных, региональных и локальных проблем путем диалоговых механизмов и процедур.

В целом можно заметить, что и в постмодернистском обществе, и в политологических кругах проблема диалога становится неким «мегатрендом», грамотное и творческое использование которого действительно может стать важным рычагом реализации стратегии «умной силы» (*smart power*). В деле урегулирования международных конфликтов и кризисов в случае доминирования диалогической парадигмы резко повышается возможность применения диалоговых форм коммуникации, которая, в свою очередь, способствует установлению глобального мира и стабильности в большинстве «горячих» точек планеты. Диалогичность выстраивания взаимоотношений означает равноправность сторон и всех участников политического процесса. А это, в свою очередь, открывает новые перспективы для взаимовыгодного сотрудничества во всех сферах жизнедеятельности общества. Истинный общественно-политический диалог, реальное стремление политических лидеров находить выходы из тупиковых ситуаций, рационализация конфликтных проблем и доминирование культуры политического диалога – вот единственный путь выхода человечества из постмодернистской паутины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библер, В. С. От наукоучения к логике культуры (два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М. : Изд-во полит. лит., 1991.

2. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс : пер. с англ. / Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М. : Прогресс. – 432 с.
3. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
4. Vidal, M. C. The death of politics and sex in the eighties show / M. C. Vidal // New Literary History. –1993. – Vol. 24. – № 1.
5. Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 255 с.
6. Рахманин, В. Диалог политических культур как демократический процесс / В. Рахманин // Логос. – 2005. – № 4 (49). – С. 243–252.
7. Закария, Ф. Постамериканский мир / Ф. Закария. – М. : Европа, 2009. – 280 с.
8. Ferguson, N. USA-China Cooperation Is Critical to Global Economic Health [Electronic resource] / N. Ferguson. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008>.
9. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ ; Ермак, 2004. – 730 с.
10. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд [Электронный ресурс] / Э. Дюркгейм. – М., 1994. – Режим доступа: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Durkgeim/index.php.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.02.2015

Galstyan H.S. The Problem of Political Dialogue in Post-modernist Discourse of Modernity

In the XXI century the main features of the post-modernist theoretical and ideological understanding of the world are the increase in the part of «uncertainty», as well as in interdependence in all spheres of human beings' life. These features reveal the necessity of more intensive implementation of the dialogue's forms of communication in the social and political life of modern society.

УДК 32.01

А.П. Мельников*канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии
Белорусского государственного университета***ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЕГИПТА**

В статье рассматривается политическая культура Египта. Значительное внимание уделяется историческим и политическим детерминантам политической культуры, специфическим чертам национального характера народа Египта, их влиянию на политический менталитет. Основное внимание автор сосредоточивает на раскрытии политической культуры египетского общества, таких как взаимодействие и переплетение традиционных ценностей Востока и Запада, роль ислама в жизни общества, вмешательство армии в политику, изменение положения женщины в политических реалиях и др.

Политическая культура любого народа, как и его национальный характер, менталитет, своеобразна. В процессе развития различные общества выработали немало типов политической культуры, каждый из которых отражает преобладание в стиле поведения людей определённых ценностей, норм, стереотипов и т.д.

Что же такое политическая культура? Это довольно многогранное, многоплановое понятие. По мнению специалистов, это неотъемлемая часть общей культуры, представляющая собой «систему ценностных ориентаций, содержащую в себе всё многообразие предыдущего опыта, в первую очередь исторических, социальных и политических событий, навыки социально-политических действий, представления об общечеловеческих и общественно-политических ценностях, в совокупности, непосредственно влияющие на политическое поведение и во многом определяющие политические действия. Более того, политическая культура сама, являясь выражением каждой конкретной политической системы, в то же время способствует её формированию, активно воздействует на неё и определяет дальнейшие её преобразования» [1, с. 5]. Таким образом, политическая культура обуславливается прежде всего историческим опытом, традициями народа, которые уходят в глубину веков.

В VII в. н.э. Египет наряду со многими странами Северной Африки был завоёван арабами и включён в состав обширного Арабского халифата. С тех пор здесь стал распространяться ислам. В XVI в. Египет был завоёван Османской империей, в составе которой находился с 1517 по 1914 гг. С 1914 г. Египет являлся протекторатом Великобритании и получил номинальную независимость в 1922 г. За длительный период своего существования сложился национальный характер египтян. В этой связи необходимо отметить, что современные египтяне не являются потомками древних египтян времён фараонов. Генетически большинство нынешних египтян – это арабы с той или иной примесью местных генов, а наследниками древних египтян являются копты (христиане по вероисповеданию), которые уже давно забыли свой язык. Единственное, что осталось общего у современных египтян с древними – это, пожалуй, обожествление правителей. По складу характера египтяне неторопливы и не всегда обязательны (по крайней мере, на условленные встречи они нередко опаздывают). Для многих из них характерен фатализм: они верят в то, что всё изначально как бы предопределено Богом, и человек бессилён что-либо изменить. В отношении будущего от них часто можно услышать: «Если Аллаху будет угодно». Тем самым они как бы снимают с себя ответственность за результаты своих действий или бездействия.

Таким образом, на национальный менталитет египтян существенный отпечаток наложил ислам. Многие воспринимают ислам не только как свод религиозных догм, но и как образ жизни, комплекс бытовых ритуалов и обычаев. Ответы на вызовы современности египтяне пытаются отыскать в догматах и традициях ислама. Любые крити-

ческие высказывания о религии, если они исходят от иностранца, в Египте воспринимаются как грубость и даже как личное оскорбление. Как отмечают исследователи, издавна «иноверцев здесь считают людьми погибшими, лишёнными благодати, презрение к ним внушается мусульманину уже с детства» [2, с. 235]. Отсюда амбивалентность национального сознания египтян. С одной стороны, это комплекс превосходства в отношении окружающих их народов (некоторые считают себя наследниками великой культуры фараонов, лучшими людьми на Земле). С другой стороны, четырёхсотлетнее подчинение Османской империи, колониальное господство Великобритании, отсталость Востока от Запада породили дуализм в национальном сознании, политической культуре, где современный и традиционный образы мышления тесно переплетены. Традиционный подход по-прежнему доминирует в социально-политической и общественной жизни Египта, потому что значительная часть политической и интеллектуальной элит формируется на традиционной основе. Вместе с тем налицо влияние западной культуры, в том числе и политической. Многие представители среднего и высшего классов говорят на английском или французском языках, носят европейскую одежду и предпочитают западные ценности, литературу, музыку, искусство. Таким образом, взаимодействие традиционных и западных ценностей в процессе эволюции национального сознания египтян привело к неоднородности их политической культуры. Следует также отметить, что осознанное и инстинктивное чувство противоположности интересов отдельного человека, группы и государства, власти привело египтян к максимальной осторожности, ставшей для многих второй натурой. Люди научились скрывать свои мысли, говорить вслух то, что от них ждут, но во что они не всегда верят, думать одно, а произносить другое, ограждая свой внутренний мир, круг своих подлинных интересов.

С 1923 г. Египет развивался как конституционная монархия при полуколониальной зависимости от Великобритании. В 1952 г. организация «Свободные офицеры» во главе с подполковником Гамаль Абдель Насером совершила государственный переворот, который поддержало население. Король Фарук отрёкся от престола, а 18 июня 1953 г. Египет был провозглашён республикой. После этого в стране была запрещена деятельность политических партий, существовавших в период конституционной монархии. Новая власть наложила запрет на свободное выражение оппозиционных взглядов. После обнародования в 1956 г. текста новой конституции на пост президента был выдвинут и избран единственный кандидат – Насер. В 1962 г. был издан декрет о создании в стране массовой политической организации – Арабского социалистического союза (АСС), в функции которого входила координация действий с целью претворения в жизнь программы арабского социализма. До 1976 г. АСС оставался единственной легальной политической партией Египта.

После смерти Абдель Насера в 1970 г., опиравшегося на поддержку Москвы, посты президента страны и председателя АСС занял Анвар Садат, который переориентировал свой внешнеполитический курс на США и подписал с Израилем мирный договор, после чего все арабские страны, кроме Судана и Омана, разорвали с Египтом дипломатические отношения. Во внутренней политике А. Садат начал проводить жёсткий курс «контролируемой демократии», что вызвало недовольство всех слоёв населения, правых и левых политических сил [3, с. 186]. В 1981 г. А. Садат был убит боевиками подпольной исламистской группировки Джихад. Президентом Египта стал Хосни Мубарак, который ещё дважды избирался главой государства и при котором наметилось улучшение отношений Египта с другими арабскими странами.

Х. Мубарак осуществил определённые преобразования в социально-экономической и политической жизни, а также произвёл ряд кадровых перестановок в высшем командном составе армии. В послереволюционном Египте вооружённые силы превратились в один из столпов режима. Именно из офицерской среды вышли все президенты

республики: Г.А. Насер, А. Садат и сам Х. Мубарак. Практически все посты руководителей, губернаторов провинций и глав египетских дипмиссий занимали представители армии. В дальнейшем Х. Мубарак намеревался оптимизировать существующий баланс военно-гражданских отношений во имя внутривластной стабильности в стране. Проведённые им преобразования способствовали постепенному проникновению в политическую культуру и медленному закреплению в ней соответствующих изменений. В свою очередь, это отражалось на политическом поведении людей, этике делового общения с окружающим миром и т.д.

Однако со временем экономические трудности, социальные проблемы, безработица, отсутствие политических свобод и бессменное, почти 30-летнее нахождение у власти одного клана стали причиной массовых народных волнений и привели к восстанию против президента. Х. Мубарак был вынужден уйти в отставку. 24 июня 2012 г. на президентских выборах победу одержал кандидат от «Братьев-мусульман» исламист Мухаммед Мурси [4, с. 9]. При новом главе государства экономическая ситуация в стране не улучшилась, прежние проблемы остались. Кроме этого президент подписал конституционную декларацию, лишаящую суды права распускать верхнюю палату парламента и Конституционную ассамблею, а также позволяющую президенту страны издавать «любые декреты, направленные на защиту революции», которые не могут быть оспорены в суде. Действия М. Мурси вызвали негодование оппозиции, которая обвинила его в узурпации власти и восстановлении диктатуры. Многие недоумевали: зачем надо было совершать революцию, свергать Х. Мубарака? Чтобы построить исламское государство? Если раньше симпатии египтян были на стороне исламистов, то потом в почёте оказался «Фронт национального спасения» – партия либералов. Египет вновь стал погружаться в хаос и анархию [5, с. 9]. М. Мурси обвинили в установлении авторитарного режима и исламизации страны, а в июле 2013 г. он был свергнут и осуждён.

Что касается политической системы Египта, то по форме правления Египет – президентская республика с некоторыми элементами парламентаризма. По Конституции президенту предоставлены почти неограниченные полномочия, провозглашена свобода прессы, деятельность политических партий. Законодательная власть принадлежит однопалатному парламенту – Народному собранию (причём по Конституции Египта не менее половины депутатов должны составлять рабочие и крестьяне). Необходимое соотношение достигается благодаря своеобразному толкованию соответствующих понятий: в 1970-е гг. было решено, что крестьянами могут считаться все, кто занят в сельском хозяйстве, а рабочими – все, кто занят физическим или умственным трудом в промышленности и сфере услуг. В настоящее время с трибун парламента нередко звучат призывы оппозиции к тем или иным реформам, хотя количество оппозиционеров тщательно контролируется президентом.

Главой государства и главой исполнительной власти является президент, который избирается на шестилетний срок путём всеобщих прямых выборов. Он наделён правом назначать вице-президентов и весь кабинет министров, имеет право законодательной инициативы, наложения вето на любой законопроект, роспуска Народного собрания и руководства страной при помощи указов. В 1980 г. в Конституцию была внесена поправка, разрешающая действующему президенту баллотироваться на этот пост неограниченное число раз.

В настоящее время в Египте действует около десятка политических партий правого, левого и исламистского толка, большинство из которых появилось совсем недавно как оппозиционные. Среди них партия Аль-Нур – одна из крупнейших политических партий радикального исламистского направления (возникла в 2011 г.); Египетский блок – коалиция политических партий, придерживающихся левых и социал-демократических взглядов (возникла в 2011 г. с целью отстаивания светского характера государства

в противовес позициям исламистов); Новая партия Вафд либерально-националистического направления; Партия свободы и справедливости – крупная партия исламистского характера (2011 г.). Самой же влиятельной, пожалуй, является международная религиозно-политическая ассоциация «Братья-мусульмане», имеющая свои отделения во многих арабских странах. «Братья-мусульмане» провозглашают неотделимость государства от исламской религии и выдвигают цель установления теократического режима как основы исламской нации («уммы»). В качестве первоочередного шага «Братья-мусульмане» требуют приведения египетского законодательства в соответствие с Кораном и нормами шариата [6].

Однако вряд ли было бы оправданным считать партийную систему Египта многопартийной. Закон о политических партиях 1977 г. ставит целый ряд преград на пути формирования новых партий, не подконтрольных властям. Так, запрещено создание политических организаций по региональному или классовому принципу. При этом программы партий не должны противоречить нормам шариата как основного источника законодательства страны. Так что партийная система Египта лишь формально является многопартийной. Реальная власть находится в руках главы государства, а партии служат лишь антуражем, призванным закамуфлировать фактическую однопартийность. Разделение властей в Египте практически отсутствует. Как уже отмечалось, правительство формируется под прямым патронажем президента. В результате институты государства носят «фасадный характер».

Проблема формирования демократической политической культуры осложняется ещё тем обстоятельством, что за весь предыдущий период в качестве единственно эффективной альтернативной силы Египта остались только исламисты, прежде всего «Братья-мусульмане». При этом если часть членов организации стояла на позициях умеренного ислама, отвергала насилие как средство политической борьбы, поддерживала демократические реформы, выступала за сотрудничество с властью и имела своих представителей в парламенте, свои банки, печатные издания, то немалое число «братьев» было настроено весьма воинственно и враждебно по отношению к режиму. Поэтому в последнее время власти Египта предпринимали попытки, чтобы привлечь на свою сторону умеренных исламистов и направить их деятельность в легальное политическое русло. Отсюда неслучайно в программе бывшей правящей Национально-демократической партии много места отводилось исламу, социальным программам, призванным существенно улучшить положение простых людей. Тем самым правящие силы рассчитывали выбить политические козыри исламистов, спекулирующих на настроениях неимущих слоёв страны.

Таким образом, важнейшей особенностью политической культуры Египта является то, что в основе её лежит идеология ислама. Догматы этой религии составляют её доминанту, или ядро, имманентную сущность. В Конституции страны ислам провозглашён государственной религией, а принципы шариата утверждены в качестве основы законодательства. Начиная с 1956 г. мусульманские религиозные суды стали составной частью государственной судебной системы. В юрисдикции мусульманских и коптских религиозных судов находятся все вопросы гражданского состояния: брачно-семейные и наследственные отношения. Патернализм как форма регулирования социальных, политических и трудовых отношений в отличие от западной модели политической культуры основан не на провозглашении прав и свобод граждан, а на почитании религиозных традиций. Для арабо-мусульманской политической культуры характерно выдвижение на высшие государственные посты харизматических лидеров, а также обоснование необходимости совмещения постов главы государства и правительства в одном лице. При этом принцип разделения властей расценивается как её слабость, так как исполнительные и законодательные органы, по мнению исламских правоведов, часто противо-

стоят друг другу, снижая эффективность деятельности государства. Например, А. Садат к 1981 г. кроме официального звания «Старейшина египетской семьи» имел должности президента, премьер-министра, главнокомандующего вооружёнными силами, главного шефа полиции, председателя Национально-демократической партии, уполномоченного по всем военным и экономическим вопросам и делам национальной безопасности.

Ислам как идеология и общественное движение представляет собой сложное и внутренне противоречивое явление. Он не несёт в себе полного отторжения западных ценностей. За внешним отрицанием скрывается более сложное отношение, отражающее стремление переформулировать эти ценности на язык собственной культуры. Исламисты различного толка расходятся в методах и стратегии достижения своих целей. Умеренные стремятся опровергнуть точку зрения, что ислам несовместим с принципами открытого демократического общества. Они считают, что принципы демократии можно «привить» исламскому обществу, что современные мусульмане больше внимания обращают на экономические проблемы, искоренение бедности, а не на защиту идеалов исламского государства. Исламисты-радикалы типа «Братьев-мусульман» (хотя и там есть разные течения), напротив, главной своей задачей считают создание мусульманского халифата, который должен управляться на основе принципов шариата, имеющих сакральное происхождение. Исследователи отмечают, что «Братья» провозглашают «абсолютное равенство всех граждан», «свободу» во всех её аспектах: в вероисповедании, образовании, владении имуществом и т.д. Под социальными свободами подразумевается «свобода подчинения мусульманскому тоталитарному государству и идеологии “Братьев-мусульман”». Никакое инакомыслие при этом не признаётся» [7, с. 306].

Говоря об особенностях политической культуры современного Египта, необходимо отметить, что к началу XXI в. она характеризовалась влиянием нескольких факторов. С одной стороны, это глубоко укоренившиеся в общественном сознании идеи арабской национальной идеи, межарабской и исламской солидарности, а с другой – процессы модернизации, вестернизации, глобализации. Арабская национальная идея тесно связана с появлением и развитием арабского национализма как идейно-политического течения, сыгравшего важную роль в борьбе арабских народов за национальное освобождение. В представлении авторов арабской национальной идеи единство судеб арабов состояло не только в общности их языка, истории и культуры, но также в общности зависимого положения в XX в., в общности задач противостояния колониальным державам, объединения и строительства единой национальной политической структуры. Лидером, ведущей силой в продвижении этой идеи в XX в. стал Египет. Именно Г.А. Насер, стремясь усилить своё лидерство в арабском мире, расширил рамки египетского национализма до общеарабского. Годы его правления были отмечены попытками реализации арабской национальной идеи на практике. Это касалось как повсеместной поддержки национально-освободительного движения, в результате чего большинство арабских стран обрели независимость именно в этот период, так и идеи арабского национального единства, которое трактовалось буквально как необходимость создания единого арабского государства. Такие попытки предпринимались, и наиболее яркой из них было создание в 1958 г. Объединённой Арабской Республики (ОАР), в которую вошли Египет и Сирия и к которой на первых порах присоединился даже королевский Северный Йемен. На самом деле это был гораздо более далеко идущий проект, о чём свидетельствовало то, что арабские националисты, активно поддерживавшиеся египетскими спецслужбами, планировали осуществление панарабских переворотов в Ливане, Иордании, Ираке, Тунисе и других странах с целью прихода в них к власти союзнических правительств, с участием которых можно было бы осуществить проект создания единого арабского государства.

Процессы модернизации, вестернизации, глобализации в целом разрушали традиционный уклад жизни арабских государств, исламские каноны и ограничения и в конечном счёте меняли общественное, национальное самосознание. Подобные изменения обратились против Запада и исходящих оттуда идей демократических реформ. Это выразилось в росте исламистских настроений, в активизации радикальных исламистских движений. В результате «национализм» в глазах египетских радикалов «достигает статуса священного принципа. Они считают необходимым выражать патриотические чувства и готовность сражаться за “нацию”, за родину. Но не просто за Египет, а за Египет как часть исламского мира». Национализм священен потому, что он служит вере. В качестве первого шага он подразумевает борьбу против империализма, потому что освобождение Египта – это начало его возрождения. Египет – «часть арабской нации, и когда мы действуем во имя Египта, мы действуем во имя арабизма, Востока и ислама» [7, с. 312]. Такова логика исламистов.

Таким образом, в политической культуре современного Египта существует причудливое переплетение традиционных черт, стереотипов, норм и обычаев с заимствованиями из теории и практики западного мира. Такой симбиоз восточных и западных элементов проявляется во всех компонентах политической системы Египта: структуре высших органов власти и механизме их функционирования, деятельности политических партий и общественных объединений, политическом мышлении и поведении лидеров и масс.

Для всех восточных обществ в той или иной мере характерны модели патримониальной государственности. Во главе государства, согласно патримониальным представлениям, должен стоять верховный правитель. Он является, как уже отмечалось, харизматическим лидером, в его персоне воплощены сакральные силы. Такой взгляд на верховного правителя питал надежды масс на то, что решение всех проблем в государстве исходит не от разума правителя, не от его умения управлять, а от воли Аллаха, носителем которой правитель является. Такой харизматический лидер превращается в объект поклонения и не подлежит критике; от него требуется сохранение его божественной силы, а не отражение народных чаяний: Всевышнему и боговдохновенному правителю лучше известно, что хорошо для народа, а что плохо.

Основным принципом общественных отношений считалось господство и подчинение, а не отношения равных индивидов и соответствующие этому отношения партнёрства и соперничества, как в системе либеральной демократии. Согласно традиционному мировоззрению, каждый должен занимать своё место в соответствии с сословной принадлежностью, иметь свои права и обязанности, которые не одинаковы для представителей разных сословий.

Специфической особенностью политической культуры Египта является вмешательство армии в политику. Оно весьма многообразно по своей социальной и идеологической направленности, и приход к власти военных носит далеко не однозначный характер. Например, обязанностью армии может быть обеспечение социально-политической интеграции, решение задач чисто экономического характера, функции по поддержанию общественного порядка и т.д. Выдвинутая концепция о «гражданской миссии» армии как нельзя лучше способствовала закреплению за военными их новой роли в обеспечении внутренней безопасности и порядка, в определённой степени гаранта самой конституции и подразумевала привлечение на сторону военных широких слоёв населения. Поэтому армия в Египте всегда располагала значительным влиянием на руководство страны, являясь к тому же чуть ли не единственным поставщиком кадров в государственно-административные структуры и превращаясь в важнейший элемент новой элиты, контролирующей государственные, партийные и хозяйственные органы.

Отличительной особенностью социально-политической жизни Египта является необычайно разветвлённый бюрократический аппарат. Особенно сильное его разрастание в последние десятилетия было обусловлено большим количеством молодёжи, получившей высшее образование и нуждающейся в работе (иначе молодые люди могли превратиться в потенциально опасную часть населения). Такое искусственное увеличение числа чиновников привело к чрезмерной дифференциации их обязанностей, усложнению контроля за решением вопросов и, в конечном счёте, к дисфункции государственного аппарата. Многочисленная бюрократия порождает коррупцию. Взятничество в государственном аппарате давно уже стало делом привычным, основанным на многолетних традициях [7, с. 78–81].

Нельзя не обратить внимания на изменившееся положение женщин в обществе. Когда-то женщины здесь были совершенно бесправны, особенно если не владели собственностью. В соответствии с традицией женщины даже из высших слоёв должны были избегать участия в общественной жизни и политике. В 1962 г. было провозглашено юридическое равенство женщин и мужчин, которое закреплялось в Хартии национальных действий. Женщинам было предоставлено избирательное право и право занимать государственные должности; и вскоре появились женщины-министры и женщины-депутаты. Тем не менее в семейной жизни традиционно доминируют мужчины.

В заключение отметим, что в политической жизни Египта хорошо заметны попытки соединить секулярность и исламизм в рамках институциональной либерализации. Не всегда и не во всём это удаётся, но в этом и заключается своеобразие египетской политической культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мариносян, Х. Э. Политическая культура: перспективы и вызовы междисциплинарности / Х. Э. Мариносян // Филос. науки. – 2013. – № 1. – С. 5–7.
2. Лэйн, Э. У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. : пер. с англ. / Э. У. Лэйн. – М. : Наука, 1982. – 436 с.
3. Сапронова, М. А. Политический процесс в арабских странах : учеб. пособие / М. В. Сапронова / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. востоковедения. – М. : МГИМО – Университет, 2008. – 320 с.
4. Драбчук, А. Избран новый президент / А. Драбчук // Народ. воля. – 2012. – 26 чэрв. – С. 5.
5. Зотов, Г. Сожжённые революцией / Г. Зотов // Аргументы и факты в Белоруссии. – 2013. – 20 янв. – С. 9.
6. Братья-мусульмане [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 03.06.2013.
7. Васильев, А. М. Египет и египтяне / А. М. Васильев / Ин-т Африки РАН. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Вост. лит., 2008. – 366 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.05.2014

Melnikov A.P. Political Culture of Egypt

The article is devoted to the political culture of Egypt. It focuses on the historical, religions and political determinants of political culture, specific features of the national traditions of the Egypt and their influence on political mentality. The main attention is focusing on the discovery of such features of modern political culture of the Egypt society, as the interaction and intertwining of traditional values of the East and West, the role of Islam in the life of society, the interference of army in politics, the change of woman 's position in political scene and others.

УДК 341.231.14 342.7 32 (043)

Э.Н. Северин

преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ТЕОРИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В процессе развития политической теории и практики прав человека можно выделить следующие этапы: протоинституализация (этап утверждения свободы вероисповедания – ключевого элемента свободы совести как светского источника прав человека в рамках общеевропейского процесса Реформации); институализация (этап формирования основных научных парадигм в области прав человека в рамках политической теории, закрепления на законодательном уровне прав и свобод человека и гражданина); институционализация (процесс становления и легитимизации политологии прав человека как относительно автономного направления исследований в рамках политической науки). В исследовании особое внимание уделено институализации прав человека в политической науке. На данном этапе параллельно с формированием методологических основ современных концепций прав человека складываются предпосылки выделения политологии как самостоятельного научного знания.

Введение

Основными принципами политико-философской мысли и нормативно-правовых актов Нового времени выступали свобода личности, свобода слова и свобода совести. Российский учёный Л.И. Глухарёва отмечает: «Итогом Реформации и религиозных войн было законодательное признание равенства католиков и лютеран. В общественном сознании утвердилась веротерпимость и право на свободу совести. Политико-правовым завоеванием этого периода был вывод о том, что свобода совести и мысли есть предпосылка и обязательное условие антидеспотического демократически организованного общежития. В протестантизме следует искать корни либеральной идеологии, которая позже переросла рамки своего религиозного источника и в скором времени инициировала появление светского источника прав человека [1, с. 51]. Данные условия позволили завершить этап протоинституализации прав человека – перейти в теории и практике от сословно-конфессиональных прав к естественным правам человека.

Цель данного исследования – выявление характерных черт институализации прав человека в политической науке.

Одним из первых разработчиков этих подходов является голландский учёный Гуго Гроций (1583–1645 гг.). Именно с теорий Гроция и Гоббса начинается понимание индивидуальных прав человека как начального пункта политической теории и, наоборот, политики как сферы, напрямую влияющей не только на реализацию, но и на понимание сущности прав и свобод [2, с. 64]. В естественном состоянии войны или мира, утверждает философ, действует лишь естественное право, т.е. «предписание здравого разума» [3, с. 70]. В качестве источников естественного права Гроций определяет разумную природу человека (человеческий разум) и свободную волю Бога. Из требований разума Гроций выделяет следующие предписания (принципы) естественного права: воздержание от чужого имущества, возвращение полученной чужой вещи и возмещение извлеченной из нее выгоды, обязанность соблюдения обещаний, возмещение ущерба, причиненного по нашей вине, а также воздаяние людям заслуженного наказания.

Научный руководитель – Л.Е. Земляков, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета

Хотя частную собственность он не относит к естественным правам, но и посягательство на неё не допускается.

У Гроция естественное право выступает в качестве основы волеустановленного права, которое, в свою очередь, философ делит на божественное и право человеческое (право человеческое также делится на право внутригосударственное, устанавливаемое гражданской властью, и право человеческое в более узком смысле, подчиняющееся государственной власти, но не проистекающее из неё, и право народов).

Волеустановленное право изменяется во времени и зависит от места бытия. В качестве его источника, по мнению Гроция, выступает или воля Бога, или воля людей. Благодаря таким естественным качествам, как разум и общительность, люди заключили договор о создании государства, наиболее существенным признаком которого является суверенитет. При этом голландский мыслитель, отдавая приоритет монархической и аристократической, признаёт правомерность существования различных форм правления. Позиция философа по вопросу сопротивления государственной власти очевидна: «Все по природе имеют право противиться причинению им насилия. Но так как государство установлено для обеспечения общественного спокойствия, то ему принадлежит некое верховное право над нами и нашим достоянием, поскольку это необходимо для осуществления государственных целей. ...Ибо если сохранить такое всеобщее право сопротивления, то будет уже не государство, но беспорядочная толпа» [3, с. 159].

По мнению Гроция, и отношения между государствами должны строиться на основе равноправия, взаимоуважения, сотрудничества. Философ предвидит создание международного органа, ответственного за сохранение мирового правопорядка. В конечном счете, идеи мыслителя нашли своё реальное воплощение в политико-правовой действительности: «успех такой попытки доказывает тот факт, что эта работа, которая заработала Гроцию титул “отец международного права”, считается “интеллектуальной основой” для Вестфальского Договора, который стал завершением тридцатилетней войны в 1648 году, положил начало созданию системы независимых государств, в которых национальный суверенитет является высшим приоритетом» [4, с. 14].

Дальнейшее развитие естественно-правовая теория получила в работах английского философа Томаса Гоббса (1588–1679 гг.). Новаторскими следует признать философские взгляды Т. Гоббса, для которого естественное состояние опережало гражданское общество (Гоббс отождествлял понятия «гражданское общество» и «государство») не в историческом, а в логическом смысле. Человек (в отличие от аристотелевского *зоон политикон*) не является по природе своей существом общественным, человек является частью «политического тела». Гоббсовское описание положения войны всех против всех позволяло одновременно отказаться как от влияния классического республиканизма, так и христианской религии [5, с. 19]. Мыслитель выделяет три формы правления государства: аристократия, демократия и монархия (лучшая форма). Гоббс, используя естественные права, пытался разработать более убедительные обоснования для королевского абсолютизма, чем божественное право королей, которое всё более ставилось под сомнение и парламентариями, и богословами. По мнению философа, главная цель существования государства – обеспечение безопасности индивида. Такие естественные законы, как справедливость, беспристрастие, скромность, милосердие и др. (Гоббс прописал 19 естественных законов для жизни человека в обществе) при отсутствии сильной власти безопасности обеспечить не могут. Естественное право он определяет как свободу всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т.е. собственной жизни, и, следовательно, свободу делать все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого. Гоббс проводит чёткую границу между правом и законом: «право состоит в свободе делать или не делать, между тем как закон определяет и обязывает к тому или другому члену

этой альтернативы, следовательно, закон и право различаются между собой» [6, с. 90]. При этом высшим законом он считает благо народа. Под свободой философ понимает «отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом» [6, с. 89]. Вслед за Гроцием английский мыслитель негативно относится к попыткам захвата государственной власти, ибо подобные явления противоречат разуму. Тем не менее параллельно с договорной теорией и «политическим государством» Т. Гоббс выделяет ещё один вариант возникновения государства – насильственный захват государственной власти – «приобретённое государство». В случаях нарушения безопасности индивида, нарушения верховного закона природы – закона самосохранения, защиты собственной жизни – подданные, по мнению Гоббса, вправе не повиноваться верховной власти.

Таким образом, несмотря на то, что идеи Т. Гоббса содержат некоторую степень ограничения свободы человека государством, естественные права, по мнению философа, не могут быть отменены ни человеком, ни государством.

Сходные с Т. Гоббсом взгляды развивает голландский мыслитель Бенедикт (Барух) Спиноза (1632–1677 гг.). Спиноза не идеализирует человека, которому присуща неизменная эгоистическая природа, обуздать которую и обеспечить безопасность индивида может только государство. Ошибка прежних учений о политике, по оценке Спинозы, состояла в том, что их авторы при освещении человеческой природы брали людей не такими, каковы они суть, а какими они хотели бы их видеть. Поэтому им не удалось создать теорию политики, которая нашла бы практическое приложение: «их политика может сойти за химеру или осуществиться в Утопии или в том золотом веке поэтов, где она менее всего необходима» [7, с. 308]. Проблему свободы и равенства философ ставит в зависимость от формы правления государства. В отличие от Гоббса симпатии Спинозы на стороне демократии (один человек не должен обладать мощностью государства), той формы правления, которая даёт каждому право голоса и обеспечивает возможность гражданам управлять государством. По существу, голландский мыслитель впервые в Новом времени указывает на тесную взаимосвязь прав человека и демократии. Он подчеркивает: «Что касается политики, то различие между мною и Гоббсом ... состоит в том, что я всегда оставляю в силе естественное право и что, по моему мнению, верховная власть в каком-нибудь государстве имеет не больше прав по отношению к подданным, чем в меру того могущества, которым она превосходит подданного, а это всегда имеет место в естественном состоянии» [8, с. 567]. Пределы естественного права каждого человека и природы Спиноза ограничивает их желаниями и мощностью: «естественное право всей природы и, следовательно, каждого индивидуума простирается столь далеко, сколь далеко простирается их мощь. Значит, все то, что каждый человек совершает по законам своей природы, он совершает по высшему праву свободы и имеет в отношении природы столько права, какой мощностью обладает» [9, с. 291]. Тем не менее Спиноза констатирует необходимость неукоснительного подчинения верховной власти (государству), а права граждан – разрешенные в условиях государства естественные права индивида, т.е. дозволенная верховной властью часть естественных прав. К неотчуждаемым правам Спиноза относил право на существование и деятельность, на свободу совести и мысли, был сторонником веротерпимости. В исключительном случае, связанном с нарушением государством договора, голландский философ предусматривает за подданными право на восстание.

Как видно из вышесказанного, идеи сторонников естественного права не всегда совпадают, а иногда и противоположны. Без столкновения взглядов не может появиться сочинение, отражающее согласие двух противоположных идей в третьей, компромиссной. Так, в Англии, Гоббс, с одной стороны, отстаивал идеи государства как абсо-

лютного суверена, а Мильтон, с другой стороны, выступал в своих сочинениях в защиту свободы слова и печати, но выдвинутые ими идеи не канули в лету, а сохранились как раз потому, что послужили основой компромисса, который удалось найти и выразить Локку [10, с. 478]. Наиболее влиятельным представителем естественно-правовой школы был английский философ Джон Локк (1632–1704 гг.). До возникновения «политического сообщества» (государства) люди, по мнению Локка, находились в естественном состоянии, управляемом законом природы, и обладали полной свободой и равенством. Для достижения уровня жизни, соответствующего человеческому достоинству, люди объединяются в государство, передавая ему ровно столько прав, сколько необходимо для обеспечения их гражданских интересов: «Великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности» [11, с. 334]. Являясь частью «политического сообщества», индивиды, по Локку, обладают тремя основными неотчуждаемыми естественными правами: на жизнь, на свободу и на собственность, а основная цель государства – гарантия и обеспечение реализации этих основополагающих прав. Эти три права являются конституционным фундаментом государства, основой общественного договора, определяя как законы, так и пределы государственной власти.

В целях обеспечения естественных прав человека и ограничения политической власти Д. Локк делит последнюю на законодательную, исполнительную и федеративную. Во всех случаях, пока существует в правлении законодательная власть, она является верховной ...и все остальные власти в лице каких-либо членов или частей общества проистекают из неё и подчинены ей [11, с. 350]. Политический идеал Локка – государство, основанное на принципах естественного права, общественного договора, политического согласия; философ выступает ярким противником абсолютной монархии. В случае нарушения государством (правлящим органом) условий общественного договора, прав и свобод поданных, последние, по Локку, имеют право свергнуть существующую власть.

В «Послании о веротерпимости» Локк обосновывает идею отделения церкви от государства, отстаивает принцип веротерпимости: «Все человеческие и гражданские права должны свято соблюдаться, ибо они не имеют отношения к религии: будь он христианином или язычником, никакого насилия и беззакония быть не должно» [12, с. 100].

Таким образом, Д. Локку удалось систематизировать накопленные естественно-правовой школой идеи, создать целостную политико-правовую теорию (некоторые исследователи считают Локка основателем универсалистской либеральной доктрины прав человека, идеи правового государства, «отцом» конституционной демократии), основанную на принципах приоритета прав и свобод человека, общественного договора, суверенитета народа, равенства, верховенства закона, на принципе разделения властей.

Идеи Джона Локка стали известны европейскому обществу благодаря работам французского мыслителя Шарля-Луи де Монтескье (1689–1775 гг.). Проблему прав и свобод человека он видит в тесной связи с принципом разделения властей и формой правления. Монтескье выделяет три (формы) правления: республиканскую (при демократии власть находится в руках всего народа, при аристократии – его части), монархическую (правление одного на основе приоритета закона) и деспотическую (основана на произволе и беззаконии). Симпатии философа на стороне конституционной монархии. Рассматривая республиканскую форму правления, французский мыслитель своеобразно рассматривает вопрос об избирательном праве, наделяя простой народ правом избирать, но не быть избранным: «большинство граждан вполне способно быть избирателями, но не имеет всех нужных качеств для того чтобы быть избранными» [13, с. 171]. Учение Монтескье о формах правления и правах человека позволило в дальнейшем перейти к понятию «политический режим».

В догосударственном состоянии человек жил по естественным законам, к которым Монтескье относит: стремление к миру, стремление добывать себе пищу, к отношениям с людьми на основе взаимной просьбы, желание жить в обществе. Соединившись в обществе, люди отказались от естественных прав в пользу государства. Предотвратить состояние войны (между народами, между отдельными личностями) призваны законы. Именно законы, по мнению философа, определяют степень гражданской и политической свободы. Политическую свободу Монтескье рассматривает в двух аспектах: по отношению к государственному строю и по отношению к индивиду [14, с. 54]. В первом случае она устанавливается известным распределением трёх властей, а во втором случае её следует рассматривать с иной точки зрения: тут она заключается в безопасности или в уверенности гражданина в своей безопасности [13, с. 317]. Презумпция невиновности, согласно Монтескье, является важной частью личной безопасности, а вместе с тем и основного права – права на жизнь. Верховенство закона, разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную создаёт в государстве полноценные условия для реализации прав и свобод человека. В свою очередь, права и свободы служат гарантом общественного прогресса: «там, где граждане свободны и независимы, где господствуют республиканские нравы, общество в состоянии развиваться. В странах, где граждане отказываются от свободомыслия и становятся на путь рабства, государство теряет величие и в конечном счёте терпит поражение от внутренних и внешних врагов» [13, с. 9]. Монтескье заложил основы позитивистского направления прав человека, оказал сильное влияние на дальнейшее развитие теории правового государства и доктрины конституционализма.

Другой французский философ Жан-Жак Руссо (1712–1778 гг.) в своём учении выступает с позиции политического радикализма, критикуя либеральную доктрину общественного договора и концепцию естественных неотчуждаемых прав и свобод. Основой его идей стал принцип народного суверенитета. В рамках теории общественного договора французский философ рассматривает естественное состояние общества. Но Руссо считает, что естественное состояние характеризуется простотой, неиспорченностью, свободой и равенством, социальной гармонией, которая нарушается появлением частной собственности, неравенства: в физическом (каждый человек имеет различные способности, природные отличия) и социальном (политическом) (вызывается появлением частной собственности, имущественного расслоения; оно устанавливается самими людьми) аспектах. Для защиты частной собственности, интересов имущих слоёв в русле историко-политического прогресса появляется государство. Оно возникает на основе общественного договора, но постепенно происходит превращение власти в произвол, усиление рабства. Люди становятся равными в своём бесправии. Общественный договор теряет своё значение. Однако французский мыслитель считал возможным заключение такого договора, который предполагал бы сохранение полной свободы и гарантии политических прав индивидов. «Надо найти такую форму ассоциации или общественного соединения, – утверждал Руссо, – которая защищала и охраняла бы всею общею силой личность и имущество каждого члена и благодаря которой всякий, соединяясь со всеми, повиновался только себе и оставался бы так же свободен, как и прежде» [15, с. 160].

Руссо (в отличие от Монтескье и Локка) считает верховную власть неделимой, отождествляя её с законодательной. Формы правления он ставит в зависимость от формы организации исполнительной власти, но при любой форме правления верховная власть принадлежит исключительно суверену – народу. Народ имеет право передать власть большинству (демократия), небольшому числу людей (аристократия), одному человеку (монархия). При этом народ вправе всегда изменить существующую форму правления. Демократия, отмечает философ, невозможна, а наилучшей формой правления французский мыслитель считает ту, при которой должностные лица избираются на-

родом, такое избрание гарантирует мудрость правительства, а «управление мудрых», несомненно, является самой лучшей и наиболее естественной формой правления. Из идеи народного суверенитета Руссо выводит принцип прямого народовластия, право народа-суверена на издание законов.

Французский просветитель не признаёт частную собственность естественным правом, но, тем не менее, считает её фундаментом существующего общественно-политического строя; право собственности – создание государства. Руссо в трактате «Об общественном договоре, или принципы политического права» выделяет различия между индивидом как частным лицом и индивидом как гражданином – членом «публичной персоны», неделимой частью целого, народа. Как отмечает швейцарский учёный Т. Фляйнер, достоинство человека не только в его индивидуальности, оно существует в коллективе и через коллектив, которому принадлежит человек. Но это не даёт коллективу (государству) права полностью не учитывать ценности индивида [16, с. 37]. Все вопросы, связанные с организацией гражданского общества, совершенствованием системы государственного управления, рассматривались Руссо сквозь призму гражданских прав и свобод каждого человека. Речь шла о компенсации имеющегося экономического неравенства политическим равенством и равенством всех перед законом народной власти. Такого рода равенство толковалось учёным в качестве главного принципа организации жизни людей на основе общественного договора. Практическая реализация данного принципа заключается в том, что, «теряя естественную свободу», человек выигрывает свободу гражданскую, а это, по мнению Руссо, является основополагающим условием существования людей в обществе. Дуализм Руссо: человек как член гражданского общества и человек как гражданин государства – позже стал основой концепции прав человека и гражданина. Впервые права человека и права гражданина были разделены в Народном соглашении от 28 октября 1647 г. в Великобритании (свобода совести – это право человека и не передаётся «вовсе никакой человеческой власти»; право участвовать в выборах парламента – право гражданина и закреплялось исключительно за англичанами) [17].

Идеи Д. Локка, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо оказали серьёзное влияние не только на последующие научные концепции, но и на политико-правовую практику, конституционное строительство многих стран.

Одним из наиболее известных идеологов американской независимости является американский философ, публицист Томас Пейн (1737–1809 гг.). Т. Пейн – сторонник теории естественного права и общественного договора. На его политико-правовые взгляды повлияли революционно-демократические идеи Ж.-Ж. Руссо. В работе «Права человека» американский мыслитель подвергает резкой критике идеи Э. Берка, подводящего под теорию общественного договора юридическую основу. «Каждая эпоха и каждое поколение должны иметь такое же право решать свою судьбу во всех случаях, как и предшествовавшие эпохи и поколения. ... Человек не имеет права собственности на другого человека; подобным образом ни одно поколение не имеет права собственности на последующие поколения», – отмечает мыслитель [18, с. 179]. Философ чётко различает понятия «общество» и «правительство» (гражданское общество и государство); «естественные права» и «гражданские права». Первое создаётся из человеческих потребностей, второе – из недостатков; первое – «защитник», второе – «каратель», «необходимое зло». «Гражданские права суть те, что принадлежат человеку как члену общества. В основу каждого гражданского права положено право естественное, существующее в индивиде, однако воспользоваться этим правом не всегда в его личных силах. Сюда относятся все права, касающиеся безопасности и защиты» [18, с. 205]. В отличие от Гоббса Пейн считает, что при переходе в гражданское состояние человек не теряет естественных прав. К ним он относит свободу слова, свободу печати, свободу совести, естественное право народа на независимость и др. Подобно Руссо, Пейн не относит част-

ную собственность к естественным правам. Естественные права, по мнению философа, являются приоритетными и выступают в качестве источника и основы гражданских. Из этих посылок вытекает три несомненных вывода. Первый: каждое гражданское право вырастает из права естественного. Второй: гражданская власть, рассматриваемая как таковая, представляется соединением того класса естественных прав, которые личность не в силах осуществить самостоятельно и которые тем самым бесполезны для нее, но, будучи собраны воедино, становятся полезны всем. Третий: власть, полученная от соединения естественных прав, не могущих быть осуществленными отдельной личностью, нельзя использовать для посягательства на естественные права [18, с. 206]. Будучи сторонником республиканской формы Т. Пейн также подчеркивал, что права человека являются не только свойством политико-социального существования человека, но и принципом государственной власти, а зарождение и функционирование власти основывал исключительно на согласии тех, кем она управляет.

Один из «отцов-основателей» Соединённых Штатов Америки Томас Джефферсон (1743–1826 гг.) в знаменитой Декларации утверждает: «Все люди сотворены равными, и все они одарены своим Создателем очевидными (прирождёнными и неотчуждаемыми) правами, к числу которых принадлежит жизнь, свобода и стремление к счастью» [19, с. 25]. Джефферсон (в отличие от Локка) право собственности не относит к естественным правам, заменяя его «правом на счастье». Политик законодательно закрепляет идею народного суверенитета, из которой вытекает естественное право народа на восстание. Немаловажно, думается, отметить, что принцип народного суверенитета, понимаемого как свободное самоопределение народа, Джефферсон распространял и на внешнюю политику. «Мы не можем, – писал он в бытность госсекретарём США, – отказывать другим странам в том самом принципе, что каждая нация имеет право быть управляемой в тех формах, которые ей нравятся, менять эти формы по собственному усмотрению ...Главное – это воля нации» [20, с. 157]. Философ отстаивает приоритет естественных прав над позитивными законами. Идеи Т. Джефферсона послужили теоретической основой первой поправки к Конституции США, которая наряду с провозглашением свободы религии, слова, печати, собраний запрещала издавать законы, устанавливающие какую-либо религию или препятствующие её свободному исповеданию. Единственной формой правления, считает Т. Джефферсон, которая соответствует принципу народовластия, является демократическая республика. В конечном счёте, Джефферсон сочетает либерализм и республиканизм, права и свободы личности и демократическую республику, которая видит свою основную задачу в обеспечении этих прав и свобод и, в свою очередь, нуждается в поддержке граждан [21, с. 48].

Учения Т. Джефферсона и Т. Пейна стали теоретической основой политико-правовых взглядов деятеля американского рабочего движения Томаса Скидмора (ум. в 1829 г.). Его идеи отражают особенности становления радикальной американской утопии: утопическую программу мирного преобразования капиталистического общества посредством передела земельной собственности на основах равенства. В труде «Права человека на собственность» Скидмор «редактирует» идеи Джефферсона и Пейна, заменяя «джефферсоновское право на стремление к счастью» на «право на равную собственность». Полемизуя с Пейном, Скидмор использует слова самого Пейна, но придаёт им другой смысл: «Что такое частная собственность? Весь материальный мир в том виде, в каком он вышел из рук Творца. Что такое право? Право каждого обитателя земного шара наравне с братьями пользоваться ...плодами и продуктами, даруемыми природой» [22, с. 31]. Но Пейн говорит о политических правах, а Скидмор о праве каждого человека на равную собственность. Он не приемлет сохранения одних естественных прав и ликвидацию других, относя тем самым право на равную собственность к естественным правам. Скидмор – сторонник радикального эгалитаризма, он выступал против рабства

негров, за равноправие женщин, отстаивал право каждого человека иметь равную долю собственности, прежде всего одинаковую пищу, одежду и обучение за общественный счет. Одним из самых известных американских эгалитарных документов стал проект, предложенный демократами 27 июля 1776 г. конституционному конвенту Пенсильвании: «Сосредоточение огромных богатств в руках отдельных индивидуумов опасно для прав и разрушительно для общего счастья человечества: исходя из этого, каждое свободное государство имеет право препятствовать накоплению такого количества собственности» [23, с. 42].

Подобно идеям американских просветителей в условиях борьбы за независимость развивались взгляды греческого революционера Ригаса Велестинлиса (1757–1798 гг.). В «Правах человека» он обосновывает идею независимости народов Балканского полуострова, подчеркивая, что достижение суверенитета в значительной степени является делом всех балканских народов, поскольку борьба за независимость – это борьба за естественные права человека, к которым он относит равенство, свободу (независимость), право на жизнь и право на собственность. Велестинлис предвосхищает появление прав второго поколения (экономических, социальных и культурных), концепции социального государства: «Общество должно оказывать помощь нуждающимся гражданам, как для приобретения того, что необходимо для труда, так и для предоставления возможности жить тем, кто не может работать ... несчастье, переживаемое кем-то одним, касается всех» [24, с. 51]. Идеи Велестинлиса о народовластии, свободе совести и равенстве всех наций и религий, взаимной ответственности индивида, общества и государства нашли отражение в первой Конституции Греции и всего Балканского полуострова.

Основателем нового направления в рамках естественного права, получившего название исторической школы права, является английский политик и публицист Эдмунд Берк (1729–1797 гг.). Взгляды Берка получили неоднозначную оценку исследователей его учения. Так, видный представитель неоконсервативной традиции П. Стенлис утверждает, что Берк не только не враг естественного закона, но и наиболее красноречивый его защитник: «Чтобы широко оценить берковское обращение к Естественному закону в ирландских, американских, отеческих и индийских делах, необходимо понять исторические условия и сопутствующие обстоятельства, которые позже названы его доводами, и проанализировать манеру, в которой Берк стремился установить принципы Естественного закона через практическое политическое действие» [25, с. 242]. В то же время известный американский политолог Ханна Арендт видит в идеях Берка «семена расистского мышления», начало процесса формирования доктрины английского национализма. Не посягая на права привилегированных классов внутри английской нации, Берк распространил принцип этих привилегий на весь английский народ, представив англичан как своего рода дворянство среди других наций. Отсюда его презрение к тем, кто претендовал на освобождение как реализацию прав человека, претендовать на которые, по его мнению, подобало только как на «права английского человека» [26, с. 250]. Именно английскую Конституцию – наследие предков – Э. Берк считал фундаментом законности, политической свободы, свободы личности, собственности, которую он признаёт основным правом, гарантом стабильности общества и обеспечения других прав. По мнению английского политика, права человека надо выводить не из представлений об абстрактном человеке, а из реально существующего общества и государства.

Концепция индивидуальных прав и свобод была развита в работах немецкого философа Иммануила Канта (1724–1804 гг.). Права человека понимаются Кантом как требование разума. Кант, оставаясь в рамках универсалистской естественно-правовой традиции, настаивает на том, что есть только одно естественное право, присущее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду, – это свобода.

Идея автономной и свободной личности в ее связи с правами как воплощением свободы уже в другом ключе была интерпретирована Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем (1770–1831 гг.). Гегель, развивая универалистскую историческую концепцию прав и свобод, в своем стремлении обосновать существование прав человека настаивает на возможности преодолеть разрыв между индивидом и государством через анализ ступеней развития свободы, которые обладают своим особым правом. В этом смысле государственный строй не есть что-либо сфабрикованное, а представляет собой работу истории и сознание разумного [27, с. 299]. Государство как воплощение системы права становится и воплощением свободы, где частные интересы переходят в ведение государства, то есть объективируются и в смысле прав человека во многом универсализируются. В этом и заключается дальнейшее развитие прав человека.

Ещё до появления марксизма значительный вклад в критику универалистской естественно-правовой доктрины внес основатель утилитаризма английский мыслитель Джереми Бентам (1748–1832 гг.). С точки зрения Бентама, права и свободы не возникают в умах людей, как это произошло с французским вариантом естественных прав, а существуют в реальном праве, созданном в ходе исторического развития человечества. Отрицая теорию общественного договора в сфере прав человека, Бентам настаивает на том, что политическая система как таковая является через государство основой и гарантом прав, а не наоборот. С его точки зрения, правительство само заключает контракты, а не является результатом какого-то мифического контракта. Реализация права человека в республике как единственно правильной форме политического правления должна основываться на постепенном расширении избирательных прав [28, с. 29].

Историческими интерпретациями прав были навеяны и некоторые взгляды двух других сторонников данной концепции прав человека: француза Алексиса де Токвиля (1805–1859 гг.) и англичанина Джона Стюарта Милля (1806–1873 гг.). Эти мыслители предостерегают, что демократические завоевания в конечном итоге из-за узурпации власти и шибок большинства могут привести к нарушению или исчезновению прав. И только расширение демократии участия и совершенствование политических институтов является гарантом успешного варианта политического развития. При этом и Милль, и Токвиль (одним из первых проводит сравнительный анализ французской и американской политических культур) отмечают большую предрасположенность тех или иных политических культур к демократии и соблюдению прав человека.

Важнейший вклад в универалистскую историческую интерпретацию возникновения оснований прав человека внес Карл Маркс (1818–1883 гг.). С точки зрения Маркса, права человека в представлении французских просветителей и «отцов-основателей» США не могут рассматриваться как мировоззренческие основы для всего человечества; это права буржуазии, выдаваемые за универсальные. Буржуазный человек, считает философ, является личностью, участвующей в гражданском обществе, в смысле, противоположном участию в обществе политическом. По Марксу, гражданское общество характеризует прежде всего жизнь материальную, эгоистическую по своей сути. В этом смысле, например, право на свободу может трактоваться лишь как негативное право на независимость от других, право на изоляцию и эгоизм. В гражданском обществе человек действует как частное лицо, «рассматривает других людей как средство, низводит себя самого до роли средства и становится игрушкой чуждых сил» [29, с. 391]. Маркс, подобно Гегелю, пытался предложить вариант интеграции гражданского и политического, т.е. объединения человека и гражданина, но не на основе доктрины прирожденных прав, а на основе политической эмансипации. Он настаивал на возможности истинной свободы только в обществе, создание которого возможно только через социальную революцию, задачей которой должно быть преобразование буржуазного мира в мир свободных людей сознательно творящих свою судьбу. Он не связывает возможность достижения

гармоничного общества с индивидуальными правами и все же отождествляет личные интересы с классовыми, а классовые с общественными. Т.е. торжество прав и свобод человека, по Марксу, возможно только после истории в некоем новом гармоничном мире, называемом коммунизмом. Идеи К. Маркса в последующем стали идеологической основой советской концепции прав человека.

Заключение

Таким образом, уже в политической теории и практике Нового времени чётко обозначились основные черты института прав человека как политического явления:

1. Права человека поставили под сомнение традиционные основы понимания политического и социального порядка, создав идею государственной власти и политики государства, зависящих от согласия и воли управляемых. Данный политический институт определил стандарты для оценки легитимности государственной власти. Вышеназванные тенденции способствовали созданию политического гуманизма как акцента на достижении и реализации потенциала человека-гражданина как политического существа. Современные концепции прав человека отражают и воплощают эти гуманистические и рационалистические черты. Вместе с тем права человека стали проявляться как идеологическое прикрытие для политического выбора, мотивированного другими соображениями («миссия несения цивилизации», «культурный империализм» и др.).

2. Права человека стали теоретико-идеологической базой эволюционных и революционных преобразований политических систем. Великие революции Нового времени шли под лозунгами прав человека именно потому, что они были наиболее весомым аргументом против монархии и аристократии.

3. Права человека стали содержанием политической воли новых политических акторов, источником модернизации писаного права, конституционализма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глухарева, Л. И. Права человека в системе теории права и государства: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Л. И. Глухарёва. – М., 2004 – 417 л.

2. Меркушев, В. Н. Права человека в контексте культурных различий: сравнительный анализ современных политологических концепций : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / В. Н. Меркушев. – Екатеринбург, 2004 – 153 л.

3. Гроций, Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций. – М. : Ладомир, 1994. – 868 с.

4. Grotius, H. Prolegomena to the Law of War and Peace / H. Grotius ; Editor's Introduction by E. Dumbauld. – Indianapolis : Bobbs-Merrill Company, 1957. – 173 p.

5. Шулепов, А. В. Гражданское общество: социально-политические проблемы становления : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А. В. Шулепов. – М., 2001. – 181 л.

6. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 2001. – 478 с.

7. История политических и правовых учений : учеб. для ВУЗов / В. С. Нерсисянц [и др.] ; под ред. В. С. Нерсисянца. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2004. – 944 с.

8. Спиноза, Б. Спиноза Иеллесу 2 июня 1674 г. / Б. Спиноза // Избр. произведения : в 2 т. / Б. Спиноза. – СПб. : Наука, 1999. – Т. 2. – С. 567–568.

9. Спиноза, Б. Политический трактат / Б. Спиноза // Избр. произведения : в 2 т. / Б. Спиноза. – СПб. : Наука, 1999. – Т. 2. – С. 285–383.

10. Шатина, А. Б. О философской сущности развития права / А. Б. Шатина // Вестн. МГТУ. – 2007. – Т. 10. – № 3. – С. 473–482.

11. Локк, Д. Два трактата о правлении / Д. Локк // Сочинения : в 3 т. / Д. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 135–407.
12. Локк, Д. Послание о веротерпимости / Д. Локк // Сочинения : в 3 т. / Д. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 91–135.
13. Монтескье, Ш. Л. Избр. произведения / Ш. Л. Монтескье ; под общ. ред. М. П. Баскина. – М. : Гослитиздат, 1955. – 799 с.
14. Абдулаев, М. И. Права человека: историко-сравнительный анализ / М. И. Абдулаев. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – 283 с.
15. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права / Ж.-Ж. Руссо // Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М. : Наука, 1969. – С. 151–256.
16. Фляйнер, Т. Что такое права человека / Т. Фляйнер. – М. : ИГПИ ; Логос, 1997. – 136 с.
17. Народное соглашение от 28 октября 1647 г. // История Великобритании [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://www.2uk.ru/history/history110>. – Дата доступа: 10.05.2009.
18. Пейн, Т. Избранные сочинения / Т. Пейн ; под ред. М. П. Баскина. – М. : АН СССР, 1959. – 423 с.
19. Декларация независимости // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / под ред. О. А. Жидкова. – М. : Прогресс, Универс, 1993. – С. 25–28.
20. Сытин, А. Г. Политическая философия демократии: вклад Т. Джефферсона / А. Г. Сытин // Полис. – 2008. – № 1. – С. 153–168.
21. Шелдон, Г. Политическая философия Томаса Джефферсона / Г. Шелдон; общ. ред. Н. Е. Покровского. – М. : Республика, 1996. – 255 с.
22. Скидмор, Т. Права человека на собственность / Т. Скидмор. – М. : Наука, 1988. – 448 с.
23. Согрин, В. В. Политическая история США. XVI–XX вв. / В. В. Согрин. – М. : Весь мир, 2001. – 400 с.
24. Велестинлис, Р. Революционные произведения. Революционное воззвание. Права человека. Конституция. Гимн восстания / Р. Велестинлис. – Тбилиси : Лотос, 2002. – 126 с.
25. Витальева, А. И. Берк никогда не был никем, кроме консерватора? Некоторые аспекты англо-американской историографии, посвящённой деятельности мыслителя / А. И. Витальева // Вестн. Нижегород. ун-та имени Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 5. – С. 239–244.
26. Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт; под ред. М. С. Ковалевой [и др.]. – М. : ЦентрКом, 1996. — 672 с.
27. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М. : РОССПЭН, 1998. – 415 с.
28. Маркс, К. К еврейскому вопросу / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 1. – С. 382–413.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.03.2015

Severin E.N. Institutionalization of Human Rights Theory in Political Science

We can distinguish the following steps in the development of political theory and practice of human rights: proto-institutionalization, as a stage of freedom approval, confession, as a key element of freedom of conscience and as a secular source of human rights within the European process of the Reformation, institutionalization, as a step of forming the basic scientific paradigms in the field of human rights within political theory, fixing at a law level rights and personal freedoms; institutionalization is the process of formation and legitimization of political science of human rights as a relatively autonomous areas of research within political science. The proposed research focuses on the institutionalization of human rights in political science. At this stage, in parallel with the formation of the methodological foundations of modern concepts of human rights, the prerequisites release of political science as an independent scientific knowledge has been formed.

УДК 338.48:316 (035.3)

Т.И. Яковук

*д-р социол. наук, канд. культурологии, проф., проф. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

РЕАЛИЗАЦИЯ МОТИВАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ КАК СПОСОБ ИЗМЕНЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ОЩУЩЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

В статье представлены основные цели и мотивация современных путешествий и дальних выездов, а также их влияние на качество жизни путешественника в месте его постоянного проживания. Решения, связанные с путешествиями, являются для большинства людей достаточно сложными и обуславливаются причинами прежде всего культурного и материального характера. Структура мотивации туристических выездов является достаточно динамичной и может на протяжении жизни человека многократно меняться в зависимости от возраста, культурно-образовательного статуса, материального достатка, социального статуса, стандартов организации свободного времени. Немаловажными факторами являются мода на далекие выезды, здоровый образ жизни, а также жизненный и культурный опыт, приобретенный в ходе предыдущих поездок. Одной из основных мотиваций туристических выездов являются материальные и нематериальные подтверждения собственного пребывания в огромном жизненном пространстве.

В современном глобальном мире человек живет в качественно новой реальности: ослабление границ, мощное технологическое развитие и связанное с этим удешевление стоимости эксплуатации транспортных перевозок туристических потоков, а также практически онлайн-движение информационных потоков создают невиданные ранее в истории человечества возможности перемещения людей на самые далекие расстояния за все более короткое время. Именно мобильность определяет критерии современности противостоя всему, что привычно и традиционно, – монотонности жизни и скуке.

Сегодня быть современным означает возможность позволить себе отряхнуться от рутины повседневной жизни. Таким образом, путешествия становятся показателем социального статуса, маркером, определяющим место человека в социальной структуре. Причем важен не сам факт путешествия, а его характер (например, туры с целью отдыха, лечения, культурно-познавательные, учебные), а также, что не менее важно, его продолжительность и удаленность от места постоянного проживания. Чем дальше мы выезжаем, чем менее доступны для массового туризма места, которые мы посещаем, тем сильнее ощущение оригинальности или, как минимум, инаковости, отличия от типичных путешественников. Неделя, проведенная на берегу Красного моря в Египте в пятизвездочном отеле по программе All Inclusive и самостоятельное путешествие по джунглям и разоренным кровопролитными войнами городам и весям Камбоджи – это совершенно разные измерения опыта путешествий, понимания жизни, культуры и разнообразия современного мира. Это и иной статус в иерархии социальной структуры.

Как отмечает известный американский теоретик туризма Г. Данн, исследования мотивации туристической активности относятся к достаточно сложным, поскольку, во-первых, мотивация поведения не может быть непосредственной предпосылкой определения структуры мотивации ввиду того, что иногда человек совершает и не совсем осознанные поступки. Во-вторых, не всегда можно достаточно точно определить то, что притягивает туриста (pull): например, туристические достопримечательности, или то, что его подталкивает к выезду (push), т.е. полный комплекс его потребностей, стремлений, интересов.

Польский социолог туризма Р. Винярский, опираясь на выработанные психологией общие концепции мотивации (в частности, ранее описанные К.Б. Мадсенем современные теории мотивации), трактует туристическую активность как:

1. поведение, направленное на восстановление психического равновесия, как бегство от повседневности, как редукцию перенапряжения, выступающего в повседневной жизни (гомеостатическая модель);

2. реакцию на внешние факторы и информацию, представляющие определенный интерес и ценность, мобилизующую к действию с целью достижения определенной пользы, удовольствия или удовлетворения (побуждающая модель);

3. целенаправленную деятельность, хотя и обусловленную воздействием внутренних или так называемых познавательных структур, но реализуемую вполне осознанно на основе самостоятельно принимаемых решений (когнитивная модель);

4. творческую активность, способствующую самореализации, аутотелическую активность, базирующуюся на основе иных потребностей, но функционирующую автономно с опорой на специфическую туристическую потребность (гуманистическая модель) [2, с. 28].

Как следует из вышеизложенного, ни одна из представленных концепций не представляет полного механизма, регулирующего туристическую активность человека: их объясняющая и предикативная значимость сводится к определенным шаблонам поведения. Они не объясняют также мотивов выбора формы туризма и изменчивости интер- и интраиндивидуальной структуры мотивации. Нам представляется наиболее корректной холистическая концепция, принимающая во внимание как сложную структуру мотивации (содержание и иерархия мотивов), так и ее динамику (изменчивость, развитие).

Туризм является разновидностью активности человека, реализуемой в определенном времени и пространстве (физическом, социальном и культурном), благодаря которой он удовлетворяет свои потребности и стремления. Можно изначально предположить, что туристическая активность является результатом воздействия синтеза актуальных социокультурных факторов и ранее сформированной мотивационной структуры индивида. Социокультурные факторы, влияющие на туристическую активность в определенный момент, могут носить как экзогенный характер (информация, поступающая через экстерорецепторы), так и эндогенный (ощущение скуки, потребность «сброса» чрезмерной энергии, любопытство, поиск впечатлений); при этом сами по себе они не провоцируют определенной активности. Нельзя забывать также о том, что конкретная форма активности человека обусловлена не только социокультурными факторами, но и мотивационной предрасположенностью, сформированной на основе личного жизненного опыта.

Совокупность мотивационной предрасположенности, выражающей готовность продемонстрировать определенную форму активности, в дальнейшем мы вслед за Р. Винярским будем называть «мотивационной структурой». Это понятие является сугубо теоретическим конструктом, введенным для обозначения внутренней организации, которая, накапливая, систематизируя и анализируя индивидуальный жизненный опыт, вырабатывает механизмы воздействия на поведенческие процессы.

Структура туристической мотивации, приводя в движение и регулируя с помощью мотиваций поведение индивида, подвергается воздействию убеждений, интересов, ценностно-нормативных ориентиров личности, т.е. сама структура и составляющие ее элементы пребывают в состоянии постоянного движения, поскольку меняются и социокультурные условия жизнедеятельности человека, и сам человек, его вкусы, взгляды, ценности. Структура туристической мотивации является источником мотивационных процессов, базирующихся на предыдущем туристическом опыте, приобретенных туристических навыках, а также на ожиданиях, связанных с реализацией потребностей и аспираций. Поэтому механизм туристической мотивации не может быть низведен до уровня редукции нехватки или излишеств в повседневной жизни, редукции расхождения между желаемым и действительным (гомеостатическая мотивация). Человек, активно занимающийся туризмом, часто выходит за пределы сложившихся в среде его обитания социокультурных условий, «перешагивает через барьеры», т.е. совершает трансгрессивные действия. Механизм этих

действий опирается на гетеростатическую мотивацию роста. Это означает, что достижение желаемых ценностей, являющихся предметом аспирации, не только не снимает мотивационного напряжения, но часто его даже усиливает. Например, туристическая активность может базироваться на познавательных, религиозных, экономических мотивах, ее неиссякаемым источником может стать мотивация поиска новых впечатлений, новых пейзажей, запахов, кулинарных изысков. Такие мотивы в эпоху массовой культуры и массового туризма, подпитываемого образцами рекреационного поведения, навязываемого обществом потребления, практически не поддаются простому перечислению, поскольку ежедневно и ежеминутно исчезают еще модные вчера маршруты, впечатления, туристические достопримечательности, а на их месте возникают сотни новых, не увидеть которые нельзя, если хочешь быть модным и современным. Люди, занимающиеся туризмом, часто рушат материальные, исторические, социокультурные границы, познавая при этом новые миры, культуры, стили жизни. Способностью к трансгрессии, трансгрессивной активностью, как правило, отличаются творческие натуры: писатели, художники, музыканты, актеры, журналисты, ученые, а также молодежь, наделенная особым даром предчувствия еще не наступившего, но ожидаемого будущего, образцами которого насыщена массовая культура, реклама, образ жизни высокоразвитых богатых стран.

Туристическая активность позволяет любому человеку совершать эти трансгрессивные акты, приобщаясь тем самым к жизни других народов. Она дает возможность сравнить собственные жизненные позиции, ожидания, вкусы и предпочтения с теми, которые доминируют в иных культурах; способствует формированию новых линий поведения, ориентированных на адаптацию к стремительно меняющимся социокультурным условиям с учетом современных стилей жизни.

Изучение литературы по проблеме мотивации туристической активности, позволяет прийти к некоторым выводам.

1. Семья и школа оказывают незначительное влияние на формирование мотивации к занятиям рекреацией и туризмом, что объясняется их неготовностью руководить процессом правильной организации свободного времени.

2. В структуре туристической мотивации, регулируемой целым комплексом мотивов, доминируют те, которые соответствуют актуальным потребностям человека.

3. Изменчивость и развитие мотивационных структур в процессе «рекреационно-туристической карьеры» во многом определяются индивидуальным опытом человека и такими биосоциальными факторами, как пол, возраст, образование, профессия и т.п.

Богатство впечатлений, вписанное в сам факт любого путешествия, имеет непосредственную связь с качеством жизни, причем, прежде всего в его субъективных оценках. Если под способом понимания качества жизни предполагать жизненные ощущения в процессе «проживания» самой жизни, то вполне естественным и значительным оказывается влияние на это «проживание» жизни и понимание ее качества возникновение переживаний и познание невероятно иной действительности, которые оказываются возможными и доступными исключительно благодаря путешествиям и непосредственному включению в эту действительность хоть бы даже в качестве туриста, наблюдающего эту иную реальность из затемненного окна комфортабельного автобуса или фешенебельного отеля.

Качество жизни определяется, как известно, качеством повседневных переживаний, источники которого, по мнению польского социолога С. Ковалика, могут скрываться в субъективной познавательной системе. Поэтому центральным пунктом предлагаемой в данной статье концепции качества жизни является переживание, которое понимается вышеупомянутым Коваликом как внутренний процесс, базирующийся на обогащении результатов познания внешней окружающей действительности путем распознавания в ней ранее скрытых и поэтому недоступных элементов. Более того, в переживании существенным является ассоциация элементов собственного жизненного опыта с перцепцией новой

действительности (креация воображения, различные фантазии, «додумывание»), а также отношение к информации о познаваемой новой действительности в перспективе их значимости для собственной жизни.

Качество жизни является более высоким, если перцепционная информация в состоянии ангажировать восприятие, воображение, мышление для пробуждения сферы переживаний. Если путешественник оказывается в окружении множества факторов, событий, то он в состоянии их воспринимать и включать в свой жизненный опыт. Во время усвоения опыта возникает много переживаний, а значит, повышается качество психической жизни. Противоположной является ситуация, в которой богатство факторов усваивается в процессе познания незначительно и не включается в собственный опыт [3, с. 29]. Поэтому на качество жизни влияет не только внешний мир, содержащий разнообразные факторы, но также и то, насколько знание об окружающем мире интегрируется с личным опытом путешественников.

Таким образом, анализ качества жизни требует осмысления эмоциональной окрашенности переживаний, их интенсивности, разнообразия, т.е. всего того, что непосредственно связано с фактом путешествий. При этом следует помнить, что качество жизни не является навсегда приобретенной собственностью, как раз наоборот: само ощущение качества жизни находится в постоянной динамике ввиду как изменения факторов социокультурной обусловленности, так и внутренних, личностных изменений, связанных, например, с возрастными показателями, с состоянием здоровья, взаимоотношениями с окружающими и прочими не менее важными маркерами.

Все поддающиеся измерению варианты пользы от путешествий, как более крепкое здоровье, «подправленная» красота, пестрые элементы биографии и, прежде всего, «обновленная» идентичность, обогащают не только жизнь в отпуске, но и последующую повседневную жизнь, наполненную рутинными и новыми заботами. В любом, даже не удаленном на большие расстояния выезде из места постоянного проживания мы переживаем свою жизнь гораздо более интенсивно, поскольку она протекает в новых жизненных реалиях. При этом оказывается, что мы познаем не только новые жизненные пространства, но и самих себя: свой физический, интеллектуальный, личностный потенциал. Даже хорошо подготовленный выезд в составе туристической группы в любую европейскую страну в состоянии продемонстрировать нам полезность нашего ранее приобретенного жизненного опыта. Так, только в далеких путешествиях, в чужом социокультурном пространстве мы можем дать объективную оценку нашим способностям и навыкам, например, ориентирования в условиях города или, скажем, реального знания иностранных языков. В таких случаях может оказаться, что не всегда познания наших сограждан в английском языке могут быть катастрофическими. В условиях стресса, связанного с отрывом от группы, туристы часто вполне сносно пытаются объясниться не только с теми, кто по роду своей деятельности много общается с иностранцами: с таксистами, туристической полицией и продавцами магазинов, – но и со спешащими по делам прохожими. С удивлением туристы-белорусы узнают о том, что практически все европейское население достаточно неплохо говорит по-английски, а молодежь владеет им просто блестяще.

В новых жизненных социокультурных реалиях проходят испытания наши врожденные и приобретенные способности контактировать с людьми, например, с такими же туристами, в условиях небольшого пространства автобуса, в котором сталкиваются разные, порой диаметрально противоположные представления о культуре организации своего места в транспорте, личной гигиены, корректного поведения, т.е. о культурной дистанции. Таким образом, пользу от путешествий можно определить как:

- 1) расширение жизненных горизонтов за счет познания новых стран и континентов;
- 2) понимание и осознание социокультурных различий между людьми, странами, культурами, жизненными перспективами;

- 3) дальнейшее развитие умений и навыков справляться с эмоциями и стрессами;
- 4) планирование и достижение целей, в том числе связанных с накоплением технологических, информационных, финансовых, временных и культурных ресурсов, необходимых для совершения путешествий;
- 5) реализация более широких возможностей визуального потребления;
- 6) изменение взгляда на собственное «Я» путем анализа проявления в путешествиях силы, слабостей, приоритетов, т.е. «обновление» идентичности, связанное с культурной трансформацией личности.

Подводя итоги вышеизложенного, мы можем утверждать, что реализованные мотивации путешествий, особенно в географически и культурно отдаленные регионы мира, сопровождаются глубокой рефлексией, связанной не только с осмыслением окружающей действительности, но и саморефлексией. Переоценка собственного культурного капитала, протекающая в новых жизненных условиях, безусловно, меняет представление о качестве собственной жизни. Возможность сравнения своей страны, ее историко-культурного наследия с культурой и менталитетом жителей посещаемых стран, проявление туристами личностных качеств, приобретенные цивилизационные навыки и способности к межкультурному контакту изменяют их представления о себе.

Реализация мотиваций путешествий, проявившаяся самим фактом возможности быть мобильным, подтвержденная культурным, финансовым и физическим потенциалом, повышает ощущение качества жизни. Более того, реализованные мотивации туристических выездов не только способствуют изменению оценки качества собственной жизни, но и формируют круг задач, решение которых позволит в будущем вывести свой социокультурный потенциал на новый, более высокий уровень, и, следовательно, не только подтвердить свои оценки качества жизни, но и улучшить их.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stasiak, A. Kultura a turystyka – wzajemne relacje / A. Stasiak // Wielokulturowość w turystyce / E. Pucharewicz (red.). – Warszawa : LIBRON, 2007. – S. 47–62.
2. Winiarski, R. Turystyka w naukach humanistycznych / R. Winiarski. – Warszawa : PWN, 2008.
3. Kowalik, S. Jakość życia psychicznego / S. Kowalik // Jakość rozwoju i jakość życia / W. R. Derbis (red.). – Częstochowa : WSIP, 2000.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.02.2015

Yakovuk T.I. Realization of Motivations of Modern Journeys as a Means of Changing the Subjective Perception of the Quality of Life

The article presents main aims and motivations of modern journeys, reasons for faraway tours as well as their influence on the traveler's quality of life at the place of his permanent residence. Decisions connected with travelling are for most people rather complicated and are governed by the wide range of reasons, first of all of cultural and financial character. The structure of motivations of tourist trips is quite dynamic and can change many times throughout the life time depending on the person's age, cultural-educational status, welfare, social status, standards of organization of the free time typical for the closest surrounding. Not the least of the factors is the fashion for faraway trips, healthy lifestyle as well as life and cultural experience acquired during previous journeys. One of the main motivations for travels is material and non-material confirmation of own presence in the huge life space. The evidence of being in the boundless global world in this context is the souvenirs, photos, videos, symbols of the local culture, essential elements of the holiday scenario. In conclusion the article deals with the connection between emotions experienced during the journey and the all-round development and subjective aspects of the quality of life.

УДК. 316.334.55-057.32(476)

Р.А. Смирнова

*д-р филолог. наук, доц., зав. отделом социологии регионального развития
Института социологии НАН Беларуси*

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И СПЕЦИАЛИСТОВ ПРЕДПРИЯТИЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Статья посвящена анализу инновационного потенциала руководства аграрной сферой на уровне сельскохозяйственных организаций. Обоснована идея о специфических качествах директорского корпуса и специалистов предприятий, позволяющих относить их к лидерам развития сельскохозяйственного производства. Выявлена динамика основных показателей экономического, трудового и миграционного поведения, определено отношение данной группы сельского сообщества к проводимым в стране аграрным реформам, представлена оценка ими деятельности различных сфер АПК.

Опыт рыночных реформ АПК в постсоветских странах, особенно России, показал, что от того, как воспринимают и в какой степени включаются руководство и специалисты агропредприятий в процесс реформирования, зависит успех возрождения и развития села. Принято считать, что если они не поддерживают основных положений концепции реформирования, если не верят в его успех, то реализовать те цели, которые поставило перед аграриями правительство страны, будет крайне сложно. Поэтому изучение уровня развития лидерских качеств руководства агросферы, направлений его формирования, темпов изменения рыночной активности, а также факторов ее стимулирования является необходимым не только в плане теории, но и для практического реформирования АПК.

В литературе директорский корпус и специалистов высшего звена в АПК часто называют аграрной элитой. Элиту, как правило, определяют как социальную группу, составляющую меньшинство общества, являющуюся субъектом принятия стратегически важных решений и обладающую для этого необходимым как статусным, так и (в идеале) лично-профессиональным потенциалом. Кроме того, подчеркивается также такое качество, как гомогенность элиты, определяемой личными связями, общностью стиля жизни, одинаковой системой ценностей, усваиваемых в семье и учебных заведениях. Основной социальной функцией элиты называется способность к инновационному прорыву.

В данной статье на основе результатов социологических опросов рассматривается потенциал руководителей и специалистов АПК как лидеров развития агросферы Беларуси. Непосредственная включенность в производственные процессы, способность действовать активно в сфере своей профессиональной компетенции, а также количественный состав директорского корпуса как социального слоя позволяют называть его не столько элитой, сколько лидером развития АПК. Лидеры развития в агросфере – это верхние социальные группы сельского сообщества, которые исполняют наиболее актуальные и востребованные общественные задачи: организуя и управляя сельскохозяйственным производством, решают проблему продовольственной безопасности страны и способствуют материальному и социально-психологическому благополучию сельских жителей. Для того, чтобы определить, является ли действительно директорский (включая специалистов) корпус лидером развития и какие изменения происходят в сознании и поведении данной социальной группы, в 2005, 2009, 2011 и 2013 гг. были проведены социологические исследования по целевым выборкам (опрошено 101, 92, 100 и 130 человек соответственно). Целевую аудиторию опроса составили директора СПК (ЧУП и др.) и специалисты высшего звена сельхозпредприятий, являющиеся субъектами принятия стратегически важных для развития сельскохозяйственных организаций решений и обладающие для этого необходимым как статусным, так и профессиональным потенциалом. Исследование лидеров развития аг-

рарной сферы позволило определить однородность и специфику этого социального слоя не столько по стилю жизни, личным связям и системе ценностей, сколько по деятельностным признакам их функционального предназначения: ответственности за взятое дело, способности к принятию решений, восприимчивости к новому, готовности к решительным действиям в инновационных преобразованиях. По нашему мнению, только деятельностный критерий позволяет определить то общее, что присуще всем, кто работает на земле, и то особенное, что делает директорский корпус основным ядром социальной базы инновационно-устойчивого развития села, лидером развития в агросфере.

Анализ данных социологического исследования 2013 г. показал, что в сфере ценностных установок, стиля жизни, социальных связей, потребительских, трудовых и экономических предпочтений руководителей и специалистов сельскохозяйственных предприятий произошла заметная динамика. В частности, была рассмотрена специфика экономического сознания и поведения директорского корпуса как системы представлений, установок, ожиданий и поступков, отражающих определенную конфигурацию их индивидуальных и групповых ориентаций в окружающем мире, а именно то, что в их сознании составляет операционный код принятия не только экономических и социально значимых решений в сельскохозяйственных организациях, но также вопросов государственно-политической важности. В связи с этим была выдвинута гипотеза, что одной из наиболее характерных черт сознания директорского корпуса, определяющей качество лидера развития, выступает способность к проекции текущей ситуации на будущее через опережающее по сравнению с массовым сознанием осмысление новых внешних вызовов (политических, социальных, глобальных, экологических, природных и др.). В связи с этим в качестве основных показателей способности аграрного руководства быть лидером развития в исследовании выступили: 1) оценка значимости государственной политики в аграрной сфере и своей роли в ее реализации; 2) мнение о высокой степени влияния реформирования АПК и собственных решений в сфере управления своим хозяйством; 3) ощущение причастности к процессу реализации управленческих задач высокого уровня; 4) профессионализм в процессе осуществления конкретных задач, кадровая стратегия; 5) способность к проекции текущей ситуации на будущее.

Анализ данных соцопросов руководителей и специалистов по указанным показателям дает возможность определить степень их включенности в инновационные процессы, а также динамику социальной и производственной активности данной группы сельского сообщества. В частности, она проявилась в изменении такого показателя, как активность в решении материальных проблем: если в 2009 г. «жить богаче других» являлось мотивом активности всего для 2,2% специалистов и руководителей, а «жить как все, не хуже других» – 66,3%, то в 2013 г. «быть богаче других» стало мотивом уже для 16,2%, а «жить не хуже других» – 53,1%. Кроме того, в отличие от прошлых замеров, в 2013 г. возросла значимость таких жизненных ценностей, как «интересная работа» (26,9%), «самореализация» (32,3%), «карьера, высокое положение в обществе» (10,8%), «знание, образование» (31,5%), «свобода и независимость поступков, суждений» (19,2%). А «ценность материально обеспеченной жизни» отметили только 38,5% респондентов, что свидетельствует о более-менее благополучном положении дел в этом отношении и, соответственно, снижении актуальности этой проблемы для респондентов, характерной для прошлых лет. И действительно, 17% респондентов отметили, что у них «хорошее материальное положение», 62,3% – «среднее». На благополучную жизнь денег у респондентов хватает, однако для покупки дорогостоящих вещей (автомобиль, квартира и др.) примерно 30% респондентам «необходимо время, чтобы собрать средства», однако 35% респондентов признались, что «никогда не смогут себе это позволить».

Особенности экономического поведения руководства СПК также просматриваются в степени трудовой мобильности, желании интенсифицировать свой труд для повышения

доходов. Это существенный показатель рыночной ориентации сознания руководителей и специалистов. Так, согласны ради повышения материального достатка на переобучение и дополнительное обучение 57,6% респондентов, тогда как среди рабочих такого же мнения придерживаются 35,8%. Больше число респондентов-специалистов (65,2%) согласны ради этого «работать более интенсивно, иногда сверхурочно» (рабочие – 50,6%); готовы на «усиление трудовой дисциплины на предприятии» (68,4% и 45,6% соответственно); «увеличение личной ответственности за результаты труда» (73,9% и 55,6%). Эти различия в мотивациях и средствах целедостижения обусловлены включенностью в управленческий процесс, который уже функционирует по рыночным правилам, а также высоким уровнем образования, информированностью о рынке и другими когнитивными факторами. Но уже сейчас реальной платой за улучшение материального положения управленцев стали интенсификация труда, повышение ответственности в сфере их профессиональных обязанностей. Каждый пятый респондент утверждает, что он работает на износ, когда даже отдых не позволяет снять усталость; 65,4% респондентов заявили, что их работа напряженная, но терпимая. Видимо, поэтому 21,5% выражают желание сменить профессию, а 28,5% – вообще уехать из своего населенного пункта (эти респонденты ориентированы на городскую жизнь: 10,8% хотят уехать в любой другой город, 9,2% – в Минск или областной центр, 6,2% – вообще из страны).

70% руководителей и специалистов, также как и рабочих, «не хотели бы, чтобы их дети жили и работали в сельской местности». В основном они хотят, чтобы их дети «приобрели городскую профессию в вузе или техникуме» (70%) или «занялись бизнесом» (10,8%). Лишь 10% респондентов хотят, чтобы их дети «продолжили дело родителей и стали профессиональными аграриями». Дело в том, что респонденты (профессиональные специалисты и руководители) прекрасно понимают, какие трудности ждут молодых специалистов: «низкая зарплата» (на это указали 60% респондентов), «отсутствие жилья» (32,8%), «конфликты с руководителем» (20%), «бытовые проблемы» (29,6%), «отсутствие карьерного роста» (16,8%). Если к этому добавить общее настроение молодых выпускников, приехавших из города после вуза, выражающееся в нежелании работать на селе, стремлении уехать после окончания срока распределения (по мнению 68% опрошенных), то можно предвидеть, какие нужны меры социальной и экономической политики, чтобы данный процесс хотя бы затормозился.

Как бы то ни было, но пока только немногим более половины (56,2%) респондентов устраивает их работа (21,5% – не устраивает и 18,5% – затруднились с ответом). Те, кого не устраивает их работа, в основном хотели бы «заняться предпринимательской деятельностью, не связанной с сельским хозяйством» (26,3%), «агротуризмом» (10,5%), «фермерским хозяйством» (5,3%), «крестьянским хозяйством» (5,3%) и «предпринимательской деятельностью, связанной с сельским хозяйством» (7,9%). Видимо, о своих проектах специалисты сельхозорганизаций долго думали и пытались их реализовать, так как вполне осмысленно оценивают трудности и риски, не позволившие им успешно реализовать свои проекты. Так, в качестве препятствий, мешающих реализовать свои желания, респонденты указали «нехватку денежных средств для открытия своего дела» (55,6%), «высокие процентные ставки по кредитам» (55,6%), «высокие налоги, сборы» (33,3%), «коррупция на всех уровнях» (25,9%) и др. (таблица 1).

Таблица 1. – Распределение ответов на вопрос «Если хотите заниматься одним из указанных видов деятельности, то какие препятствия мешают Вам реализовать это желание?», %

Враждебное отношение окружающих (односельчан, руководства)	11,1
Высокие налоги, сборы	33,3
Коррупция на всех уровнях	25,9
Мне это не по силам (не позволяет возраст, не хватает здоровья, знаний, смелости и т.д.)	7,4

Продолжение таблицы 1

Не хватает денежных средств для открытия своего дела	55,6
Несовершенство или отсутствие необходимых законов	18,5
Отсутствие помощи со стороны местных властей	29,6
Высокие процентные ставки по кредитам	55,6
Экономическая нестабильность в стране	40,7
Другая причина	7,4

При этом такая оценка ситуации не голословна: 58,5% респондентов лично сталкивались с препятствиями в решении деловых, производственных вопросов при обращении в различные учреждения, организации, предприятия. В основном препятствия им чинило вышестоящее руководство предприятия (61,4%), районные и областные органы власти (43%), органы правопорядка (15,7%) и др. (таблица 2).

Таблица 2. – Распределение ответов на вопрос: «Со стороны кого Вы испытывали препятствия?», %

Районных, областных органов власти	42,9
Вышестоящего руководства	61,4
Органов правопорядка (милиция, прокуратура)	15,7
Коммунальных служб	18,6
Санитарных служб	22,9
Организаций торговли и других учреждений	12,9
Руководителей других предприятий	11,4
Финансовых организаций (банки, фонды, страховые организации)	18,6
Налоговых служб	8,6
Центральной, республиканской власти	5,7
Министерств	2,9
Другое	1,4

Зная трудности фермерского дела, респонденты считают, что без помощи государства сложно конкурировать с крупными сельскохозяйственными организациями, поэтому считают, что государство «должно субсидировать фермеров, давать льготы на кредиты и ресурсы так же, как и крупным предприятиям» (49,2%), «способствовать созданию крупных кооперативов фермерских хозяйств, способных совместно приобретать дорогую технику» (21,7%), «поощрять лишь те фермерские хозяйства, которые занимаются производством, хранением, переработкой и продажей сельскохозяйственной продукции» (47%). Так как, согласно опросу, каждый пятый респондент аграрного истеблишмента хотел бы заняться собственным бизнесом в аграрной сфере, то это сказалось на их отношении к собственности на земельные угодья. На вопрос: «Если бы Вы захотели сейчас стать собственником сельхозугодий, сколько бы гектаров земли было бы для Вас достаточно?» половина опрошенных ответила, что им земля не нужна, так как не смогут качественно ее обрабатывать, 11,5% респондентов ограничились бы 10 га, до 50 га взяли бы 4,6%, от 50 до 100 га – 6,2%, свыше 100 га – 2,3%. При этом 37% опрошенных считают, «для Беларуси является наиболее оптимальной формой владения сельскохозяйственными угодьями частная форма собственности», 12,3% – «аренда земли», 19,2% – «государственная», 28,5% не определились. За частную собственность на земли сельскохозяйственного назначения высказались 52,3% респондентов.

Специалистам и руководителям известны основные положения концепции реформирования АПК («хорошо известны» – 11,5%; знают «в общих чертах» – 70%; ничего не знают о ней 13,8%). В целом 80% «согласны с основными положениями концепции»;

60,8% считают, что реформа уже проведена, а 31,6% респондентов утверждают противоположное. Оценка ими осуществленной реформы, правда, не очень высокая – в среднем 3,1 балла (по 5-балльной системе). Однако результаты есть, и они выразились, по мнению респондентов, «в появлении конкуренции на рынке сбыта продукции» (38,7%), «в самостоятельности в сфере производства, переработки и ценообразования» (29,7%), «в появлении фермерства и крестьянских хозяйств» (16,2%). Но почти каждый третий заявил, что «фактического перехода на рыночные отношения в целом по стране не произошло».

На просьбу оценить текущую аграрную политику в стране респонденты дали ей также невысокую среднюю оценку – 2,9 балла (сфера производства – 3,4; деятельность посреднических групп – 3,1; сфера аграрной науки – 3,3; организация системы стандартов и контроля над качеством продукции – 3,7; система сельскохозяйственного образования – 3,4; кооперация – 3; работа союзов производителей – 2,8; система налогообложения – 3,3; материально-техническое снабжение – 3,2; обеспечение рыночной информацией в сельском хозяйстве – 2,9; вопросы сельскохозяйственного кредитования – 3,1; сельскохозяйственное страхование – 3,1; процедура банкротства – 2,7; система организованных рынков – 2,8). Невысокие оценки свидетельствуют не столько о несогласии с принципами реформирования, сколько о продуманном и осторожном подходе к его отдельным направлениям.

Оценивая перспективы развития аграрной сферы в стране, респонденты видят будущее за такими формами организации хозяйства, как «крупные агропромышленные предприятия» (53,8%), «фермерство» (39%), «добровольная крестьянская кооперация фермерско-крестьянских и личных хозяйств» (31,1%), «производственные кооперативы» (24,4%), «холдинги» (18,5%) и «личные подсобные хозяйства» (18,5%). Однако респонденты, имеющие опыт руководства и работы в хозяйствах, способны видеть недостатки работе АПК, которые тормозят его развитие. Они зависят от: 1) государственной политики в аграрной сфере; 2) сознания и экономического поведения населения; 3) организационно-управленческой деятельности в самих сельхозпредприятиях. Самые важные, относящиеся к первой группе причин, по мнению 67,2% респондентов, это «диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию»; «отсутствие необходимой рыночной среды» (30,2%); «медлительность и фрагментарность аграрных реформ» (24%), «низкий технико-технологический уровень» (19%); «непроработанность юридически-правовой базы реформы» (13%).

Не менее значимыми являются причины, связанные «со слабым платежеспособным спросом населения» (37,9%); «боязнью частной собственности на землю, ее купли-продажи и залога» (25%); «недостаточно сильным слоем предпринимателей» (17,2%); «инерционностью экономического менталитета населения» (7,8%); «низкой мотивацией труда работников сельхозпредприятий» (56%). Существенны, считают респонденты, также такие факторы, как «низкий уровень организационно-управленческих кадров» (27,6%), «недостаточный уровень образования специалистов – выпускников аграрных вузов» (16,4%) и «необходимость сельхозпредприятиям самим решать социальные проблемы» (13,8%).

Все эти вопросы требуют срочного решения. Одной из них может быть, по мнению 27,7% респондентов, «приватизация сельскохозяйственных предприятий» (32,3% затруднились с ответом; 35,4% – против). В ответах респондентов в опросе 2011 г. проявлялось неприятие процедуры приватизации и персонификации государственной и колхозно-кооперативной собственности. Тогда всего 2,2% респондентов считали ее необходимой и только 1,1% – приемлемой. На вопрос «Считаете ли вы, что СПК должны быть приватизированы?» только 6,5% респондентов в 2011 г. ответили положительно. В 2013 г. на вопрос «Если Вы считаете, что они должны быть приватизированы, то какой должна быть модель приватизации государственной собственности?» 27% респондентов ответили, что ее необходимо целенаправленно передать в собственность наиболее деловым и перспективным руководителям и специалистам сельского хозяйства (таблица 3).

Таблица 3. – Распределение ответов на вопрос «Если Вы считаете, что они должны быть приватизированы, то какой должна быть модель приватизации государственной собственности?», %

Продажа на аукционе	6,9
Целенаправленная передача в собственность наиболее деловым и перспективным руководителям и специалистам сельского хозяйства	26,9
Сначала «ваучеризация» собственности, затем через скупку ваучеров приобретение предприятий и земли	6,2
Не приватизировать, оставить так как есть	7,7
Как еще?	0,8
Нет ответа	51,5
Итого	100,0

Когда же дело коснулось личной готовности приватизировать капиталы и ресурсы того предприятия, в котором работают респонденты, то 17% не раздумывая признались, что хотят приватизировать, не хотят – 27% и не определились 48,5% опрошенных. Оценивая ход реформ в масштабе всей страны, респонденты высказывают более оптимистичные оценки, нежели в отношении своего предприятия. На уровне предприятия респонденты оценили результаты реформирования на 2,8 балла.

Такая дистанция между оценками реального положения дел в их СПК и в агросфере страны в целом свидетельствует о «раздвоении» мнения и знания. Мнения экспертов формируются под воздействием позитивных успехов в АПК в целом, подчеркиваемых в идеологических и директивных документах, СМИ, отчетных цифрах, определяемых рамками уже заданных категорий и смыслов. А конкретные знания о состоянии дел в СПК складываются из непосредственной хозяйственно-управленческой практики и воспринимаются как текущая повседневность, где успехи и достижения не артикулируются, а потому кажутся незаметными.

Согласно ответам респондентов, на их предприятиях была осуществлена процедура обновления техники и оборудования, в частности, тракторов, комбайнов, оборудования для доения, раздачи кормов, грузового и легкового транспорта. Менее всего оказалось предприятий, которые приобрели или обновили оборудование для переработки продукции (21,3%). Более половины респондентов указали, что на их предприятиях осваивались новые производственные технологии. К сожалению, сельскохозяйственные предприятия неактивно осваивают довольно прибыльную сферу деятельности – переработку произведенной продукции: только 3,8% указали, что полностью перерабатывают ее, 27,7% – частично, остальные этим не занимаются.

В качестве основных факторов, способных, по мнению респондентов, помочь добиться их предприятиям высоких достижений, являются наличие в руководстве и среди специалистов высококвалифицированных кадров, финансовых средств, свободы хозяйственной деятельности и материальной заинтересованности работников. В чем заключается эта свобода, видно из ответов на вопрос: «Каковы возможности и границы хозяйственной и организационной свободы Вас как руководителя и специалиста» (таблица 4).

Таблица 4. – Распределение ответов на вопрос: «Каковы возможности и границы хозяйственной и организационной свободы Вас как руководителя и специалиста?», %

Возможность выбирать виды сельскохозяйственной деятельности, производимых сельскохозяйственных культур (специализацию производства)	11,0
Возможность самостоятельно находить и выбирать рынки сбыта произведенной продукции	29,4
Возможность выбирать поставщиков удобрений, семян, кормов	20,2

Продолжение таблицы 4

Самостоятельно формировать кадровую структуру	29,4
Возможность повышать заработную плату работников, поощрять труд сотрудников	34,9
Формировать цены на свою продукцию	18,3
Возможность брать кредиты на развитие производства	24,8
Самостоятельно приобретать технику, оборудование	22,9
Осуществлять модернизацию и реконструкцию производственных мощностей	27,5
По своему усмотрению использовать финансовые средства предприятия	16,5
Другое	0,9
Нет никакой свободы деятельности	36,7

Несмотря на довольно сложные условия работы руководителей и специалистов в сельхозпредприятиях, они отмечают позитивные изменения, происшедшие в хозяйствах за последние 10 лет: «четче стала видна зависимость зарплаты от личного вклада каждого» (21,5%), «повысилась дисциплина труда» (22,3%), «производство стало обходиться меньшим количеством работников» (25,6%), «люди стали держаться за рабочее место» (16,5%). Вместе с тем отмечаются усиление текучести квалифицированных (35,5%) и неквалифицированных кадров (15%), интенсификация труда (11%). Каждый восьмой респондент считает, что за прошедшие 10 лет на их предприятии в кадровой системе ничего не изменилось. При этом почти половина опрошенных считают, что приоритетным для развития АПК и совершенствования кадровой системы является осуществление ценообразования на продукцию АПК на основе фактических затрат. Приоритеты индивидуального и группового успеха особенно ярко выразились в таком параметре, как личное материальное благосостояние. Поэтому треть опрошенных директоров и специалистов в качестве первоочередной меры, способствующей повышению эффективности сельского хозяйства, считают перевод их на новую систему стимулирования труда, предполагающую не только традиционную систему оплаты, но и участие в прибылях, персонификацию собственности (долей, паев) с начислением дивидендов, процентов на капитал и т.п.

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство руководителей и специалистов придерживаются осторожных традиционных взглядов к радикальному реформированию, считают, что необходимо приспосабливаться к институциональным инновациям, действовать в соответствии с требованиями рынка и проводимых реформ. Полученные данные свидетельствуют о том, что взгляды, представления, способы экономического поведения руководства аграрных предприятий, особенно в организационно-управленческой сфере, соответствуют идущим реформам, а в чем-то даже и опережают их.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.03.2015

Smirnova R.A. The Innovative Potential of Managers and Specialists of Agricultural Enterprises

The article analyzes the innovation potential of the agrarian sector management at the level of agricultural organizations. The idea about the specific qualities of the Directors and specialists of enterprises that allows referring them to the leaders in the development of agricultural production is substantiated. The dynamics of the main indicators of economic, labor and migration behavior is revealed, the attitude of this group of rural communities towards the agrarian reform in the country is determined, the assessment of the activities of various spheres of agriculture is represented.

УДК 316.356.2

В.Н. Варич¹, А.В. Климович²¹канд. филос. наук, доц., зав. каф. философии и культурологии
Брестского государственного технического университета²канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина**ЖЕЛАЕМЫЙ ОБРАЗ СЕМЬИ
В ЦЕННОСТНОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУСОВ И РОССИЯН**

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в рамках проекта БРФФИ-РГНФ Г14Р-039 «Изменение желаемого образа семьи в глазах различных поколений на постсоветском пространстве (на примере России и Беларуси)»

Введение

Семья, семейные ценности и основные направления семейной политики, осуществляемой государством, а также деятельность различных социальных структур и институтов, направленная на поддержание и развитие современной семьи, являются важнейшим предметом исследования в современной социологии, демографии, философии и психологии. Анализ факторов, влияющих на развитие семьи как изнутри, так и извне, представляет собой особый интерес при сравнении взглядов на семью и ее функции у представителей разных поколений. Также интересны для планирования семейной политики представления белорусов и россиян о том, какой должна быть семья, как должны распределяться внутрисемейные роли, а также определение места, которое занимает семья в рейтинге ценностных предпочтений современного человека.

Представления о желаемой модели семьи

Социологическое исследование опирается на результаты опроса представителей разных поколений жителей России и Беларуси: школьников старших классов (13–17 лет), молодежи (18–30 лет), людей среднего возраста (30–55 лет). Всего было опрошено 728 человек: 515 россиян и 213 белорусов. Опрос проводился таким образом, чтобы подростки и молодежь отвечали независимо от взрослых даже в тех случаях, когда опрашиваемые были членами одной же семьи, поэтому мнения подростков и молодых людей являются самостоятельными и репрезентативными. Опрашиваемые являются членами семей различного типа: полной нуклеарной (супружеская пара, проживающая вместе с детьми, не состоящими в браке), неполной нуклеарной (семья с одним родителем или супружеская пара без детей), полная сложная (семья, включающая не только родителей и детей, но и бабушек и дедушек, племянников и племянниц и др.), неполная сложная (семья, в которой вместе с родителями и детьми проживает только бабушка или только дедушка, либо кто-то другой из родственников). Семьи респондентов различаются также по количеству детей. Данные о типах семей в сравнении представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. – Тип семьи, %

	Подростки		Молодежь		«Родители»	
	бел.	рос.	бел.	рос.	бел.	рос.
Полная нуклеарная	74,3	52,8	58,3	55,1	67,7	67,3
Полная сложная	7,1	15,7	4,2	6,4	14,5	13,9
Неполная нуклеарная	14,3	19,1	15,3	13,5	11,3	12,5
Неполная сложная	2,9	2,2	2,8	5,8	3,2	3,8
Приемная	–	2,2	–	0,6	–	–
Прочие	1,4	6,7	19,4	18,6	3,2	1,9

Таблица 2. – Количество детей в семьях, %

	Подростки		Молодежь		«Родители»	
	бел.	рос.	бел.	рос.	бел.	рос.
Нет детей	–	–	–	–	1,5	9,5
Один ребенок	27,1	25,8	29,0	36,6	45,6	47,6
Двое детей	57,1	50,6	60,9	52,3	47,1	31,0
Трое детей	11,4	16,9	8,7	7,8	4,4	8,7
Более трех детей	4,3	6,7	1,4	3,3	1,5	3,2

Полученные данные свидетельствуют о том, что в изучаемой выборке преобладают полные нуклеарные семьи, членами которых являются 74,3% белорусских и 52,8% российских подростков; 58,3% белорусских и 55,1% молодых россиян, а также 67,7% и 67,3% «родителей» из Беларуси и России соответственно. Более низкий показатель применительно к полной нуклеарной семье у молодых респондентов, очевидно, объясняется тем обстоятельством, что многие из них еще не состоят в браке. Вместе с тем процент опрошенных белорусских подростков, живущих в полных нуклеарных семьях, существенно выше, чем российских респондентов.

Большинство белорусских семей являются малодетными: 27,1% подростков и 29,0% молодых людей являются единственными детьми в своих семьях (25,8 и 36,6% у россиян); 45,6% белорусских родителей имеют единственного ребенка (47,6 в российских семьях); по двое детей в семьях 57,1% подростков, 60,9% молодых людей и 47,1% родителей (в российских семьях – 50,6%, 52,3% и 31% соответственно). Проведенный опрос, таким образом, подтверждает общую для европейских стран тенденцию: нуклеарная семья является самым распространенным типом семьи, а патриархальная (сложная) семья становится все более редким явлением – и свидетельствуют о том, что институт семьи в Беларуси и России развивается в соответствии с общими закономерностями его функционирования в индустриальном и постиндустриальном обществе.

Системные изменения, происходящие в современном обществе (как в социально-экономическом, так и в политико-культурном плане), находят выражение в отсутствии ясно сформулированных общественных идеалов, в том числе и в отношении семьи как базовой ценности личности и общества. Об этом свидетельствуют ответы респондентов всех трех поколений на вопрос о том, существует ли у них идеал семьи (таблица 3).

Таблица 3. – Наличие идеала взаимоотношений в семье, %

	Подростки		Молодежь		«Родители»	
	бел.	рос.	бел.	рос.	бел.	рос.
Да	55,7	71,3	55,6	67,1	31,3	58,6
Нет	25,7	4,6	16,7	5,8	37,3	13,5
Трудно сказать	18,6	24,1	27,8	27,1	31,3	27,9

Практически половина белорусских подростков (44,3%) и молодых респондентов (44,5%) либо не имеет такого идеала, либо затрудняется его охарактеризовать; еще более высокий показатель дает опрос «родителей»: лишь 31,3% опрошенных имеет идеал семейных взаимоотношений. Ответы российских респондентов более оптимистичны: не имеют идеала или затрудняются его охарактеризовать 28,7% подростков, 32,9% молодых людей и 41,4% «родителей»; в то же время имеют идеал семейных взаимоотношений 71,3% подростков, 67,1% молодых людей и более половины взрослых (58,6%). Применительно к белорусским респондентам можно предполагать, что такого рода неопределенность объясняется факторами как общезначимыми для современного информационного общества факторами, так и теми особенностями, которые присущи современному белорусскому об-

ществу. К числу первых можно отнести, например, идейный, религиозный и общекультурный плюрализм, свойственный современной культуре; секуляризованность общественного и индивидуального сознания; тотальное воздействие СМИ и социальных сетей на формирование мировоззрения молодых людей; отсутствие или незначительная выраженность преемственности семейных традиций и ценностей в условиях преобладания нуклеарной семьи. К числу вторых – несформированность единой иерархии ценностей в белорусском обществе и недостаточно эффективную воспитательную и пропагандистскую работу по формированию желаемого образа семьи со стороны основных институтов социализации, включая институт образования и институт семьи. Немаловажным общим фактором для обеих групп респондентов является то обстоятельство, что идеал семейных взаимоотношений трудно сформировать в неполной или малолетней семье.

Тем не менее более половины подростков и молодых людей, а также треть «родителей» сформировали собственный идеал семейных взаимоотношений на различной основе. Следует отметить, что процент ответов, приведенных в таблице 4, во всех возрастных группах превышает процент тех, кто, по собственному мнению, имеет идеал взаимоотношений в семье (очевидно, ответ дали и те респонденты, которые затруднились четко его сформулировать). При этом социокультурные основания формирования указанного идеала весьма различны:

Таблица 4. – Если у Вас существует идеал отношений в семье, то как он сформировался?

	Подростки		Молодежь		«Родители»	
	бел.	рос.	бел.	рос.	бел.	рос.
Опыт Вашей семьи, Ваших родителей	27,1	42,7	37,5	49,0	9,9	38,0
Опыт семей родственников, близких, знакомых	15,7	12,4	6,9	6,4	11,3	12,0
Художественная литература, кино, телевидение	5,7	2,2	1,4	1,9	7,0	6,8
Собственное ощущение	15,6	16,9	22,2	22,3	16,9	18,0
Другое	–	–	–	2,5	–	1,5

Показательно, что 42,8% подростков и 44,4% молодых людей (белорусские респонденты) и соответственно 55,1% и 55% (российские респонденты) сформировали свой идеал на основе опыта своей семьи, родителей, родственников и близких знакомых. При этом российские участники опроса в гораздо большей степени опираются на опыт своей семьи и родителей (подростки: 42,7% против 27,1%; молодые люди: 49% против 37,5%; «родители»: 38% против 9,9%). Намного менее значимым фактором стали образы художественной литературы, кино и телевидения (5,7% белорусских подростков и 2,2% российских; 1,4% и 1,9% молодых людей; 7% и 6,8% «родителей» соответственно). Значительный процент опрошенных в представлениях о желаемой семье ориентируется на собственное интуитивное ощущение (15,6% белорусских подростков и 16,9% российских; 22,2% и 22,3% молодых людей; 16,9% и 18% «родителей» соответственно). Иными словами, наиболее серьезные агенты влияния в формировании желаемого образа семьи – по-прежнему семья и ближайшее окружение представителей различных поколений белорусского общества. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в жизненно важных вопросах, касающихся семейного строительства, и белорусы, и русские ориентируются на привычные модели поведения и отношений в семье, присущие их родителям и во многих случаях воспринимаемые как собственное ощущение.

Ответы на вопрос об идеале семейных взаимоотношений весьма отчетливо коррелируются с представлениями респондентов об успешности и прочности собственной семьи или семьи родителей (таблица 5).

Таблица 5. – Как Вы оцениваете брак своих родителей?

	Подростки		Молодежь	
	бел.	рос.	бел.	рос.
Удачный	42,0	46,5	32,9	49,7
Скорее удачный	26,1	20,9	34,3	19,4
Скорее неудачный	10,1	8,1	4,3	9,7
Неудачный	5,8	5,8	14,3	7,7
Затрудняюсь ответить	15,9	18,6	14,3	13,5

Как видно из таблицы 5, 68,1% белорусских и 67,4% российских подростков, а также 67,2% и 69,1% молодых людей соответственно считают брак своих родителей полностью или относительно удачным, поэтому родительская семья вполне может служить образцом для подражания и основой для формирования идеала семейных взаимоотношений. При опросе «родителей» им был задан вопрос о том, насколько они уверены в прочности своих браков, и ответы распределились следующим образом: «совершенно уверены» 24,2% белорусов и 41% россиян; «скорее уверены, чем нет»: 60,6% белорусов и 46,7% россиян; «скорее не уверены»: 4,5% и 7,4%; «совершенно не уверены»: 10,6% и 4,8% соответственно. Если взять первые два ответа («совершенно уверены» и «скорее да, чем нет»), то обе группы респондентов демонстрируют почти идентичные результаты: свой брак считают прочным 84,8% белорусских респондентов и 87,6% российских респондентов. Данные результаты не вполне коррелируются с ответами молодых людей и подростков о том, на основании чего у них сформировался идеал взаимоотношений в семье, поскольку процент тех из них, кто считает брак своих родителей удачным, довольно значительно превышает процент тех, у кого этот идеал образовался на основе опыта своей семьи.

В понимании того, что такое счастливая семья, между представителями трех возрастных групп также просматриваются соответствия (таблица 6).

Таблица 6. – Что для Вас входит в понятие «счастливая семья»?

	Подростки		Молодежь		«Родители»	
	бел.	рос.	бел.	рос.	бел.	рос.
Наличие детей	32,9	21,3	45,8	45,9	53,5	54,1
Взаимопонимание между детьми и родителями	77,1	66,3	73,6	72,0	56,3	51,1
Доверие между супругами	32,9	14,6	54,2	52,9	39,4	39,8
Взаимопонимание между супругами, общие интересы	30,0	16,9	51,4	47,8	62,0	44,4
Материальный достаток	22,9	23,6	27,8	32,5	45,1	33,1
Наличие главы семьи, принимающего на себя всю ответственность за других, на которого все могут опереться	10,0	20,2	19,4	14,6	16,9	22,9
Отсутствие у мужа (жены) вредных привычек	20,0	20,2	16,7	20,4	28,2	22,2
Возможность для каждого члена семьи поступать так, как он хочет	7,1	7,9	5,6	6,3	9,9	10,5
Уважительное отношение, забота о старших членах семьи	17,1	13,5	27,8	28,7	23,9	31,6
Совместное проживание со старшим поколением	4,3	7,9	–	1,9	–	3,0
Раздельное проживание со старшим поколением	14,3	5,6	20,8	11,5	23,9	11,3
Хорошая сексуальная жизнь	–	–	27,8	35,0	29,6	12,8
Другое	–	2,2	–	1,3	4,2	–

Наиболее высокие цифры во всех возрастных группах относятся к таким характеристикам счастливой семьи, как взаимопонимание между детьми и родителями, доверие между супругами, взаимопонимание и наличие общих интересов у супругов, материальный достаток, отсутствие у супруга вредных привычек, уважительные отношения к старшим членам семьи и раздельное проживание со старшим поколением. Для молодежи и «родителей» большое значение в представлениях о счастливой семье имеет также хорошая сексуальная жизнь (27,8% и 29,6% соответственно). Внутри каждого показателя существуют возрастные градации: так, для подростков и молодежи наиболее важным показателем счастливой семьи является взаимопонимание между родителями и детьми (77,1% и 73,6% у белорусских респондентов; 72% и 51,1% у российских). Для «родителей» этот показатель тоже важен, однако в статистическом выражении у представителей Беларуси несколько уступает взаимопониманию между супругами и их общим интересам (56,3% и 62%), в то время как у россиян взаимопонимание между поколениями важнее, чем общие интересы супругов (51,1% и 44,4%). Доверие между супругами имеет большое значение для молодежи (54,2% белорусских респондентов и 54,2% российских), а для людей старшего возраста весьма значим материальный достаток (45,1% 33,1% соответственно). Данные цифры лишь подтверждают, что нуклеарная семья в Беларуси является не только самым распространенным, но и самым желаемым типом семьи.

Статус семьи в системе ценностей

Семья как социальный институт и как важнейшее условие социализации и самореализации личности является базовой (терминальной) ценностью в структуре ее ценностного сознания. В ходе проводимого исследования была предпринята попытка определить место семьи в ценностной иерархии подростков, молодых людей и «родителей» (таблица 7).

Таблица 7. – Что для Вас самое важное в будущем? (общий массив данных)

	Подростки	Молодежь
Иметь друзей	1	10
Иметь хорошее здоровье	2	1
Состоять в браке	3	3
Материальное благополучие	4	4
Иметь любимую работу	4	8
Иметь ребенка	6	2
Сделать карьеру	6	8
Быть любимым (любимой)	8	6
Иметь высшее образование	9	12
Любить	10	10
Поездить по миру	11	7
Уверенность в завтрашнем дне	12	4
Поддерживать отношения с родственниками	13	13
Чувство безопасности	14	13
Иметь свое дело, бизнес	15	16
Быть независимой (независимым)	16	16
Иметь несколько детей	17	16
Жить по правде, совести, справедливости	17	13
Иметь сбережения	19	–
Быть хорошей хозяйкой (хозяйном)	20	16
Иметь возможность не работать	21	16

Из таблицы 7 видно, что для подростков и молодых людей на первых позициях в шкале ценностных ориентаций находятся «состоять в браке», «иметь хорошее здоровье», «иметь ребенка», «быть любимым (любимой)», «иметь друзей». Вместе с тем стремление иметь нескольких детей занимает гораздо более низкую позицию, равно как и стремление быть хорошей хозяйкой (хозяином). Таким образом, матримониальные ориентации и осознание ценности семьи у подростков и молодежи выражены достаточно отчетливо, однако стремления иметь многодетную семью и поддерживать отношения с родственниками представлены значительно реже.

Опрос белорусских «родителей» показал, что для большинства из них определили как «очень важно» варианты «иметь хорошее здоровье» (75,4%), «дать детям хорошее образование» (73,9%), «иметь рядом близкого человека» (68,7%), «быть независимым, свободным человеком» (67,6%), «жить по правде, совести, справедливости» (60,3%), «уверенность в завтрашнем дне» и «экологически чистая среда проживания» (по 57,6%), «чувство безопасности» (54,4%) «материальное благополучие» (55,2%), «иметь хорошую квартиру» (55,2%), «проводить свободное время с семьей» (50%).

Таким образом, из 10 первых позиций в рейтинге того, что «очень важно», взрослые белорусы и россияне указали те факторы, которые непосредственно связаны с жизнью в семье: наличие близкого человека, возможность дать детям образование, жизнь в браке, возможность проводить свободное время с семьей. Так же, как и для белорусских респондентов, для российских «родителей» важно быть уверенными и ощущать себя в безопасности, что в очень большой степени связано с реализацией основных функций семьи. Следует отметить, что в обеих группах респондентов порядка 40% считают «важным» или «очень важным» иметь одного или двух детей, а вот значимость троих и более детей в семье высоко оценивается лишь 12,3% белорусских и 24,5% российских «родителей».

Семья является также важнейшей инструментальной ценностью в сознании белорусов и россиян, что подтверждается данными проведенного социологического исследования (таблица 8).

Таблица 8. – Что, на Ваш взгляд, необходимо для того, чтобы добиться успеха в жизни? (не более 3 вариантов ответа)

	Подростки		Молодежь		«Родители»	
	бел.	рос.	бел.	рос.	бел.	рос.
Умение много и добросовестно работать	48,6	37,1	43,1	35,7	46,5	44,0
Высокое положение родителей, родственников	10,0	19,1	2,8	–	16,9	12,8
Вера в Бога	7,1	16,9	12,5	7,0	11,3	21,8
Личные связи, знакомства	20,0	16,9	12,5	14,0	33,8	19,2
Способности, талант	34,3	34,8	29,2	30,6	29,6	18,0
Честность, порядочность	18,6	25,8	18,1	14,6	11,3	18,4
Умение приспосабливаться	20,0	19,1	33,3	27,4	22,5	13,5
Способность рисковать	15,7	16,9	9,7	17,2	16,9	1,9
Удача, везение	27,1	6,7	31,9	14,0	31,0	21,1
Семья и дети	25,7	18,0	4,2	12,1	22,5	21,2
Друзья	21,4	9,0	–	5,1	2,8	8,6
Большие деньги	10,0	7,9	–	5,1	11,3	10,5
Умение строить отношения с людьми	24,3	20,2	13,9	32,5	21,1	27,8
Высокий уровень образования, культуры	11,4	18,0	4,2	15,3	7,0	12,8
Напористость, активность несмотря ни на что	11,4	7,9	5,6	17,2	18,3	9,4
Вера в справедливость, в добро	1,4	6,7	–	–	–	9,0
Другое	–	2,2	–	1,3	2,8	1,5

Для достижения жизненного успеха, по мнению респондентов, необходимо в первую очередь «много и добросовестно работать». Такую точку зрения поддерживают 48,6% подростков, 43,1% молодежи и 46,5% «родителей» в белорусском массиве данных и 37,1% подростков, 35,7% молодежи и 44% «родителей» в российском массиве данных. Второе по значимости место занимают «способности и талант» (34,3%, 29,2% и 29,6% у белорусов; 34,8%, 36% и 18% у россиян соответственно), а также «умение строить отношения с людьми» (24,3%, 13,9% и 21,2% у белорусов; 20,2%, 32,5% и 27,8% у россиян соответственно). «Семья и дети» как условие жизненного успеха отмечены у 25,7% белорусских подростков и 18% российских; 22,5% белорусских и 21,2% российских «родителей» также рассматривают семью и детей как важное условие жизненного успеха, в то время как в ответах молодежи эта позиция занимает всего 4,2% у белорусов и 12,1% у россиян (можно предполагать, что этот показатель во многом обусловлен ограничением числа возможных ответов до 3). Данные показатели свидетельствуют о том, что семья как инструментальная ценность занимает гораздо более высокое положение в ценностной иерархии подрастающего поколения, которое еще не полностью социализировано и не в состоянии функционировать вне семьи, чем у молодых людей, которые строят самостоятельную жизнь. Значимость семьи как условия достижения успеха в жизни в большей степени, нежели молодыми людьми, осознается и представителями старшего поколения.

Заключение

Анализ результатов социологического исследования позволяет сделать такие выводы:

- 1) преобладающим типом семьи в европейской части России и в Беларуси является полная нуклеарная семья;
- 2) среди семей респондентов наиболее распространенной является малодетная семья;
- 3) процессы социальной трансформации оказывают непосредственное влияние на состояние современной семьи и желаемый образ семьи у представителей разных поколений;
- 4) у значительной части современных белорусов и россиян отсутствует четко выраженный идеал семьи;
- 5) если идеал семьи существует, то он в большинстве случаев сформирован на основе опыта собственной семьи, родственников или близких знакомых;
- 6) большинство респондентов рассматривают брак своих родителей или собственный брак как удачный и полагают, что их семьи успешно справляются со своими функциями;
- 7) семья является важнейшей базовой ценностью в системе ценностей современного белоруса и россиянина;
- 8) у большинства современных россиян и белорусов сформировано ясное представление о семье как одной из главных инструментальных ценностей.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.03.2015

Varich V.N., Klimovich A.V. Family Desired Image in the Value Consciousness of Modern Belarusians and Russians

The article presents the results of sociological survey conducted within the project BRFFR RHF-G14R-039 «Change of the desired image of the family in the eyes of different generations in the post-Soviet space (on the example of Russia and Belarus)».

УДК 316.334.55/56(476)

Т.В. Кузьменко*канд. социол. наук, старший научный сотрудник
Института социологии НАН Беларуси***СТЕРЕОТИПЫ «ГОРОД – СЕЛО», «ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ»
В СТРУКТУРЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ**

В статье раскрывается содержание стереотипных представлений жителей разных территориальных поселений (село, город) в отношении сельчан и горожан. На основе данных социологического исследования осуществлен сравнительный анализ характеристик «типичного горожанина» и «типичного сельчанина», выявляются наиболее значимые стереотипы в отношении провинции и провинциального образа жизни. Анализируются основные объективные и субъективные факторы, влияющие на формирование и закрепление негативных стереотипов в отношении жителей села. Обосновывается идея о том, что преобладание негативных стереотипных представлений о жизни в провинции, особенно среди молодежи, выступает значимым фактором миграции в крупные города и ведет к перекосам в социально-территориальной и профессиональной структуре как сельского, так и городского сообщества.

В ситуации изменения жизненных условий (модернизация социально-экономических отношений, изменение типов собственности, структуры производства и принципов хозяйствования, миграция из села в город и т.п.) имеющихся знаний и образцов поведения становится недостаточно либо они перестают быть адекватными изменившейся реальности, прежние критерии истинности, ложности, «правильности» перестают работать. В условиях столкновения старых и новых правил и практик взаимоотношений между людьми единственным мерилom адекватности, правильности наших действий и суждений становится общепринятость, расхожесть новых фактов, оценок, норм, существующих в форме стереотипов – упорядоченных, схематических, детерминированных культурой, устойчивых представлений об объектах и явлениях социальной реальности.

Отраженными и закрепленными в стереотипе объектами могут выступать любые материальные или идеальные явления действительности. Социальный стереотип возникает в процессе совместной устойчивой, повторяющейся деятельности людей и обеспечивает ее воспроизводство, выражаясь в различных привычно выполняемых действиях, правилах, нормах, традициях, обычаях. С другой стороны, стереотип является частью системы социальных установок личности.

Структура социального поведения пронизана стереотипами, которые, типизируя действия в аналогичных ситуациях, помогают человеку ориентироваться в жизни, что обеспечивает экономию познавательных усилий и оперативность реагирования. Приписывая людям черты, которыми они должны обладать по причине принадлежности к какой-либо группе, стереотипы позволяют индивиду идентифицировать себя (и окружающих) с определенной территорией (село; город), социальной или профессиональной группой. Стереотип, с одной стороны, можно рассматривать как феномен закономерный и позитивный, как адекватную реакцию на усложняющийся и становящийся целостным мир. Исходя из этого можно утверждать, что стереотипы выполняют когнитивную (ориентационную), интегративную и регулятивную функции, а также, находясь в тесной связи с ценностями и нормами, оказывают детерминирующее воздействие на поведение людей, реализуя функцию адаптации. Регулирующая роль стереотипа проявляется в том, что основным ориентиром выбора той или иной поведенческой линии являются модели поведения, отраженные в стереотипах, и достижения экономического успеха с целью достижения «нормы жизни», принятой человеком. С другой стороны, стереотип выступает как явление негативное, так как является консервирующим элементом в мышлении человека, обуславливающим некритическое подражание и нежелание усвоить новый опыт. Знание основных

свойств и характеристик социальных стереотипов и стереотипных символов позволяет влиять на формирование мнения, настроения, верования и поведения людей.

Обращение к изучению стереотипов в отношении провинции и провинциального образа жизни обусловлено противоречием между объективной необходимостью укрепления человеческого потенциала современной белорусской провинции, привлечению в села и малые города квалифицированных кадров, способных участвовать в модернизации производства, и преобладанием негативных представлений о жизни и труде в малых городах и селах. Так, доминирование негативных стереотипов массового сознания в отношении к сельскому образу жизни, сельчанину и труду в сельском хозяйстве неизбежно ведет к снижению социального и культурного статуса жителя села и, как следствие, – к росту миграционных настроений сельчан, утрате мотивации у молодежи к занятию сельскохозяйственным трудом, и, в конечном итоге, снижению человеческого потенциала сельских регионов. Вместе с тем объективные условия требуют сохранения и укрепления человеческого потенциала и формирования адекватной потребностям развития общества социальной структуры, где работники сельского хозяйства (от сельскохозяйственных рабочих и крестьян до кадров высшей квалификации, сельской интеллигенции, фермеров и предпринимателей) занимают адекватное своей социально-профессиональной и общественной значимости и затрачиваемым трудовым усилиям место.

В этой связи изучение стереотипов в отношении жителей провинции и работников агросферы, а также выявление способов изменения существующих стереотипов в отношении сельчан и поиск возможных путей изменения стереотипов в отношении к сельской жизни становится важной исследовательской задачей, актуальной не только для более глубокого понимания социальных процессов, но и для целенаправленного воздействия на них, а также для разработки планов, прогнозов развития и выявления основных направлений социально-экономического развития провинции. Для успешной работы по «перестереотипизации» необходимо иметь так называемую карту стереотипов разных групп и слоев населения – весь культурный контекст данного общества. В этой связи требуется своеобразная диагностическая работа, которая позволит выявить особенности стереотипов в отношении провинции, провинциального образа жизни и работы в сельском хозяйстве, дать им характеристику в контексте соотношения «город – село», «центр – провинция», а также с точки зрения соответствия потребностям эффективного развития общества.

Таким образом, целью исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2014 г. под руководством д-ра филос. наук Р.А. Смирновой, стало выявление стереотипов массового сознания в отношении к сельскому образу жизни и их влияния на миграционное, трудовое и демографическое поведение жителей села, а также анализ факторов, влияющих на их формирование. Основными исследовательскими задачами были: 1) выявление значимых стереотипов в отношении сельчан и горожан; 2) определение значения стереотипов в процессе формирования поведенческих установок жителей села и города; 3) анализ основных объективных и субъективных факторов, влияющих на формирование стереотипов в отношении жителей села. В республиканском социологическом опросе приняли участие 1 458 человек (955 жителей села, 503 горожанина).

Показателем того, насколько понятным для респондентов является образ типичного жителя города и села, выступает удельная частота статистически устойчивых характеристик сельчан и горожан. Следует отметить, что для респондентов не составило труда описать образы типичных жителей города и села. Удельный вес данных характеристик для обоих выделенных типов близок к 1, а число тех, кто затруднился как-либо описать их, находится в пределах статистической погрешности. Это означает, что участники опроса давали максимально полные характеристики типичных представителей города и села, используя при этом довольно широкую палитру дескрипторов. Следует отметить, что полученные образы довольно существенно разнятся для анализируемых типов. Кроме того,

и сами респонденты отметили, что горожане и жители сельской местности отличаются друг от друга (так считают 65% опрошенных, ощутимых отличий не увидели только для 23%).

Типичного жителя города респонденты наделяют такими качествами, как деловитость, образованность (по 76,4% по всей выборке), современность (76,2%), суетливость, торопливость (70,2%), богатство, обеспеченность (66,5%). И городские жители, и сельчане наделяют типичного горожанина целым рядом коммуникативных черт личности с выраженной негативной окраской (заносчивость, высокомерие, наглость (69,6%); эгоизм, индивидуализм (65,4%); лень, изнеженность (65%); «себе на уме», хитрость (59,8%); жадность (59,7%); черствость (58,1%); разобщенность (57,3%); грубость (50%). Следует подчеркнуть, что характеристики типичных горожан в ответах жителей городов и сел варьируются незначительно, а в ответах всех категорий респондентов преобладает негативная окраска. Так, удельный вес положительных характеристик более чем в 1,5 раза ниже, чем негативных: 0,28 и 0,45 соответственно (для городских респондентов доли положительных и отрицательных характеристик составили 0,3 и 0,43, а для сельских – 0,3 и 0,45). Дескрипторы личностно-коммуникативного плана с выраженной позитивной окраской в перечне характеристик находятся лишь на 20–25 ранговых позициях: надежность, основательность – 29,5%; честность, порядочность – 26,1%; спокойствие, уравновешенность – 24,4%; отзывчивость – 23%; доброжелательность – 22,9%; доброта – 21,9%. Характеристики типичных горожан и типичных сельчан представлены на рисунке.

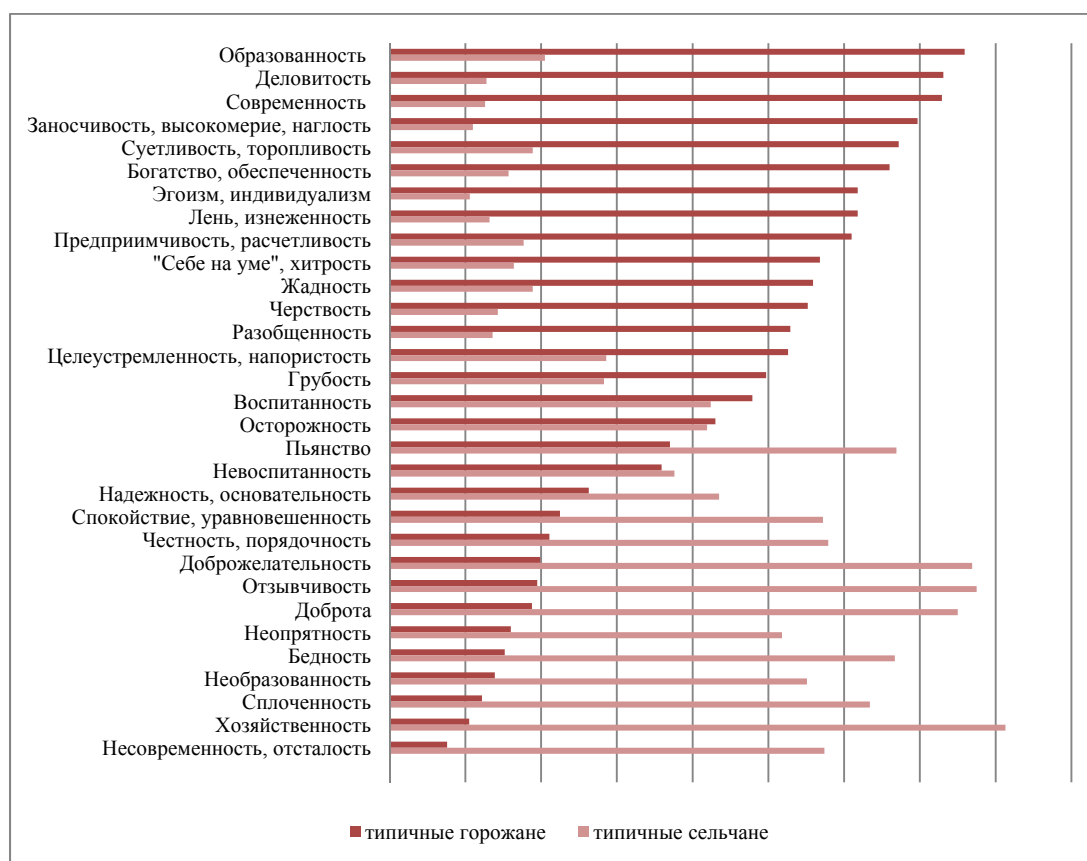

Рисунок. – Характеристики типичных горожан и типичных сельчан, %

В образе типичных сельчан указанные положительные характеристики, напротив, преобладают. Доля дескрипторов с положительной окраской составила 0,55, с негативной – 0,44. Так, первые 4 позиции в перечне характерных черт сельчан занимают хозяйственность (81%); отзывчивость (76,6%); доброжелательность (75,7%); доброта (74,2%). Вы-

сокие значения получили и такие характеристики коммуникативно-личностного плана, как сплоченность (65,8%); спокойствие, уравновешенность (56,8%); честность, порядочность (56,6%); надежность, основательность (43,5%). Вместе с тем в представлении большинства и горожан, и сельчан житель села предстает как пьющий (71,1%); бедный (68,7%); несовременный, отсталый (62,2%); необразованный (60,1%); неопрятный (56,8%). Представленные описания в ответах горожан и сельчан варьируются несущественно, однако негативная окраска последних характеристик в ответах сельчан выражена меньше, чем в описаниях респондентов-горожан. Удельный вес положительных и отрицательных характеристик типичного сельского жителя в ответах сельчан составил соответственно 0,5 и 0,38, а в ответах горожан – 0,49 и 0,44. Таким образом, типичные представители города и села находятся в ответах респондентов в своего рода оппозиции положительных и отрицательных черт коммуникативно-личностного плана. Что же касается типичного сельчанина, то он видится большинству респондентов наделенным достаточно широким спектром положительных человеческих качеств, однако вместе с тем он «бедный, несовременный, отсталый, пьющий, необразованный, неопрятный».

Факторов формирования и закрепления негативных стереотипов в отношении сельского образа жизни множество. Процесс формирования социальных стереотипов происходит в условиях становления новой социальной структуры общества, противоречивого характера социализации молодежи. С одной стороны, произошел кризис ролевой функции старших поколений как образца для подражания, социально-профессиональные страты, к которым принадлежат родители (представители рабочих профессий, труженики сельского хозяйства, учителя, врачи и т.п.), нередко интерпретируется как общность неудачников. Молодые люди испытывают потребность вписаться в формирующиеся новые социальные группы, где успешный человек воспринимается как финансово независимый, физически здоровый и имеющий множество социальных связей. Активность, независимость, новаторство, продуктивность, потенциал становятся основными ценностями в жизни молодежи. В сравнении с ними жители провинции выглядят их «антиподами»: пассивными, замкнутыми людьми, не имеющими перспектив. Сельчанам в силу более низкого уровня доходов и потребления, преобладания непрестижного тяжелого физического труда, недостаточно развитой инфраструктуры на селе и, как следствие, недоступности многих социальных и культурных услуг, информационной оторванности села такие характеристики свойственны в меньшей степени.

Вступая во взрослую, трудовую жизнь, молодежь, опирается не на производственный опыт, который у нее пока отсутствует, а на установки, усвоенные в родительской семье и в процессе обучения, а также на те ролевые аналоги, которые тиражируют средства массовой информации. Последние, в свою очередь, провоцируют формирование модели достижения высокого социального статуса и самоутверждения молодого человека не в результате личных усилий, творческой самореализации, получения профессии и работы в предлагаемых социально-территориальных условиях, а за счет миграции в город, ухода от имеющихся обстоятельств, что неизбежно ведет к перекосам в социально-территориальной и профессиональной структуре как сельского, так и городского сообщества. Регулярные перестройки в системе образования не способны сформировать устойчивого, но гибкого мировоззрения молодого человека. И результаты исследований, и практический опыт демонстрируют слабую эффективность механизмов профориентации сельской молодежи и стимулирования сельских юношей и девушек к овладению «дефицитными» в сельском хозяйстве профессиями. Кроме того, результаты исследований, проведенных сектором социологии села Института социологии НАН Беларуси в 2007–2014 гг., фиксируют неизменное стремление большинства сельских жителей ориентировать своих детей на получение высшего образования и на жизнь и работу в городе. Так, по данным опроса 2014 г., только 14,2% жителей села пожелали бы своим детям жить и работать в их населенном пункте.

Что же касается профессиональной ориентации собственных детей, то основные пожелания – получить любую высокооплачиваемую (34,1%) или престижную (32,8%) профессию.

Именно этим запросам, по мнению респондентов, отвечает жизнь в городе: более 80% и сельчан, и горожан считают, что в городе больше возможностей для карьеры, профессионального роста (так ответили 84,9% сельчан и 93,2% горожан); легче заработать деньги (79% и 86,7% соответственно); больше возможностей для образования и воспитания детей (85,4% и 92,8%); проще получить качественное медицинское обслуживание (86,8% и 93,8%); люди лучше одеваются (63,7% и 83,5%); больше возможностей для участия в общественно-политической жизни страны (61,5% и 80,1%). Вместе с тем городская жизнь в представлении участников опроса имеет и свои негативные стороны, среди которых дороговизна жизни и коммунальных услуг (так ответили 59,9% сельчан и 80,3% горожан); разобщенность людей (53,8% и 67,2%); высокий риск стать жертвой воров, мошенников (51,4% и 63,6%). Среди наиболее примечательных особенностей сельской жизни для большинства сельчан и горожан – более чистая экологическая среда (84,4% и 90,1%); более тесная связь с природой, животным и растительным миром (88,3% и 91,5%); более трудоемкий физический труд (82,6% и 80,3%); больше возможностей для получения дополнительного дохода за счет ведения подсобного хозяйства (77,8% и 75,3%); более теплые взаимоотношения с соседями и жителями своего населенного пункта (71,4% и 72,4%); более добрые и отзывчивые люди (по 59%); традиционный образ жизни (52,6% и 49,1%).

Таким образом, содержание стереотипов «типичный житель города» и «типичный житель села» существенно различается, что подтверждает выдвинутое теоретическое предположение о наличии измерения «центр – провинция» в структуре идентичности современных жителей Беларуси. Основными факторами формирования социальных стереотипов в отношении сельского и городского образа жизни, поселенческой идентификации людей выступают их включенность в производственную и коммуникативную деятельность в рамках различных социальных институтов, территориальная привязка к месту проживания, а также направленное влияние средств массовой информации, транслирующих и навязывающих образцы поведения в различных сферах поведения и потребления людей.

Существующие стереотипы в отношении сельчан (и горожан) условно можно разделить на две основные группы: позитивные и негативные. В основе позитивных лежат важность жизненного опыта, мудрости, человеческих качеств. Негативные стереотипы базируются на диаметрально противоположной разнице между такими ценностями, как активность, перспективность, инновационность, и ограниченными возможностями жителей провинции, их традиционным, консервативным укладом жизни. К факторам, провоцирующим негативное отношение к сельскому образу жизни, относятся СМИ, формирующие негативный образ села и сельчанина через создание стереотипа неперспективного, слабого, нуждающегося в помощи, не соответствующего «модным» образцам поведения и образу жизни, основанным на западных ценностях, что приводит к формированию социальных стереотипов без учета специфических национальных особенностей. При этом стереотипы становятся основанием для возникновения социальных дистанций.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.03.2015

Kuzmenko T.V. Stereotypes City – Village, Center – Periphery in the Structure of the Identity of Belarusian Citizens

The article reveals the contents of stereotypes of residents of different territorial types (village, town) in respect of the villagers and townspeople. Based on the data of sociological research a comparative analysis of the characteristics of a «typical citizen» and «a typical villager» is carried out, the most significant stereotypes about the province and the provincial lifestyle are identified. The main objective and subjective factors affecting the formation of negative stereotypes of the village inhabitants are analyzed. The article substantiates the idea that the prevalence of negative stereotypes about life in the province, especially among young people, is a significant factor in migration to large cities and leads to distortions in the socio-territorial and professional structure of both rural and urban communities.

УДК 316

С.Т. Кавецкий*канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***СТРУКТУРИРОВАНИЕ АНОМИИ В ТРУДАХ
Р. МЕРТОНА, Т. ПАРСОНСА, Р. ДАРЕНДОРФА**

Статья посвящена многогранному понятию аномии, введенному в научный оборот французским социологом Э. Дюркгеймом. В ней рассматривается последюркгеймовское развитие концепций аномии в трудах Р. Мертона, Т. Парсонса, Р. Дарендорфа. Структурирование аномальных явлений в работах этих социологов раскрывается через призму переходных и трансформационных обществ.

Э. Дюркгейм сформулировал основу теории социальной аномии, Р. Мертон наиболее обстоятельно развил ее, а дальнейшая разработка теории аномии продолжалась в XX и в начале XXI вв. Р. Мертон – один из столпов мировой социологии. Его основные работы: «Наука, техника и общество в Англии XVII в.» (1938 г.); «Социальная теория и социальная структура» (1957 г., 1968 г.); «О теоретической социологии» (1967 г.); «Социология науки» (1973 г.); «Структурный анализ в социологии» (1975 г.); «Подходы к изучению социальной структуры» (1975 г.) и т.д. Р. Мертон в течение длительного времени разрабатывал теорию структурно-функционального анализа. Он придал ей динамики, рассматривая социальные изменения и их направленность как отдельную задачу социологического изучения. Одним из итогов этого процесса стала мертоновская версия концепции социальной аномии Э. Дюркгейма. По Р. Мертону, аномия – это результат несогласованности, конфликта между разными элементами ценностно-нормативной системы общества, между культурно предписанными всеобщими целями. Аномия возникает, когда люди не могут достичь навязанных им целей «нормальными», ими же установленными средствами. С одной стороны, от человека требуют, чтобы он ориентировал своё поведение в направлении накопления богатства, а с другой – ему почти не дают возможность сделать это институциональным способом.

Р. Мертон выделяет пять идеально-типических реакций на аномию, которые характеризуют соотношение между целями и средствами, как фазами социальной структуры:

1. «Конформность» (подчинение) – эмоциональное принятие как целей, так и средств их достижения, т.е. равное положительное отношение к обеим из этих фаз социальной структуры. Это форма приспособления, наиболее распространённая при стабильном состоянии общества, и именно её наличие позволяет говорить о группах людей как о социальных общностях. «Конформисты» придерживаются общепринятых ценностей и установленных средств в их реализации; при этом не имеет значения, добились они успеха или нет. В эту категорию попадает большинство населения.

2. «Инновация» – принятие целей при отвержении институционально предлагаемых средств, т.е. при положительном отношении к целям происходит отрицание ограничений в выборе средств. «Инноваторы» в определённой степени продолжают придерживаться социально принятых ценностей, но при этом используют, как правило, незаконные средства для их достижения. Данный тип реакции характерен для преступников, достигших благосостояния с помощью противозаконных действий.

3. «Ритуализм» – эмоциональное принятие средств при отказе от целей. Это отрицательное отношение к целям, их забвение или игнорирование при сохранении главного акцента на средствах (пример, религиозная деятельность, криминология и т.п.). Ритуализм чаще всего свойственен тем, кто продолжает следовать принятым стандартам, хотя ощущение смысла ценностей, направлявших их действия, уже утрачено. Правила выполняются ради

них самих, без цели, как бы помимо воли. К ритуалистам также относятся люди, как правило, посвятившие себя утомительной и неинтересной работе, без перспектив и с незначительным вознаграждением.

4. «Ретритизм» – эмоциональное отвержение одобряемых целей и средств. Это отрицание как целей, так и любых средств (алкоголики, наркоманы, религиозные сектанты и т.п.). «Ретритисты» отвергают мировоззрение соперничества, тем самым не принимая ни доминирующих ценностей, ни санкционированных средств их достижения.

5. «Мятеж» – полный отказ от старых целей и средств и попытка заменить их новыми. Это поведение, когда все внимание уделяется достижению цели, а к характеру избираемых средств проявляется полное пренебрежение. «Бунтари» отвергают существующие ценности и нормативные средства и активно желают утвердить новые для того, чтобы преобразовать социальную систему. К этой категории в основном относятся члены радикальных политических группировок [2, с. 79].

Р. Мертон особо подчёркивал, что такие дисфункциональные явления, как преступность, аморализм, бюрократический ритуализм и т.п., оказываются, по существу, естественными и поэтому «нормальными» реакциями на ненормальную среду. Гиперболизируя роль и значение применяемых при анализе аномийного поведения понятий, он приходит к генеральному выводу: «Поскольку одна из наиболее общих функций социальной структуры состоит в обеспечении предсказуемости и регулируемости общественного поведения, то по мере разобщения целей и средств эффективность данной функции снижается. В предельном случае общество становится почти непредсказуемым, и возникает явление, которое, собственно, и может быть названо аномией или культурным хаосом» [2, с. 96]. Правда, Мертон сам констатирует, что его рассуждения об аномии не носят глубокого аналитического характера, а это всего лишь «прелюдия» к возможно более фундаментальному изучению данного феномена. Он также справедливо замечает: «Объяснительные возможности предложенной аналитической схемы не подвергнуты полной эмпирической проверке на основных разновидностях групп с отклоняющимся и конформным поведением» [2, с. 96]. Р. Мертон видел социальные источники отклоняющегося поведения в особенностях приспособления индивидов к культурным целям и нормам. По его мнению, индивидов, занимающих различное положение в социальной структуре и являющихся носителями разных социальных ролей, отличают разные типы приспособления к социальным нормам и ценностям. Причем типы поведения относятся к индивидам не персонально, а выражают набор ожиданий, предъявляемых к носителю определенной социальной роли, т.е., меняя вид деятельности, социальный актор может выбирать иной тип поведения. От чего зависит степень успеха в приспособленности индивидов к нормам социальной системы и каковы причины возникновения девиантного поведения (когда степень приспособленности отдельных социальных акторов и групп оказывается крайне низкой)?

По мнению Р. Мертона, это зависит, во-первых, от того, каково содержание целей, декларируемых обществом в отношении каждой социальной роли и каков набор ожиданий, предъявляемых к носителю данной статусно-ролевой позиции; а во-вторых, от того, каков диапазон легитимных (социально одобряемых) способов достижения этих целей. Степень приспособленности индивидов определяется соотношением этих двух факторов, и различное их сочетание порождает различные типы социального поведения. В тех случаях, когда имеет место существенное рассогласование указанных переменных, наблюдается поведение отклоняющегося типа. Инновационный импульс зачастую служит источником позитивных общественных преобразований и отражает назревшую потребность в социальных изменениях. Инновация может и должна рассматриваться в двух смыслах: широко (с точки зрения инноваций, протекающих на социальном макроуровне) и узко (уровень социальных акторов и индивидуального поведения). Только так мы сможем чётко определить позитивные и негативные её свойства.

Если понимать инновацию только в узком смысле, то на передний план выступает негативный аспект инноваций, т.к. акцентируется нарушение принятых правил ради достижения желаемой цели (например, цель много зарабатывать из-за отсутствия легитимных способов реализации достигается путём грабежа). Речь идет о единичных отклонениях, не обусловленных социальными причинами, результатом которых являются негативные санкции в отношении нарушителя. Существуют границы поведения индивидов и социальных групп внутри их статусно-ролевых позиций. Выход за пределы ролевых ожиданий карается негативными санкциями, предъявляемыми к нарушителю, которого таким образом «насиленно» возвращают в социальную систему, границы которой он пытается преодолеть. Причем санкции могут быть самыми разными (от морального осуждения до лишения свободы), но все они служат одной цели: оказать воспитательное воздействие, предотвратить дальнейшие попытки асоциальной деятельности индивида, однажды нарушившего принципы поведения данного сообщества.

Но возможна и иная ситуация. Она возникает, когда отклонение отвечает назревшей социальной потребности или изменившимся социальным условиям. Общество непостоянно и нестабильно; оно находится в состоянии равновесия, и изменение условий существования ведет к постоянной реорганизации системы и структурной подгонке составляющих ее частей. Если возникает социальная потребность изменения, значит изменилась ситуация удовлетворения прежней потребности и требуются новые методы достижения цели, более адекватные новым условиям. В таком случае инновационное поведение, реализуемое вне нормативных рамок отдельными социальными акторами, является сигналом к реорганизации социальных структур. Но, чтобы стать социальным, т.е. признанным в обществе правилом, новый культурный образец должен пройти процесс легитимации, т.е. оправдания в качестве правильного стандарта и укоренения в социальных практиках данного общества. Вначале новый тип поведения предстает как индивидуальные поведенческие отклонения индивидов, которые больше других ощущают назревшую потребность в изменениях.

Вслед за Э. Дюркгеймом многие ученые стремились разработать методологическую основу изучения нравственных, психологических и иных состояний отдельных индивидов и их сообществ, вынужденных пребывать в социуме с высокой степенью аномии. Из множества подходов к проблеме остановимся на развитии концепции аномии Т. Парсонсом. Творческое наследие Т. Парсонса огромно. В своих трудах Т. Парсонс, исследуя аномальные общественные состояния, не дает прямого толкования аномии как особого социального феномена, однако его анализ многих общественных явлений позволяет говорить о существенном научном вкладе в теорию аномии. В своих рассуждениях Т. Парсонс употребляет термин «действие» вместо «поведение», поскольку его интересуют прежде всего не моменты поведения как таковые, а их образцы и механизмы, управляющие этим процессом. Концепция социального действия прослеживается в таких работах автора, как «Структура социального действия» (1937 г.); «Социальная система», «К общей теории действия» (1951 г.); «Социальное действие в условиях человеческого существования» (1978 г.). Т. Парсонс также квалифицировал любые нарушения общественного равновесия как проявления особого болезненного состояния общества, когда индивид испытывает в этих условиях психологический дискомфорт, поведение его непоследовательно и не организовано вокруг какой-либо социальной цели и соответствующих ей образцов действия, что впоследствии вырывается наружу в виде агрессии. Так возникают формы социальной аномии, приводящие к масштабным деформациям общественного порядка. Согласно его теории, наиболее важными элементами социальной среды (системы) являются люди, что предполагает актуализацию исследований на социальном взаимодействии, в рамках которого всем участникам этого процесса необходимо обращать внимание на действия, желания и цели других людей. При этом, хотя действия индивидов подчинены внутренним мо-

тивам и направлены на достижение эгоистических целей наиболее эффективными способами, они вынуждены согласовывать своё поведение с другими действующими лицами, что порождает комплекс соответствующих ожиданий. Из этих ожиданий (эксpekтаций) возникают социальные нормы и общепринятые ценности, помогающие гарантировать характер ответных реакций, поскольку они регулируют и делают предсказуемым поведение индивидов. Всё это создаёт «сеть позиций», или, по терминологии Т. Парсонса, систему «ролевых статусов», каждому из которых приписывается определённое ожидаемое поведение, а также поощрения и наказания за соответствие или несоответствие этим ожиданиям. Процесс мотивации индивида происходит в рамках социальной системы на основе институционализированных стандартов нормативной культуры. «Главная функциональная проблема касается отношения социальной системы к системе личности, включая обучение, развитие и сохранение на протяжении всего жизненного цикла адекватной мотивации участия в социально признанных и контролируемых моделях действия» [3, с. 796]. Такое взаимодействие социальной системы и человека признано обеспечивать общественное согласие в соответствии с требованиями нормативного порядка данного общества. Но никакая социальная система не бывает в состоянии полной интеграции и совершенного равновесия, поскольку на неё действуют различные деструктивные факторы.

Поэтому Т. Парсонс считает, что «факторы, мотивирующие девиацию, действуют всегда, и они настолько стабильны, что их невозможно устранить из мотивационной системы акторов. Механизмы социального контроля имеют в виду не элиминирование этих факторов, а ограничение последствий их действий и предотвращение распространения этих последствий за пределы отведённых для них рамок» [3, с. 417]. Социальная система составляет интегративное ядро «системы действия», а ядром социальной системы выступает «социетальная общность», представляющая совокупность нормативных образцов, посредством которых упорядочивается и организуется совместная жизнь индивидов, обеспечивается коллективность существования людей. Вследствие своей сложности и дифференцированности социальные системы, сотканые из множества связей и смыслов, могут характеризоваться у Т. Парсонса как выстраивающиеся на основании своеобразной комбинации по решению набора определенных дилемм:

1. Партикуляризм или универсализм: деятели должны решить, оценивать индивида с помощью общих критериев (универсализм) или использовать критерии уникальные, применимые лишь в отношении конкретного человека.

2. Поступки или качества: необходимо решить, оценивать людей по их поступкам или по их личным качествам.

3. Аффективная нейтральность или аффектность: деятели могут находиться в определенных отношениях либо по причинам инструментальным, не затрагивающим их чувств (аффективная нейтральность), либо по эмоциональным причинам.

4. Специализация или «диффузность»: индивидам в любой ситуации приходится выбирать между вовлеченностью наряду с другими индивидами в широкий спектр социальной деятельности («диффузность») или сосредоточенностью на достижении лишь специфических структурированных целей (специализация).

Этими типовыми переменными, согласно Т. Парсонсу, структурируется любая система взаимодействия. Однако такие системы имеют также определенные собственные потребности, удовлетворение которых необходимо как с точки зрения отношений между социальной системой и ее средой, так и с позиций внутреннего функционирования системы: а) адаптация (потребность соотношения с окружающей средой при использовании ее ресурсов); б) целедостижение (постановка задач, стоящих перед системой); в) интеграция (поддержание внутреннего порядка); г) поддержание латентного образца (выработка достаточной мотивации для выполнения задач).

Из-за многообразия и сложности функциональных потребностей структурные взаимодействия внутри систем, обладая определенным постоянством и равновесием, способны приводить к состоянию разбалансировки, дисфункции. Применительно к социальной системе в подобных ситуациях возможно возникновение аномии. В теории Т. Парсонса проблема социализации выступает основной функциональной проблемой отношений социальной системы и личности. Эти отношения включают в себя, с одной стороны, установление и развитие адекватной мотивации на принятие участия в социально контролируемых образцах действия, а с другой – адекватное удовлетворение и поощрение участников такого действия.

Таким образом, первичной функциональной потребностью социальной системы по отношению к её членам является мотивация участия в социальном действии, предполагающая согласие с требованиями нормативного порядка. Отсюда общественные изменения и конфликты интерпретируются Т. Парсонсом в рамках системного подхода и в понятиях эволюционного приспособления различных подсистем по отношению друг к другу, что затрагивает отношения между культурной, социальной (структурной) и личностной системами, которые рассматриваются как взаимно дополняющие друг друга. Исходным пунктом подобного рода адаптации являются изменения в ценностно-нормативной сфере, происходящие, как правило, на уровне субкультуры, например, молодёжной.

Рассматривая поведение молодёжи в свете понятия аномии, Т. Парсонс указывает на парадоксальность американской системы ценностей, формированию которой способствовали масштабные общественные изменения, произошедшие в XX в. Центральное место в этой системе занимают ценности личного успеха и его достижения, следование которым усиливает структурную дифференциацию общества, что приводит к состоянию, когда старые ценности и нормы не являются более ясными указателями должного поведения или теряют свою значимость. К тому же рост дифференцированности и сложности общественных систем ограничивает возможность достижения личного успеха кооперацией и специализацией. Однако молодёжные субкультуры, подверженные аномийным состояниям, несут у Т. Парсонса одновременно и деструктивные, и прогрессивные функции. С одной стороны, они ниспровергают традиционные системы ценностей, а с другой – являются средством, трансформирующим старые системы и приводящим их в соответствие со временем, а также создающим новые ценности, что может способствовать преодолению аномийных состояний.

Недостаток теории социальных систем Т. Парсонса, по всей видимости, в статичности этой модели, не объясняющей социальных изменений, умаление активной роли личности в подобных изменениях и сведение свободы человека к свободе выбора между социально структурированными возможностями.

Р. Дарендорф – один из основных представителей концепций социального конфликта, критик концепций социального равновесия. Анализируя различные виды социальных конфликтов, он пришёл к выводу, что «сегодня появилась еще одна форма воплощения конфликта. Он ныне – не линии огня в революционной войне и даже не борьба демократического класса, а аномия» [1, с. 241]. В изданной в 1988 г. Р. Дарендорфом книге «Современный социальный конфликт» один из разделов посвящен опасности аномии в современном обществе. Исследование социума 50–80 гг. XX в. показало, что «сегодня явно участились преступления против собственности, преступления, связанные с наркотиками» [1, с. 241]. Как отмечает Р. Дарендорф, «в нормативном мире 80-х выявились определённые «опасные зоны». Их суть частично раскрывает название: т.е. зоны, где сила закона не действует. Они связаны с тем, как работает или, скорее, не работает закон. Так называемое «оправдание виновных» стало привычным явлением в современном мире. Известны люди, нарушившие закон, они даже признались в этом, но также известно, что наказания они не несут» [1, с. 241]. В связи с этим особенно остро стоит проблема молодежи. Нормы

тивная молодежная «опасная зона» представляет, пожалуй, самую серьезную проблему, ибо в этом случае, от ответственности освобождаются те, кто должен был бы усвоить нормы, на которых держится общество» [1, с. 242]. В более широком смысле аномия обозначает положение во всем обществе. Это понятие включает как жесткое обращение с детьми и насилие над женой, так и уклонение от уплаты налогов или другие разновидности экономического преступления. Люди не заинтересованы в обществе, а следовательно, не чувствуют себя связанными его правилами. Но лишь одна сторона дела. Другая в том, что общество стало меньше верить в собственные правила и перестало ограждать их от посягательств» [1, с. 242]. Таким образом, Р. Дарендорф связывал факторы аномии с ослаблением общественных привязанностей.

Для Р. Макайвера характерен показ аномии как неразвитых социальных и эмоциональных контактов; Ю. Хабермас рассматривает аномию как противоречие между интеграцией режима (идентификация с общественным устройством, его легитимация) и культурной интеграцией. Схожую точку зрения имел и М. Вебер, который подчеркивал важность субъективных смыслов, значений, приносимых в социальную действительность индивидом. Здесь мы сталкиваемся с определённой антитезой, которая, на первый взгляд, свидетельствует о различных взглядах вышеназванных учёных на общество, но, по сути, отражает всего лишь разные аспекты единой социальной реальности. С одной стороны, общество, являясь объективным фактом, формирует индивидов и принуждает их к чему-либо (Э. Дюркгейм). С другой – на их действиях и связанных с ними смыслах держится основа общества (М. Вебер). В этих утверждениях содержится важный для понимания аномии смысловой парадокс бытия, принципиально сформулированный на уровне традиционного социо-философского знания: общество оказывает решающее влияние на индивида, а он, в свою очередь, определяет общественное развитие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт / Р. Дарендорф // Иностранная литература. – 1993. – № 4. – С. 236–242.
2. Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социс. – 1992. – № 3. – С. 104–114; № 4. – С. 91–96.
3. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс ; под ред. В. Ф. Чесноковой. – М. : Академический проект, 2002. – 832 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.03.2015

Kavetski S.T. Structuring Anomy in R. Merton, T. Parsons and R. Dahrendorf's Sociology

The article studies the multi-sided concept of anomy introduced into scientific use by French sociologist E. Durkheim. It discusses post-Durkheim development of the anomy concept in the scientific works of R. Merton, T. Parsons, and R. Dahrendorf. In those works the authors analyze the structure of anomalous phenomena against the background of transitional and transformational societies.

УДК 314.18 : 364

А.В. Герасименко*канд. эконом. наук, старший научный сотрудник**отдела исследований человеческого развития**Института демографии и социальных исследований имени М.В. Птухи НАН Украины***СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ
КАК ПРЕДПОСЫЛКИ «НЕГАТИВНОГО» ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

Статья посвящена исследованию глобальных демографических вызовов, ограничивающих потенциал человеческого развития в различных регионах мира. Автор рассматривает современные трансформации демографических процессов, приводящие к изменениям структуры населения, как факторы «негативного» развития, когда высокие социальные достижения страны не сопровождаются всеобъемлющим повышением качества жизни населения. В качестве основных демографических детерминант подобного «негативного» развития обозначены: старение населения, приводящее к повышению демографической нагрузки на работающее население; снижение рождаемости в развитых обществах, не обеспечивающее простого воспроизводства населения; высокий уровень зависимости развития от внешних трудовых ресурсов, приводящий к масштабным миграционным процессам. В статье обоснованы индикаторы оценки данных демографических проблем на международном уровне, детально рассмотрены значения соответствующих показателей в группе стран с высоким уровнем человеческого развития. Обоснованы оценочные риски демографических детерминантов «негативного» человеческого развития в Украине и предложены общие политические рекомендации по их предупреждению.

Введение

На протяжении многих лет основными задачами социального прогресса в рамках концепции человеческого развития провозглашалось расширение возможностей в контексте сознательного выбора гражданами доступного и качественного образования, продолжительной, активной и здоровой жизни, достойной занятости и дохода, реализации всех социальных, политических и гражданских прав. Несмотря на значительный социальный прогресс в большинстве регионов мира, исследование тенденций и особенностей человеческого развития не теряет актуальности, поскольку ряд социальных проблем приобретает глобальный характер.

Теоретико-методологические основы концепции человеческого развития были сформулированы в работах таких известных экономистов, как А. Смит, Г. Беккер, А. Льюис, А. Маршалл, А. Сен, Т. Шульц и др. Среди украинских ученых исследованием данных проблем занимались В. Антонюк, В. Геец, Е. Гришнова, М. Долишний, А. Колот, Э. Либанова, Л. Лисогор, О. Макарова, О. Новикова, У. Садова. Результатом их исследований является весомая научная база, целый ряд методик оценки уровня человеческого развития на международном и региональном уровне, обоснование факторов региональных диспропорций в уровне человеческого развития. В то же время основные задачи научного поиска в этой сфере, как правило, направлены на анализ «положительных практик» и достижений отдельных стран. Вопросы «негативного» развития, т.е. сохранения, а иногда и обострения отдельных социальных проблем в условиях высоких общественных достижений, не привлекают внимания ученых. Однако изучение негативных аспектов человеческого развития актуально в контексте определения его основных факторов и разработки эффективной политики преодоления соответствующих вызовов.

Цель данной статьи – рассмотрение аспектов «негативного» человеческого развития, связанных с трансформацией демографических процессов и нарушением демографической структуры населения, что приводит к неэффективности и неустойчивости развития. Отдельное внимание уделяется оценке соответствующих рисков «негативного» развития в Украине, обоснованию общих политических рекомендаций по их предупреждению.

«Негативное» развитие как социальный процесс

Социально-экономическое развитие может оставаться неэффективным, если его результаты не сопровождаются качественными изменениями в обществе. Так, эксперты Программы развития ООН в Докладе о человеческом развитии 1996 г. предлагают примеры «негативного» экономического роста, не приводящего к повышению уровня жизни населения [1]. Подобные типы роста характеризуются дефицитом рабочих мест, высоким уровнем имущественного неравенства населения, снижением культурного разнообразия и потерей культурной идентичности народов, отсутствием демократических прав и свобод в обществе, неустойчивым характером развития с точки зрения интересов будущих поколений. Этот подход используется для дальнейшего обоснования примеров «неудачного» человеческого развития, ассоциируемого с неустойчивостью или неэффективностью, ограничивающими возможности дальнейшего повышения качества жизни и социального прогресса. В качестве дополнительных факторов «негативного» развития, имеющих глобальный характер, следует отметить высокий уровень зависимости страны от внешних ресурсов, препятствующий самодостаточности развития, наличие нестабильных зон и территорий, высокий потенциал внутренних и внешних конфликтов и т.д. Отдельное место среди факторов, сдерживающих потенциал человеческого развития, занимает трансформация процессов воспроизводства населения, приводящая к искажению его демографической структуры и формированию различных социальных и экономических вызовов.

Наибольшее влияние всех упомянутых факторов «негативного» развития закономерно проявляется в наиболее отсталых регионах мира, формируя своеобразный замкнутый круг, ограничивающий возможности их дальнейшего развития. Однако эмпирические данные свидетельствуют о существовании проявлений «негативного» развития и в группе стран с очень высоким уровнем человеческого развития, выделенной в соответствии с рейтингом Программы развития ООН в 2013 г. [2]. Более того, именно на фоне высоких социальных стандартов с особой очевидностью проявляется влияние некоторых неблагоприятных явлений, контрастирующих с общими достижениями цивилизационного прогресса. Поэтому исследование было сфокусировано на странах с наиболее высоким уровнем человеческого развития; в этой группе были идентифицированы экстремальные значения индикаторов «негативного» развития для экспертной оценки соответствующих рисков в других регионах, в частности, в Украине.

Глобальные демографические вызовы как предпосылки «негативного» развития

Исторический переход человечества от традиционного общества к более развитым формам организации социальных отношений сопровождался постепенной трансформацией демографических процессов, получивших отражение в теории демографического перехода [3]. В соответствии с этой теорией особенности воспроизводства населения в значительной степени определяются социальными процессами: по мере развития общества происходят последовательные изменения, связанные с увеличением продолжительности жизни, снижением смертности во всех возрастных группах, применением технологий контроля над рождаемостью. В результате растет демографический разрыв между странами с различными уровнями развития: если большинство развитых регионов сегодня уже завершили процесс демографического перехода и пытаются противостоять негативным последствиям старения, то в странах «третьего мира» до сих пор сохраняются высокие показатели рождаемости, таящие в себе угрозы «демографического взрыва» в условиях растущей продолжительности жизни.

Высокая доля молодежи в населении этих стран обуславливает целый ряд проблем в сфере человеческого развития: общий дефицит ресурсов, нехватка рабочих мест и высокий уровень безработицы, обострение различных форм неравенства в обществе и развитие наследственных форм бедности. Наиболее высокий уровень безработицы молодежи тра-

диционно наблюдаются в странах Африки, расположенных к югу от Сахары (Намибия, Лесото, ЮАР, Гайана), и в странах, переживающих последствия недавних вооруженных конфликтов (Босния и Герцеговина, Египет, Армения, Македония, Сербия, Сирия, Палестина, Иордания). Доля безработного населения превышает здесь 40% в возрастной группе 15–24 лет. Однако аналогичные тенденции наблюдаются сегодня и в странах Южной Европы, чьи экономики в наибольшей мере пострадали от последствий последнего финансово-экономического кризиса и до сих пор пребывают в состоянии рецессии. Так, в Греции и Испании показатель безработицы среди молодежи составлял около 50% в 2013 г. Таким образом, современное посткризисное восстановление экономики Европы может быть охарактеризовано как рост без создания рабочих мест, не решающий задач расширения возможностей достойной занятости и повышения уровня жизни населения. Это прослеживается и в низком уровне общего удовлетворения своей работой среди жителей данных стран, что может выступать качественной характеристикой занятости. Если в скандинавских «государствах всеобщего благосостояния» более 90% респондентов Всемирного социологического опроса Gallup в 2011 г. утверждали, что они в полной мере удовлетворены своей работой, то соответствующий средний показатель в группе стран с низким уровнем человеческого развития чуть превышал 60% [4].

Особое место среди обозначенных угроз занимают повышенные риски социальных волнений, обусловленные «демографическим приоритетом молодежи». Именно этим объясняет современные всплески терроризма и насилия немецкий исследователь Г. Гейнзон, утверждая, что тенденция обострения конфликтов существует в тех обществах, где доля молодых мужчин в возрасте от 15 до 29 лет превышает 30% всего населения [5]. Согласно оценкам ученого, в современном мире насчитывается по меньшей мере 67 стран с демографическим приоритетом молодежи, из них в 60-ти уже наблюдаются массовые конфликты или гражданские войны, причем их причины (идеологические, религиозные, этнические) не имеют существенного значения.

Действительно, в последние десятилетия страны сталкиваются с преобладанием молодежи. Например, в большей части исламского мира, где на протяжении XX в. численность населения увеличилась с 150 до 1 200 млн человек, т.е. более чем в 8 раз (для сравнения: население Китая за этот период увеличилось всего в 3 раза, Индии – в 4). В качестве иллюстрации данного типа демографических угроз для перспектив человеческого развития западных стран Г. Гейнзон использует понятие «демографического сбоя» как индикатора возрастной структуры мужского населения [5]. Это явление наблюдается тогда, когда на 100 мужчин в возрасте 40–44 лет приходится менее 80 мальчиков в возрасте до 4 лет. Если в Германии это соотношение составляет приблизительно 100/50, то в секторе Газа – 100/464, Афганистане – 100/403, Сомали – 100/364, Ираке – 100/351. Не получая возможностей социальной реализации, молодежь будет вовлекаться в борьбу за доступ к ресурсам и влияние как в собственных обществах, так и в развитых странах, переживающих в данный момент кризис рождаемости.

Именно беспрецедентное снижение рождаемости в странах Европы во второй половине XX в. привело к формированию теории «второго демографического перехода» [6]. Среди исследователей преобладает точка зрения, что этот процесс является следствием индивидуалистично ориентированной системы ценностей и соответствующих изменений норм поведения, в том числе и демографического, когда происходит расширение свободы выбора жизненных приоритетов, толерантности к восприятию новых моделей семьи, альтернативных форм отношения, всеобщей «атомизации» общества. И хотя феномен «второго демографического перехода» рассматривается как результат трансформации общественного сознания от консерватизма к прогрессивности, его отрицательные последствия уже в полной мере понимаются странами северо-западной Европы, где ведется активная политика стимулирования рождаемости и адаптации населения и всех общественных ин-

ститутів к старенню общества. В целом, хотя старение является своеобразным индикатором высокого развития общества и свидетельствует о наличии благоприятных условий для продолжительной жизни граждан, сокращение доли молодежи отрицательно влияет на особенности демографической структуры населения, ограничивая возможности воспроизводства поколений как основного движущего фактора прогресса. В контексте возможностей человеческого развития актуализируется и проблема высокой демографической нагрузки, когда немногочисленная часть работающего населения вынуждена «содержать» в рамках фискально-бюджетных систем все большее число нетрудоспособных лиц. В результате, с одной стороны, растет давление на налогоплательщиков, с другой – вероятно снижение уровня социальных гарантий вследствие дефицита ресурсов страховых систем и бюджетов различного уровня.

Наиболее высокие показатели демографической нагрузки традиционно характерны для «старейших» стран мира: Японии, Франции, Италии (50–60 нетрудоспособных на 100 человек в возрасте 15–64 лет). Однако особого внимания заслуживают демографические процессы в Израиле, где высокий уровень демографической нагрузки формируется «снизу», т.е. за счет высокой фертильности населения в условиях прогрессирующего постарения. Именно в Израиле наблюдаются наивысшие значения суммарного коэффициента рождаемости (2,9 ребенка на женщину фертильного возраста в 2012 г.) в группе стран с очень высоким уровнем человеческого развития. Значительно менее актуальна проблема чрезмерной нагрузки на работающее население в исламских обществах с их традиционно высокой рождаемостью: в ОАЭ и Катаре, странах с очень высоким уровнем человеческого развития, на 100 человек в возрасте 15–64 лет приходится только около 20 нетрудоспособных. Однако, согласно данным демографических прогнозов [7], вследствие необратимости общественного прогресса именно в развивающихся странах к 2050 г. будут проживать более 80% пожилых людей мира.

Негативные последствия трансформации возрастной структуры населения сегодня четко проявляются и на рынках труда развитых стран, где дефицит рабочей силы приводит к развитию международной трудовой миграции на фоне демографического взрыва в странах «третьего мира». Действительно, «трудоемкие» регионы (Северная Америка, Австралия, отдельные страны ЕС) вынуждены открывать рынки своих стран как для высококвалифицированных специалистов, так и для «замещающих» мигрантов из менее развитых стран с целью заполнения ниш на рынке труда, не привлекающих резидентное население. Среди стран с высоким уровнем человеческого развития наиболее зависимыми от притока рабочей силы остаются нефтедобывающие страны Ближнего Востока (коэффициент чистой миграции составляет 132,9 мигрантов на 1 тыс. чел. в Катаре и 106,3 мигрантов в ОАЭ), а также Сингапур, Люксембург, Австралия. Такой высокий уровень зависимости стран от внешних трудовых ресурсов также выступает своеобразным детерминантом «негативного» развития, ограничивает внутренний потенциал экономического роста и формирует целый ряд социальных вызовов, связанных с политикой мультикультурализма в странах-реципиентах рабочей силы. Так, обострение межэтнических и межконфессиональных конфликтов, возможная маргинализация мигрантов, рост нагрузки на системы социальной защиты населения приводят к растущему недовольству резидентного населения, формируют угрозы социальной стабильности и радикализации общества.

Таким образом, действие демографических детерминант «негативного» человеческого развития проявляется и в наиболее развитых странах мира; более того, именно в некоторых из них фиксируются крайние, «экстремальные» параметры соответствующих индикаторов. В таблице представлены минимальные и максимальные значения показателей, характеризующих рассмотренные выше демографические вызовы в группе стран с очень высоким уровнем человеческого развития (в соответствии с рейтингом Программы развития ООН в 2013 г.).

Таблица. – Основные индикаторы демографических факторов «негативного» человеческого развития в развитых странах и Украине

Индикаторы	Страны с очень высоким уровнем человеческого развития		Украина	
	max	min	Значение	Риски
Коэффициент рождаемости (на 1 женщину)	2,9 – Израиль 2,2 – Аргентина	1,3 – Португалия, Германия, Япония, Южная Корея	1,5	Средний
Демографическая нагрузка (на 100 чел. 15–64 лет)	61,6 – Израиль 59,6 – Япония 55,7 – Франция	18,3 – Катар; 20,9 – ОАЭ; 32,3 – Гонконг	42,8	Достаточно высокий
Коэффициент чистой миграции (на 1 тыс. чел.)	132,9 – Катар 106,3 – ОАЭ 30,9 – Сингапур	–0,1 – Южная Корея; 0,0 – Эстония; 0,3 – Польша	–0,2	Низкий

Источник: составлено автором по [2]

Современные демографические проблемы в Украине и их роль в контексте человеческого развития

Эмпирические данные позволяют оценить риски влияния «негативных» демографических факторов на перспективы человеческого развития и в Украине. Если проблема зависимости развития от притока внешней рабочей силы не актуальна для экономики страны (наоборот, наблюдается масштабная внешняя трудовая миграция, что формирует разнообразные социально-демографические риски, связанные с «оттоком мозгов», длительным разрывом семейных связей и т.д.), то процессы трансформации возрастной структуры населения достаточно выражены. Наиболее высокие демографические риски связываются сегодня со старением общества; более того, ожидается, что в ближайшие десятилетия этот процесс будет прогрессировать. Если в 2013 г. население в возрасте от 65 лет составляло около 15% населения страны, то, согласно оценкам Института демографии и социальных исследований НАН Украины, к 2050 г. его доля превысит 24% [8, с. 12]. В 2012 г. гендерный разрыв в продолжительности жизни составлял 10 лет (76 лет для женщин и 66 лет для мужчин). При этом в странах Европы старение населения происходит в основном благодаря увеличению средней продолжительности жизни. Несмотря на положительную динамику увеличения продолжительности жизни в пожилом возрасте, наблюдаемую со второй половины 2010-х гг., достижения Украины в обеспечении долголетия населения на фоне других европейских стран весьма скромны. Особо тревожит падение продолжительности жизни мужчин вследствие чрезмерно высокой смертности в трудоспособном возрасте. Именно в этой демографической группе необходимо искать резервы сокращения преждевременной смертности и повышения продолжительности жизни населения.

Основным же фактором изменений в возрастной структуре населения Украины, приводящим к прогрессирующему старению, выступает низкий уровень рождаемости. Несмотря на определенный рост суммарного коэффициента рождаемости в период 2002–2012 гг., его значение остается низким и даже не достигает уровня простого воспроизводства населения (в 2012 г. коэффициент рождаемости в Украине составлял 1,53 ребенка на 1 женщину, в то время как для обеспечения простого воспроизводства необходимо 2,2 ребенка). В условиях ожидаемого сокращения общей численности населения это приведет к росту нагрузки на трудоспособное население и необходимости увеличения государственных расходов в сфере социальных услуг. Такое демографическое старение ставит перед обществом ряд требований к реформированию рынка труда, фискальных и страховых систем, социальной защиты и здравоохранения, развития социальной инфраструктуры и приводит к необходимости адаптации всей социальной политики в государстве с целью ее переориентации в сторону пожилых людей.

В целом политику в отношении пожилых людей в Украине следует постепенно переориентировать на расширение прав и возможностей лиц старших возрастных групп, как этого требуют принципы политики «активного старения». Практические шаги по совершенствованию и развитию политики в отношении людей пожилого возраста должны быть направлены на содействие занятости пожилых работников и продление периода их трудовой активности; дальнейшее усовершенствование пенсионной системы; создание условий для улучшения состояния здоровья и активного долголетия; обеспечение всесторонней социальной интеграции пожилых людей в обществе.

Заключение

Неравномерность развития в современном мире приводит к росту различных форм неравенства, в том числе и увеличению демографического разрыва между развитыми государствами и странами «третьего мира». Более того, целый ряд демографических проблем формирует сегодня новые глобальные вызовы для перспектив человеческого развития, обуславливая его «негативный» характер, в том числе и в наиболее развитых странах мира. Среди основных вызовов – старение населения, снижение уровня рождаемости, развитие масштабных миграционных процессов, приводящих к формированию новых социальных рисков на рынках труда, в сфере социальной защиты населения, в культурно-политической среде. Подобные риски «негативного» развития достаточно актуальны и для Украины; более того, современные демографические тенденции формируют потенциал дальнейших угроз в контексте человеческого развития и требуют своевременных и адекватных политик противодействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. UNDP (1996). Human development report. – New York : Oxford University Press, 1996.
2. UNDP (2013). Human development report. The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World. – New York : Oxford University Press, 2013.
3. Notestein, F. Population – the long view (1945) / F. Notestein // Food for the World / T. W. Schultz (ed.). – Chicago : Chicago University Press. – P. 37–57.
4. Gallup official web-site [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.gallup.com>.
5. Heinsohn, G. Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen / G. Heinsohn. – Bern : Orell Füssli, 2003.
6. Kaa, D. J. van de. Europe's Second Demographic Transition / D. J. van de Kaa // The Population Bulletin. – Washington, D.C., March 1987.
7. Ageing in the Twenty-First Century: A Celebration and A Challenge. – New York : United Nations Population Fund (UNFPA), 2012.
8. Україна: через десять років після Мадриду (стан реалізації Мадридського міжнародного плану дій з питань старіння в Україні у 2007–2012 рр.) / І. О. Курило [та ін.]. – Київ : М-во соц. політики України, Ін-т демогр. та соц. дослід. НАНУ, ФН ООН, 2012. – 132 с.

Рукапіс паступію у редакцію 26.06.2014

Gerasymenko G.V. Modern Demographic Challenges as Determinants of «Negative» Human Development

The article is devoted to a study of global demographic challenges, restricting potential of human development in various parts of the world. The author considers transformations of demographic processes, resulting in the shifts in population composition, as factors of «negative» development, when high social achievements are not associated with comprehensive improving of the living standards. The following main determinants of such «negative» development are defined: population ageing, resulting in the increased demographic dependency rate; decline in fertility, leading to a deficit of labour force; high rate of dependency of country's development on external labour resources, resulting in the large-scale migrations. Indicators of assessment of these demographic problems at international level are grounded in the article; their parameters are investigated in details for countries with very high level of human development. The estimated risks of demographic determinants of «negative» human development in Ukraine are determined, while general recommendations on their prevention are proposed.

УДК 316.77

И.А. Шебанова*старший преподаватель каф. философии и культурологии
Брестского государственного технического университета***ЭФФЕКТИВНОСТЬ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Состояние института семьи, степень ее устойчивости – важнейший индикатор адекватности социальной политики закономерностям социального развития в целом, показатель эффективности проводимых реформ. В статье рассматривается определение понятия семейной политики, ее законодательное документирование в Республике Беларусь. На основе материалов социологического исследования в совместном проекте БРФФИ-РГНФ Г14Р-039 «Изменение желаемого образа семьи в глазах различных поколений на постсоветском пространстве (на примере России и Беларуси)» автор анализирует эффективность проводимой семейной политики в Беларуси и России и делает краткие выводы.

Семейная политика государства сориентирована на конкретный объект – семью – и представляет собой комплекс целенаправленных мер экономического, политического, правового, медико-социального, информационно-просветительского и организационно-управленческого характера [1]. Основной целью семейной политики считается обеспечение благоприятных социальных, экономических и нравственных условий для наилучшего выполнения семейных функций и обеспечения свободного развития каждого члена семьи.

Согласно имеющимся в литературе дефинициям семейную политику в узком смысле можно представить как выплату пособий и предоставление определенных услуг семейным парам с детьми или родителям-одиночкам. Сюда входят денежные пособия; декретный отпуск и отпуск по уходу и воспитанию ребенка; различные налоговые льготы, субсидии на приобретение социально значимых товаров; учреждения по уходу за ребенком. Широкое определение семейной политики включает в себя все стороны государственной политики, прямо или косвенно воздействующих на семью как на институт. В таком случае учитываются следующие параметры: питание, общественный транспорт, помощь пенсионерам, различные формы занятости для семей с детьми, законодательство (бракоразводное, права сожительствующей пары, права детей, права усыновителей, ювенальная юстиция, правовые отношения по вопросам абортов и контрацепции), услуги образования и здравоохранения, содействие семейному досугу, иммиграция и др. В современных условиях принципиально новым в разработке семейной политики является ее ориентация на оказание прямых социальных услуг через разнообразные социальные службы (медико-социальные, психологические, педагогические, социально-правовые), что предполагает наличие подготовленных профессиональных социальных работников, владеющих современными технологиями работы с семьей [2].

В Беларуси разработана и действует система правовых гарантий и социальных льгот семьям, воспитывающим детей. Реализуются такие социальные программы, как оказание финансовой помощи многодетным и молодым семьям при строительстве жилья, развитие системы бесплатного обеспечения продуктами питания детей первых 2-х лет жизни, оказание адресной социальной помощи. В настоящее время в стране проживает 2,7 млн семей, из них 1,3 млн – семьи, воспитывающие детей. Системой государственных пособий охвачено 448,8 тыс. детей (25% от общего количества), из них до 3 лет – 309,6 тыс. (99% детей данного возраста) [3]. Законодательно семейная политика в Республике Беларусь определена в следующих документах:

1. Указ Президента Республики Беларусь от 21 января 1998 г. № 46 «Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь», в который были внесены изменения и дополнения от 28 декабря 2007 г. № 676. Данный документ включает в себя следующие разделы: общие положения; основные направления

государственной семейной политики Республики Беларусь; основные цели государственной семейной политики; принципы государственной семейной политики; меры по разработке и реализации семейной политики, принимаемые государственными органами; предполагаемые результаты проведения государственной семейной политики [4].

2. Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» от 4 января 2002 г. и Директива Президента Республики Беларусь от 11 марта 2004 г. № 1 «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины».

3. «Концепция национальной безопасности Республики Беларусь», утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 и Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг., утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 11 апреля 2011 г. № 136, в которых нашли отражения и вопросы социальной политики.

На основе выше перечисленных законодательных актов в целях стабилизации численности населения и обеспечения перехода к демографическому росту была принята Национальная программа демографической безопасности Беларуси на 2011–2015 гг. Заказчиками Национальной программы являются Министерство образования, Министерство здравоохранения, Министерство внутренних дел, облисполкомы и Минский горисполком; заказчик-координатор Национальной программы – Министерство труда и социальной защиты [5]. Были сформулированы основные задачи и определены ожидаемые результаты реализации данной Программы:

- 1) увеличение общего коэффициента рождаемости в 2015 г. до 11,8–12,0 на 1 тыс. чел.;
- 2) увеличение суммарного коэффициента рождаемости (число детей, которых могла бы родить одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет) до 1,55–1,65;
- 3) увеличение удельного веса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитываемых в семьях, до 80% в общем числе детей данной категории;
- 4) стабилизация и снижение младенческой смертности до 3,8 на 1 тыс. младенцев, рожденных живыми;
- 5) увеличение до 40% удельного веса родов без осложнений;
- 6) снижение тяжести первичной инвалидности лиц трудоспособного возраста до 55%;
- 7) снижение смертности трудоспособного населения до 5,0 на 1 тыс. чел.;
- 8) снижение коэффициента общей смертности населения до 13,0–12,5 на 1 тыс. чел.;
- 9) увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении до 72–73 лет;
- 10) увеличение сальдо внешней миграции до 60 тысяч человек [4].

Для детального изучения семейного состояния в республике в настоящее время проводится сравнительный анализ демографических данных, полученных в ходе переписей населения, включая и перепись 2009 г. Согласно переписи 2009 г., преобладающий тип семьи в Беларуси – супружеская пара с детьми; удельный вес таких семей составил 38%. Перепись прошли более 2 млн 690 тыс. семей. По сравнению с итогами переписи населения 1999 г. общее число семей сократилось на 141 тыс., или на 5%. Средний размер семьи составил 3 человека как в целом по республике, так и по городским поселениям и сельским населенным пунктам. По сравнению с данными предыдущих переписей населения средний размер семьи постоянно сокращается. Как было отмечено в докладе Татьяны Гапличник, координатора по программной деятельности Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА), доля домохозяйств, имеющих детей в возрасте до 18 лет, за прошедшее после переписи десятилетие сократилась с 42% до 32% [6].

Дмитрий Маркушевский, академический директор Школы молодых менеджеров публичного администрирования (SYMPA) указывает следующие данные: по данным переписи населения 1979 г., в возрастной группе 45–49 лет лиц, никогда не вступавших в брак, среди мужчин оставалось 1,7%, среди женщин – 5,9%; по переписи 1989 г. – 3,6% и 3,3%

соответственно. По данным переписи 1999 г. 5,4% мужчин и 3,7% женщин в возрасте 45–49 лет никогда не состояли в браке. А данные переписи 2009 г. свидетельствуют, что этот показатель повысился до 6,6% у мужчин и до 4,4% у женщин [1].

Влияет ли семейная политика, проводимая в той или иной стране, на указанные процессы? Как правило, пакеты политических мер, затрагивая время, деньги и инфраструктуру, связаны с основополагающим режимом социального обеспечения. Это:

- 1) поддержка семей, особенно с большим количеством детей (например, Франция);
- 2) сокращение неравенства в доходах (скандинавские страны);
- 3) сокращение бедности (Великобритания, США);
- 4) укрепление гендерного равенства (скандинавские страны);
- 5) поддержка возвращения на работу (Франция, скандинавские страны, Нидерланды);
- 6) пронаталистская мотивация, стимулирование более высокого уровня рождаемости (Россия, Беларусь).

Далее в статье представлены результаты опроса, проведенного в 2014 г. кафедрой философии и культурологии БрГТУ в рамках госбюджетной НИР «Изменение желаемого образа семьи в глазах различных поколений на постсоветском пространстве (на примере России и Беларуси)», касающиеся основных стратегий семейной политики в этих странах и их соответствия ожиданиям респондентов. Анкетный опрос проводился среди белорусских и российских респондентов трех возрастных групп: подростков в возрасте 13–17 лет, молодежи (18–30 лет) и родителей (взрослых людей в возрасте 30–50 лет). Главным аспектом рассмотрения являлось выявление соответствия проводимой в Российской Федерации и в Республике Беларусь семейной политики ожиданиям респондентов. Ниже (таблица 1) приведены ответы представителей разных возрастных групп белорусских респондентов.

Таблица 1. – Как Вы считаете, должно ли государство поддерживать семью?, %

Фактор	Подростки	Молодежь	Родители
Да	66,2	79,4	66,2
Главное чтобы не мешало	1,5	8,8	20,6
Только малообеспеченным семьям	11,8	4,4	4,4
Затрудняюсь ответить	5,9	7,4	8,8
Другое	14,7	1,4	1,4

Как видно из таблицы 1, все возрастные группы из числа опрошенных респондентов предполагают, что государство должно вести политику на поддержание семьи независимо от обеспеченности. С возрастом растет убеждение: «Главное чтобы не мешало», но падает показатель по адресной поддержке только малообеспеченным семьям. Возможно, что большинство опрошенных относят себя в некоторой мере к такой категории.

Далее (таблица 2) размещены сравнительные результаты опроса российских и белорусских респондентов, дифференцированные по возрастному принципу.

Таблица 2. – Как Вы считаете, должно ли государство поддерживать семью?, %

Фактор	Подростки	
	Беларусь	Россия
Да	66,2	59,5
Нет	1,5	4,8
Главное чтобы не мешало	11,8	7,1
Только малообеспеченным семьям	5,9	15,5
Затрудняюсь ответить	14,7	13,1
Другое	–	–

В ответах подростков заметны количественные расхождения в решении отвергать помощь государства, а также при выборе ответа в оказании помощи госструктурами только для малообеспеченных семей. Белорусские подростки в большинстве своем рассчитывают на государственную поддержку либо считают, что государство не должно мешать семье самостоятельно принимать необходимые меры.

Таблица 3. – Как Вы считаете, должно ли государство поддерживать семью?, %

Фактор	Молодежь	
	Беларусь	Россия
Да	79,4	74,2
Нет	0	1,3
Главное чтобы не мешало	8,8	6,5
Только малообеспеченным семьям	4,4	12,3
Затрудняюсь ответить	7,4	5,2
Другое	1,4	0,6

Отвечая на вопрос «Как Вы считаете, должно ли государство поддерживать семью?», российская и белорусская молодежь в возрасте от 16 до 20 лет зафиксировала тенденцию предыдущей возрастной группы (подростки), и главное расхождение прослеживается опять же в выборе помощи только для малообеспеченных семей. Из белорусских респондентов так считают только 4,4%, а 12,3% российской молодежи адресует господдержку именно этой категории семей.

Таблица 4. – Как Вы считаете, должно ли государство поддерживать семью?, %

Фактор	Родители	
	Беларусь	Россия
Да	66,2	84,2
Нет	0	1,3
Главное чтобы не мешало	20,6	6,3
Только малообеспеченным семьям	4,4	7,1
Затрудняюсь ответить	8,8	1,3
Другое	1,4	–

Обратившись к ответам на вопрос «Как Вы считаете, должно ли государство поддерживать семью?» категории взрослых людей, ставших родителями и имеющих некоторый опыт семейной жизни, можно видеть бóльшую убежденность российских семейных людей в долге государства поддерживать семью. Существенно количественное отличие в выборе варианта «главное чтобы не мешало», где 20,6% белорусских респондентов соотносятся с 6,3% российских. Обращает на себя внимание и выбор более чем 8% респондентов фактора «затрудняюсь ответить» взрослыми семейными людьми из Беларуси.

Таблица 5. – Считаете ли Вы свою семью, семью Ваших родителей социально защищенной?, %

Фактор	Молодежь	
	Беларусь	Россия
Да, вполне	28,2	12,2
Скорее да, чем нет	22,5	30,8
Кое в чем	16,9	21,8
Скорее нет	25,4	17,3
Вовсе нет	2,8	13,3
Затрудняюсь ответить	4,2	16,7
Другое	–	–

Ответы на вопрос о социальной защищенности семей (таблица 5) выявляет ощущение степени психологической комфортности и стабильности, что, в свою очередь, говорит об эффективности проводимой в стране семейной политики. Ответы показали, что молодежь России в сравнении с белорусской считает семьи своих родителей более защищенными.

Таблица 6. – Считаете ли Вы свою семью социально защищенной?, %

Фактор	Родители	
	Беларусь	Россия
Да, вполне	13,2	11,3
Скорее да, чем нет	36,8	19,8
Кое в чем	25,0	26,1
Скорее нет	16,2	15,3
Вовсе нет	4,4	10,4
Затрудняюсь ответить	4,4	17,1
Другое	–	–

Данные таблицы 6 показывают, что взрослая категория опрошенных и в Беларуси, и в России предпочла выбор положительных ответов. И все же заметна большая степень уверенности в защищенности белорусских семейных людей, где только 4,4% респондентов ответили «вовсе нет».

Таблица 7. – Как Вы считаете, кто должен помогать семье кроме государства?, %

Фактор	Родители	
	Беларусь	Россия
Бизнес	6,0	12,2
Церковь	6,0	8,6
Некоммерческие организации	7,5	3,6
Объединения самих семей	7,5	10,2
Никто	16,4	11,2
Затрудняюсь ответить	46,3	53,3
Другое	10,4	1,0

Ответы на вопрос «Как Вы считаете, кто должен помогать семье кроме государства?» (таблица 7) выявляют большее затруднение у российских семейных респондентов, хотя довольно высок рейтинг этого фактора и у белорусской аудитории. Возможно, здесь играет роль советское прошлое нынешних семей, когда менталитет формировался не под влиянием рыночных отношений, и поэтому по-прежнему преобладают ожидания социальных гарантий от госорганов. И если на втором месте в выборе опрошенных россиян находится «бизнес», то у белорусов лидирует ответ «никто». Некоммерческие организации вызывают гораздо меньше доверия у россиян, а вот на церковь они возлагают больше надежд на помощь, чем белорусские семьи.

Таблица 8. – Как Вы считаете, кто должен помогать семье кроме государства?, %

Фактор	Молодежь	
	Беларусь	Россия
Бизнес	7,5	17,8
Церковь	3,0	6,7
Некоммерческие организации	1,5	8,9
Объединения самих семей	16,4	14,8
Никто	14,9	7,4
Затрудняюсь ответить	56,7	43,0
Другое	–	1,5

Молодое российское поколение, выбирая ответы на вопрос «Как Вы считаете, кто должен помогать семье, кроме государства?» (таблица 8), за исключением ответа «затрудняюсь ответить» (43%), детерминированного, возможно, тем, что раньше на этой проблеме не заострялось внимания, все же больше в будущем рассчитывает на факторы, которые актуализировались не так давно. Это и бизнес (17,8%), и некоммерческие организации (8,9%), и объединения самих семей (14,8%). Белорусская молодежь менее склонна рассчитывать на поддержку бизнесструктур, церкви и некоммерческих организаций (лишь 1,5%).

Анализируя полученные в результате опроса данные, можно сделать некоторые выводы. Семейная политика – это комплекс мер, направленных главным образом на решение двух задач: 1) регулирование процессов воспроизводства с целью повышения или снижения рождаемости до определенного уровня (демографическая политика); 2) снижение бедности семей с детьми, обеспечение прав детей на полноценное физическое, интеллектуальное, нравственное и социальное развитие. Эти задачи взаимосвязаны, и, говоря о формировании человеческого капитала, социологи обращают внимание: даже когда отсутствует демографический эффект, но повышается уровень жизни семей с детьми, можно говорить об улучшении социальной защищенности семьи и увеличении человеческого капитала.

Семейная политика в Республике Беларусь и России носит пронаталистскую направленность, т.е. основной целью видится повышение рождаемости. Разработаны и приняты основные документы, имеющие законодательный характер, в которых имеется программа на период, включающий 2015 г., и на данный момент в обеих странах документально не прослеживаются долгосрочные задачи и меры, перспективные цели. Программы, направленные на решение краткосрочных задач, связанных с улучшением материальных условий жизнедеятельности семей для стимулирования рождаемости, не в полной мере могут показывать гражданам ориентиры деятельности государственных и региональных властей с целью удовлетворения перспективных ожиданий и гарантий и, следовательно, будут обладать малой эффективностью и мотивационностью.

Для выявления соответствия ожиданий проводимой в странах семейной политики в процессе опроса российских и белорусских респондентов разных возрастных групп было установлено, что большинство российских и белорусских подростков и молодежи считает, что государство должно поддерживать семью. Это в принципе верное решение, ибо без семей нет и самого государства, т.е. тут должен проявляться явный обоюдный интерес. Вопрос только в том, в сфере каких социальных, законодательных или материальных гарантий эта господдержка должна осуществляться. Главное расхождение в ответах молодых респондентов прослеживается в выборе помощи только для малообеспеченных семей. Российские подростки больше, чем белорусские считают, что помощь государства должна оказываться только малообеспеченным семьям (видимо, подразумевается, что это материальная поддержка). Среди взрослых семейных респондентов можно видеть большую убежденность россиян в долге государства поддерживать эту социальную ячейку.

Выбор подростками и молодежью ответов на вопрос «Как Вы считаете, должно ли государство поддерживать семью?» является показателем современных социальных и политических реформ. Возможно, законодательные мероприятия в нашей стране, в отличие от России, во многом еще продолжают советскую традицию, когда государство брало на себя больше функций, чем в других странах, что в те времена диктовалось политикой индустриализации, коллективизации и пр. Тогда становится понятнее более частый выбор фактора «главное чтобы не мешало» как явный отказ от гипертрофированности государственного вмешательства в семейные вопросы современными белорусскими молодыми респондентами.

Ответы опрашиваемых семейных людей на вопрос «Как Вы считаете, кто должен помогать семье, кроме государства?» показали большую степень затруднения как у россиян, так и у белорусов. Возможно, здесь проявилось влияние менталитета предыдущего по-

коления, когда интересами семьи никто, кроме государственных структур, не занимался. Любопытен рейтинг фактора «бизнес», который у российской аудитории занимает 2 место, и лидирование ответа «никто» у белорусских респондентов. Некоммерческие организации вызывают гораздо меньше доверия у россиян, а вот на церковь они возлагают больше надежд на помощь, чем белорусские семьи. Молодое поколение, отвечая на тот же вопрос (за исключением ответа «затрудняюсь ответить», детерминированного, скорее всего, отсутствием рефлексии по этой проблеме ранее), все же больше в будущем рассчитывает на «силы», которые появились не так давно: бизнес, некоммерческие организации, объединения семей.

В гражданском обществе для эффективного достижения целей семейной политики необходимо соучастие трех субъектов: государства в лице его специализированных органов, социальных и территориальных общностей (этнических, социокультурных, религиозных и т.д.) и собственно семьи. Если на государственные структуры возлагаются законодательные и исполнительные функции семейной политики, то остальные субъекты (партии, религиозные объединения, бизнесструктуры и т.п.) могут способствовать отстаиванию и защите демографических, национальных или собственно семейных интересов. Взаимовыгодное сотрудничество и использование возможностей всех заинтересованных субъектов, имеющих осознанные цели и намерения относительно того, какой должна быть семья, как она должна изменяться, в чем состоит общественный интерес применительно к воспроизводству населения, – таковой должна быть совместная стратегия соучастия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артюхов, А. В. Государственная семейная политика и ее особенности в России / А. В. Артюхов // Социол. исследования. – 2002. – № 7. – С. 108–110.
2. Рабжаева, М. В. Семейная политика в России XX в.: историко-социальный аспект / М. В. Рабжаева // Обществ. науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 166–176.
3. Маркушевский, Д. Семейная политика в Беларуси [Электронный ресурс] / Д. Маркушевский. – 2014. – Режим доступа: http://www.sympaby.eu/sites/default/files/library/sympa_dm_family_policy.pdf. – Дата доступа: 4.09.2014.
4. Указ Президента Республики Беларусь от 21 января 1998 г. № 46 «Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008 г. – № 5. – 1/9268.
5. Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы : Указ Президента Республики Беларусь, 11.08.2011, № 357 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarus.newscity.info/docs/2011by/crxfnmtecgkfnj08207.htm>. – Дата доступа: 12.02.2015.
6. В Беларуси занялись семейной политикой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.moyby.com/news/61373/>. – Дата доступа: 12.02.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.03.2015

Shebanova I.A. Effectiveness of Family Policy in Russia and Belarus (on the Materials of Sociological Survey)

The state of the family institution and the degree of family stability are key indicators of social reforms effectiveness and the adequacy of social policy laws to the social development in its entirety. The article deals with the definition of the family policy notion as well as with the legal documentation of the family policy in the Republic of Belarus. On the basis of empirical research, the author analyzes the effectiveness of family policy in Belarus and Russia to make a brief conclusion.

УДК 314.6

В.И. Наумова*старший преподаватель каф. философии и культурологии
Брестского государственного технического университета***ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ СЕМЬИ
В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ**

Семья – это первая в жизни человека социальная группа, благодаря которой он приобщается к ценностям культуры, развивается как личность, осваивает первые социальные роли. Большинство населения земного шара живет в семьях, семейный уклад считает основным и правильным, и именно к созданию своей семьи стремится, как правило, каждый человек. Роль семьи в обществе несравнима по своей силе ни с какими другими социальными институтами, так как именно в семье формируется и развивается личность человека, происходит овладение им социальными ролями, необходимыми для безболезненной адаптации в обществе. Семья выступает как первый воспитательный институт, связь с которым человек ощущает на протяжении всей своей жизни. Основным функциям семьи в их современной трактовке и посвящена данная статья. Исследование и выводы сделаны на основе материалов социологического исследования в совместном проекте БРФФИ-РГНФ Г14Р-039 «Изменение желаемого образа семьи в глазах различных поколений на постсоветском пространстве (на примере России и Беларуси)».

Мы живем во время кризиса, который отражается на всех сторонах человеческой жизни. Сегодня ни для кого не секрет, что семья, по-прежнему оставаясь традиционной формой общежития, переживает определенные трудности и проблемы, как то: снижение прочности брачно-семейных отношений и спад общей рождаемости, рост числа неполных семей и проблемы, связанные с социализацией молодого поколения наших граждан, постоянные экономические трудности и многое другое.

Важное место в исследовании семьи занимает изучение ее структуры и системы функций. Особое внимание структуре и функциям семьи уделено в работах А.И. Антонова, А.Н. Елизарова, И.В. Гребенникова, Э.К. Васильевой, П. Сорокина, М.С. Мацковского, А.Г. Харчева, И.А. Герасимовой, И.Л. Анастасьевой, С.И. Голода, Ю.М. Гончарова, М.Г. Муравьевой, В.М. Целуйко и др. Так, в частности, А.И. Антонов справедливо отмечает: «Говоря о функциях семьи, следует помнить, что речь идет о социальных результатах жизнедеятельности миллионов семей, которые обнаруживаются на уровне общества, имеют общезначимые последствия и характеризуют роль семьи как социального института среди других институтов общества. Важно подчеркнуть, что это – функции общества, как бы закрепленные за специализированными на их выполнении институтами, и поэтому у каждого из институтов есть функции, определяющие уникальность, профиль данного института, и функции, которые сопровождают действие основных»[1, с. 132].

Несмотря на большое количество исследований, посвященных функциям семьи, следует отметить, что какой-то единой общепринятой классификации семейных функций нет. Социологи и культурологи выделяют как главные одни функции; психологи, в свою очередь, обращают внимание на значимость иных; однако между теми и другими существуют взаимозависимость и взаимодополняемость. Поэтому в качестве основополагающих можно смело выделить следующие функции:

- 1) репродуктивная (биологическое воспроизводство и сохранение потомства, продолжение рода);
- 2) воспитательная (семья формирует личность ребенка, оказывает систематическое воспитательное воздействие на каждого члена семьи в течение всей жизни);
- 3) материально-экономическая (поддержание одними членами семьи других: несовершеннолетних, престарелых, нетрудоспособных);

4) социально-статусная (постоянная ответственность членов семьи за поведение в обществе; деятельность, как правило, старших членов семьи, направленная на формирование определенных ценностных и культурных парадигм, отвечающих основным стандартам и правилам, принятым в обществе.

Именно интересом к взглядам на современную семью был вызван опрос, проведенный в рамках совместного исследования кафедрой философии и культурологии Брестского технического университета и Московским институтом семьи и воспитания РАО (проект БРФФИ Г14Р-39). Был осуществлен анкетный опрос 213 белорусских респондентов трех возрастных групп: подростков в возрасте 13–17 лет; молодежи (18–30 лет) и родителей (взрослых людей в возрасте 30–50 лет).

Среди опрошенных подростков (70 респондентов) преобладают юноши и девушки в возрасте 14–16 лет (64,4%), равные доли составляют подростки 13 и 17 лет (по 15,7%). Большинство подростков учатся в старших классах школы (9–11 кл. (76,1%); 51,4% опрошенных – юноши, 48,6% – девушки. Молодежь (72 респондента) распределяется по возрастной шкале следующим образом: от 17 до 24 лет – 84,7% (наибольшее количество 19-летних – 44,4%); от 25 до 32 лет – 13,3%; количество мужчин и женщин равное. 24,2% опрошенных в настоящее время работают, 3% – учатся в колледже или училище, 68,2% обучаются в высших учебных заведениях, 3% ничем не заняты. Среди опрошенных родителей (71 респондент) представлены все возрастные группы (от 27 до 50 лет), однако большинство составляют взрослые люди в возрасте от 40 до 50 лет (66,4%), из них в возрасте от 40 до 45 лет – 46% от всех опрошенных. Семейное положение анкетированных взрослых: замужем (женаты) – 80%; живут вместе, но официально не состоят в браке – 2,9%; живут порознь, но не разведены 1,4%; разведены 11,4%; никогда не состояли в браке – 4,3%.

Опрос производился таким образом, чтобы подростки и молодежь отвечали независимо от взрослых. Опрашиваемые являются членами семей различного типа: полной нуклеарной (супружеская пара, проживающая вместе с детьми, не состоящими в браке); неполной нуклеарной (семья с одним родителем или супружеская пара без детей); полная сложная (семья, включающая не только родителей и детей, но и бабушек и дедушек, племянников, племянниц и др.); неполная сложная (семья, в которой совместно с родителями и детьми проживает только бабушка или только дедушка либо кто-то другой из родственников). Данные о типах семей представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Тип семьи, %

	Подростки	Молодежь	Родители
Полная нуклеарная	74,3	58,3	67,7
Полная сложная	7,1	4,2	14,5
Неполная нуклеарная	14,3	15,3	11,3
Неполная сложная	2,9	2,8	3,2
Прочие	1,4	19,4	3,2

Репродуктивная функция семьи является одной из важнейших, но, в последнее время говоря о кризисе семьи, мы имеем в виду именно кризис репродуктивной функции. Дело в том, что раньше в нашей стране был распространен тип многодетной семьи, в которой роль матери, как правило, сводилась в основном к рождению и воспитанию детей, вследствие чего женщина практически полностью была исключена из общественной жизни. В настоящее время сложилась иная картина. Женщина стремится состояться именно в общественной жизни, получить хорошее образование, построить карьеру, решить основные материальные вопросы, и очень часто рождение и воспитание детей уходит на второй план, откладывается на более поздний срок, а то и вовсе не входит в планы семьи. След-

ствии этого более половины всех семей сегодня имеют одного ребенка или вообще не имеют детей, значительно уменьшилось число семей, имеющих двоих или троих детей.

Современная демография часто выделяет и еще одну особенность, это так называемая вторая демографическая революция, суть которой состоит в том, что вслед за резким снижением детской смертности, произошедшим в 50–60 гг. XX в., сократилась и рождаемость. Однако сегодня рождаемость стала уже ниже уровня, в котором заинтересовано общество. Демографы считают, что для простого воспроизводства населения семье мало иметь двоих детей. Подсчитано, что население страны, состоящее из семей с двумя детьми, примерно через 30 лет теряет третью часть своей численности. Для простого воспроизводства населения необходимо, чтобы половина семей имела по трое детей, а остальные по двое. А для расширенного воспроизводства просто необходимо, чтобы больше половины семей имело трех и более детей, в противном случае нацию относят к вымирающей. Но, к сожалению, намерения многих молодых родителей на сегодня совсем не направлены на расширенное воспроизводство. Это связано еще и с таким немаловажным фактором, как занятость современных замужних женщин в сфере производства. На репродуктивную функцию семьи также очень негативно влияют разводы, которые, в свою очередь, перестают быть исключительным явлением и уже стали привычны в современном обществе. Статистика разводов неуклонно растет, и это очень серьезный фактор негативного влияния на репродуктивную функцию семьи.

В нашем исследовании определенный блок вопросов был посвящен именно вопросу планирования и рождения детей. В анкетах для всех трех возрастных групп был предложен блок вопросов, касающихся представлений о семье (таблица 2).

Таблица 2. – С какими взглядами на семью Вы согласны?, %

	Подростки	Молодежь	Родители
1. При заключении брака надо оформлять брачный контракт	27,1	20,8	1,7
2. Регистрировать брак не обязательно	7,1	11,1	1,4
3. Нужно венчаться в церкви	28,6	36,1	21,1
4. Сохранять семью с нелюбимым человеком не стоит, даже ради детей	22,9	29,2	32,4
5. Брак обязательно должен быть зарегистрирован, иначе это не настоящая семья	20,0	16,7	35,2
6. В наше время развод – это нормально, ничего страшного	4,3	2,8	9,9
7. Семья без детей – это не семья	42,9	31,9	46,5
8. Забота о детях является исключительно обязанностью женщин	2,9	–	2,8
9. Девушка должна сохранять девственность до свадьбы	11,4	6,9	8,5
10. Хорошая жена всегда покорна своему мужу	15,7	11,1	7,0
11. Для того, чтобы быть счастливым, не обязательно создавать семью	2,9	5,6	11,3
12. Чтобы завести и воспитать ребенка, не обязательно вступать в брак	5,7	6,9	11,3
13. Одинокий человек не может быть счастливым, смысл жизни – в семье	22,9	27,8	31,0
14. Семья – это прежде всего большой труд и терпение в отношении друг друга	31,4	40,3	62,0
15. Другое	–	1,4	–

Анализируя данные этой таблицы, следует отметить следующие тенденции, которые проявляются уже в подростковом возрасте и четко прослеживаются в других возрастных группах. В частности, почти 43% подростков, 32% молодежи и более 46% взрослых отмечают, что «семья без детей – это не семья». Роль семьи как основной ячейки общества и отношение к такому предназначению семьи очень четко сформулировано в позиции 13: выражение «Одинокий человек не может быть счастлив, смысл жизни в семье» отметили как наиболее важное почти 23% подростков, примерно 28% молодежи и 31% взрослых респондентов. За обязательную регистрацию брака высказались 20% подростков, почти 17% молодежи и более 35% взрослых респондентов. Интересным является и тот факт, что большая часть опрошенных солидарны, что не следует сохранять брачный союз с нелюбимым человеком (так ответили 23% подростков, более 29% молодых людей и более 32% родителей). И хотелось бы обратить внимание на тот отрадный факт, что большинство респондентов однозначно считает, что семья – это прежде всего большой труд и терпение в отношении друг друга (более 31% подростков, 40% молодежи и 62% взрослых).

Еще один блок вопросов, который был предложен подросткам и молодым людям, раскрывает причины традиционно ответственного и серьезного отношения к созданию семьи. В данном опросе подросткам и молодежи предлагалось ответить на вопрос, по каким причинам они хотели бы создать семью. Результаты данного блока вопросов представлены в таблице 3.

Таблица 3. – Если Вы хотите в будущем создать свою семью, то по каким причинам, %

	Подростки	Молодежь
Это отвечает желаниям моих родителей (родственников)	1,4	2,8
Так принято	18,6	8,3
Иметь ребенка (несколько детей)	22,9	27,8
Стать взрослым	8,6	2,8
Чувствовать материальную поддержку со стороны мужа (жены)	5,7	8,3
Жить отдельно от родителей	5,7	4,2
Иметь домашний уют	35,7	38,9
Иметь рядом близкого, любимого человека и не чувствовать себя одиноким	67,1	72,2
Не хочу создавать свою семью	1,4	–
Затрудняюсь ответить	2,9	4,2

Как видно из выше представленной таблицы, брак для современных молодых людей является результатом добровольного союза с любимым человеком. Именно желание быть рядом с любимым человеком и не чувствовать себя одиноким выбрали более 67% подростков и более 72% молодежи. Домашний очаг и уют как причину создания семьи отметили 35% подростков и почти 39% юношества. При этом желание иметь детей также является одной из основных целей при вступлении в брак. В частности, почти 23% подростков и 28% молодых людей отметили именно эту причину как одну из главных при создании семьи. Для конкретизации отношения респондентов к рождению детей всем группам было предложено ответить на вопрос о количестве детей в семье (желаемом для подростков и юношества и реально-желаемом для взрослых) (таблица 4).

Таблица 4. – Сколько детей Вы хотели бы иметь всего?, %

	Подростки	Молодежь	Взрослые
Ни одного	1,4	9,8	–
Конкретное число детей	49,3	58,6	62,1
Столько детей, сколько пошлет Бог	26,1	29,3	27,3
Затрудняюсь ответить	23,2	2,4	10,6

Результаты этой сводной таблицы четко показывают, что большая часть опрошенных хочет стать родителями и более того планирует конкретное количество детей. К сожалению, как подтверждают и другие современные исследования, «конкретное количество детей» в основном сводится к желанию иметь двух, реже трех. Отчасти оптимистичным является ответ «Сколько Бог пошлет»: более 26% подростков, более 29% молодых людей и более 37% взрослых. Анализируя эти цифры, можно предположить, что, возможно, при стабилизации и сохранении экономической своей функции многие семьи перестанут регламентировать свое желание иметь детей одним или двумя и на самом деле станут возвращаться к традиционной для славян многодетной семье. Это также является задачей современного белорусского государства. Ведь если наша страна по уровню воспроизводства вернется к семье с 3–4-мя детьми, как это было на территории Беларуси до Второй мировой войны, это коренным образом изменит демографическую ситуацию. Однако данные таблицы 4 представляют нам и очень тревожные показатели, по которым около 10% молодых людей вообще не хотят иметь детей. К сожалению, это тоже отголоски современного состояния семьи и семейной политики в современном мире.

Сегодня ни для кого не секрет, что зачастую количество детей напрямую связано с материальными возможностями современных семей дать своим детям достойное образование, что по-прежнему определяется в нашем обществе как показатель стабильного уровня жизни. Именно поэтому экономической функции семьи посвящен следующий блок нашего опроса. Так, экономическая функция, которая, по мнению И.В. Гребенникова определялась как «общественное производство средств к жизни, восстановление истраченных на производстве сил своих взрослых членов, ведение своего хозяйства, наличие своего бюджета, организация потребительской деятельности» [2, с. 117], сегодня стала иной, утратив некоторые присущие ей ранее особенности. Сегодня эта функция сократилась, как правило, до ведения домашнего хозяйства в городской квартире, а экономической базой семьи является работа ее взрослых членов (родителей) в различных организациях. Таким образом, экономической базой современной семьи является заработная плата родителей и ее равномерное распределение. Определяя материальное положение своей семьи, 30% подростков оценили его на 8 по 10-бальной шкале, а еще 18,6% на 5. В целом 74,2% подростков оценили материальное положение своей семьи выше среднего (от 6 баллов и выше).

Таблица 5. – Оцените материальное положение Вашей семьи по 10-бальной шкале

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Подростки	–	1,4	1,4	4,3	18,6	14,3	17,1	30,0	7,1	5,7
Молодежь	–	–	5,6	9,7	8,3	20,8	26,4	18,1	6,9	4,2

Молодежь также в основном считает материальное положение своей семьи вполне благополучным: 26,4% молодых людей оценили его на 7, а 20,8% на 6 баллов из 10. В целом 76,4% молодых людей оценили материальное положение своей семьи выше среднего. Важнейшим элементом понятия «стабильное материальное положение семьи» является наличие собственного жилья. И тут результат опроса показывает следующее (таблица 6).

Таблица 6. – Жилищные условия Вашей семьи, %

	Подростки	Молодежь
1. Собственный дом или часть дома	27,7	30,6
2. Отдельная квартира	61,4	52,8
3. Коммунальная квартира	4,3	4,2
4. Снимаем квартиру (комнату)	4,3	12,4
5. Другое	2,3	–

Таким образом, более 89% подростков и 83% молодежи называют свои жилищные условия стабильно хорошими.

Можно предположить, что оценка материального положения семьи подростками и молодежью носит несколько идеализированный характер, поэтому для сравнения обратимся к ответам взрослых респондентов. В предложенной анкете экономическое положение семьи оценивается взрослыми по нескольким аспектам, в результате чего вырисовывается общая оценка экономического состояния семьи (таблица 7).

Таблица 7. – Какое из приведенных ниже высказываний больше соответствует экономическому положению Вашей семьи? (дайте один ответ), %

Живем в достатке, ни в чем себе не отказываем	5,7
Хватает денег на все необходимое	60,0
Живем достаточно скромно	28,6
Отказались почти от всего	2,9
Затрудняюсь ответить	2,9

Данные таблицы 7 свидетельствуют о том, что только немногим более 5% взрослых определили экономическое положение своих семей как достаточное и хорошее; 60% взрослых респондентов отметили, что денег хватает только на необходимое, а еще более 28% оценивают свое экономическое положение как очень скромное.

В таблице 8 представлены более развернутые ответы взрослых респондентов, которым предлагалось оценить по 10-бальной шкале финансовое положение своих семей, обеспеченность предметами первой необходимости и длительного пользования, питанием и одеждой а также как одну из экономических составляющих возможности организации досуга семьи, что во многом сегодня также относится к ее экономической функции.

Таблица 8. – Условия жизни Вашей семьи (10-бальная система: 1 – очень плохо, 10 – очень хорошо), %

Показатели	Баллы										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	≥ 6
Финансовое положение	2,9	12,9	11,4	18,6	22,9	10,0	22,9	10,0	5,7	2,9	51,5
Питание	–	1,4	4,3	7,1	17,1	21,4	11,4	21,4	11,4	4,3	69,9
Обеспеченность одеждой и обувью	–	1,4	5,7	11,4	12,9	10,0	15,7	24,3	14,3	4,3	68,6
Обеспеченность предметами длительного пользования	–	1,4	11,6	8,7	14,5	5,8	13,0	26,1	14,5	4,3	63,7
Жилищные условия	–	–	11,4	2,9	7,1	8,6	15,7	30,0	20,0	4,3	78,6
Организация отдыха, проведение свободного времени семьи	–	1,4	4,3	14,3	7,1	17,1	15,7	18,6	11,4	8,6	71,4
Психологическая атмосфера семьи	–	2,9	4,3	7,1	11,4	10,0	11,4	18,6	17,1	17,1	74,2

При более детальном анализе экономической составляющей современной семьи мы наблюдаем следующие результаты. Так, 51,5% респондентов оценили свое финансовое

положение как выше среднего (от 6 баллов и выше); по уровню обеспечения предметами первой необходимости и питанием эта цифра достигает 68% и почти 70% соответственно; чуть ниже показатели, связанные с обеспечением предметами длительного пользования (более 63% оценили свое положение как выше среднего). Подавляющее большинство респондентов (более 78%) оценили свои жилищные условия также как выше среднего, причем 30% опрошенных оценили их как хорошие (8 баллов), а 20% как очень хорошие (9 баллов). Это свидетельствует, что жилищная политика, проводимая нашим государством в последние годы, начала приносить свои заметные результаты.

Еще одной важной функцией семьи является воспитательная. В нашем социологическом опросе есть целый блок вопросов, касающихся воспитательной функции семьи (таблице 9).

Таблица 9. – Какие черты характера стремятся воспитать в Вас Ваши родители?, %

	Подростки	Молодежь
Трудолюбие	54,3	54,2
Целеустремленность	41,4	33,3
Настойчивость	22,9	22,2
Послушание	27,1	31,9
Индивидуальность	22,9	20,8
Заботливость	22,9	22,2
Доброта	44,3	44,4
Честность	45,7	56,9
Порядочность	41,4	44,4
Аккуратность, опрятность	30,0	45,8
Воспитанность, вежливость, хорошие манеры	35,7	50,0
Дисциплинированность	15,7	23,6
Бережливость в отношении денег и вещей	28,6	30,6
Самостоятельность и независимость	22,9	27,8
Активность, целеустремленность	10,0	9,7
Любознательность, интеллект, широта мышления	24,3	27,8
Терпимость	17,1	15,3
Стремление к успеху	25,7	11,1
Самоконтроль, воображение	12,9	11,1
Воля, характер	21,4	16,7
Другое	1,4	1,4

Данные таблицы 9 говорят о том, что усилия современных родителей направлены преимущественно на воспитание морально-нравственной и трудолюбивой личности. Именно такими хотят видеть родители своих детей, и именно такие характеристики отметили и подростки, и молодежь как наиболее важные.

Конечно, всякий социологический опрос имеет определенную долю погрешности, но всякое анкетирование хорошо тем, что выражает именно актуальный временной срез оценок той или иной тематики.

В заключение можно сказать, что основные функции семьи, трансформируясь, меняя свои акценты и наполняемость, все же по-прежнему являются тем индикатором, который помогает достаточно точно и своевременно выявлять основные проблемы жизнедеятельности семьи и всего общества. Поэтому подобные опросы необходимы и обязательны для изучения насущных проблем современного общества и возможности своевременного регулирования отношений государство – семья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов, А. И. Микросоциология семьи / А. И. Антонов. – М., 1998. – 360 с.
2. Гребенников, И. В. Основы семейной жизни / И. В. Гребенников. – М. : Просвещение, 1991. – 256 с.
3. Голод, С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С. И. Голод. – СПб., 1998. – 272 с.
4. Дружинин, В. Н. Психология семьи / В. Н. Дружинин. – Екатеринбург : Деловая книга, 2000. – 208 с.
5. Ковалев, С. В. Психология современной семьи / С. В. Ковалев. – М. : Просвещение, 1988. – 208 с.
6. Мацковский, М. С. Социология семьи. Проблемы, теории, методологии и методики / М. С. Мацковский. – М., 2006. – 340 с.
7. Титаренко, В. Я. Семья и формирование личности / В. Я. Титаренко. – М. : Мысль, 1987. – 351 с.
8. Харчев, А. Г. Современная семья и ее проблемы / А. Г. Харчев, М. С. Мацковский. – М. : Норма, 2008. – 345 с.
9. Целуйко, В. М. Психология современной семьи / В. М. Целуйко. – М. : ВЛАДОС, 2004. – 288 с.
10. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – СПб. : Питер, 2002. – 656 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.03.2015

Naumova V.I. Features of Realization of the Main Functions of the Family in Modern Belarus

The family is the first social group in human life thanks to which he/she joins culture values, develops as the personality, and masters the first social roles. Most of the population of the globe live in a family, family way is considered as the main and right and each person seeks for creation of the family, as a rule. The family role in society is incomparable in the force with any other social institutes, as in a family the identity of the person is formed and develops; here he/she masters social roles necessary for painless adaptation in the society. The family acts as the first educational institute, and the person feels connection with it throughout all life. In their modern treatment this article is also devoted to the main functions of a modern family.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Інструкцыі па афармленні дысертацыі, аўтарэферата і публікацыі па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Прэзідыума Дзяржаўнага вышэйшага атэстацыйнага камітэта Рэспублікі Беларусь ад 24.12.1997 № 178 (у рэдакцыі пастановы Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, ад 15.08.2007 № 4). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па левым краі);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па левым краі);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку, калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасьцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А.В. Дзябёлая, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 02.06.2015. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 18,37. Ул.-выд. арк. 15,39.

Тыраж 100 экз. Заказ № 212

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.